

ISBN 2686-7648

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Евразийские исследования. История.
Политология. Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Eurasian Studies. History. Political Science.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

6

2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Evraziiskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series

Academic Journal

There are 6 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. Political Science. History. International Relations" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5.4. International relations (Political science)

5.6.2. World history (Historical science)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (Historical science)

Objectives and scope

RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" is a scientific journal devoted to topical issues of development of the post-Soviet states, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: 6-6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

Tel: 495-250-62-11

e-mail: rgg@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. Политология. История. Международные отношения» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.7. История международных отношений и внешней политики
(исторические науки)

Цели и область

Вестник РГГУ. «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.

На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Тел.: 495-250-62-11

Электронный адрес: rggu@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.I. Pivovarov, member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

A.S. Levchenkov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.E. Titkov, Cand. of Sci. (History), professor, Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

B.G. Ayagan, Dr. of Sci. (History), Institute of History of the State Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Yu.G. Akimov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

M. Bassan, PhD., professor, University of Sodertorn, Stockholm, Sweden

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Fenenko, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A. Filler, PhD., professor, University of Paris VIII, Paris, France

A.V. Guschin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

J.M. Jafarov, Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan

N.I. Kharitonova, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.L. Kheifets, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

E.A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

K.P. Kurylev, Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

- M. Laruel*, PhD., professor, Georgetown University, Washington, USA
- K.E. Meshcheryakov*, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation
- M.Yu. Mukhin*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- B.B. Pak*, Dr. of Sci. (History), senior research scientist, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science (IOS RAS), Moscow, Russian Federation
- O.V. Pavlenko*, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.-P. Ray*, PhD., professor, University of Paris I Pantheon-Sorbonne, Paris, France
- A.T. Sabirov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, International Institute for Central Asia, Tashkent, Uzbekistan
- O.V. Solopova*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- A.V. Vlasov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- E.Ya. Vittenberg*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

N.A. Filin, Dr. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.И. Пивовар, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Редакционная коллегия

А.С. Левченко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

А.Э. Титков, кандидат исторических наук, профессор, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

Ю.Г. Акимов, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Б.Г. Аяган, доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан

М. Бассан, *PhD.*, профессор, Университет Сёдертёрна, г. Стокгольм, Швеция

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Е.Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

А.В. Власов, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Д.М. Джафаров, доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан

Е.А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

К.П. Курьяев, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Россия

- М. Ларюэль*, PhD., профессор, Университет Джорджтаун, г. Вашингтон, США
- К.Е. Мещеряков*, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия
- М.Ю. Мухин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия
- О.В. Павленко*, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия
- Б.Б. Пак*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия
- А.Т. Сабиров*, кандидат исторических наук, доцент, Международный институт Центральной Азии, г. Ташкент, Узбекистан
- О.В. Солопова*, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия
- М.-П. Рей*, PhD., профессор, Университет Париж I Пантеон – Сорбонна, г. Париж, Франция
- Н.И. Харитонова*, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия
- А.В. Фененко*, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия
- А. Филлер*, PhD., профессор, Университет Париж VIII, г. Париж, Франция
- В.Л. Хейфец*, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Ответственный за выпуск

Н.А. Филин, доктор исторических наук, доцент, РГГУ

Contents

Socio-political processes in the past and present

Zaven A. Arabadzhyan

Russian battalion in the Persian army 10

Nikolai A. Medushevskii

The myth of the “Exodus of the Ewe people from Notsi”
as a historical source 26

Anush G. Margaryan

The Republic of Hatay (Hatay State) – the path to independence 40

Countries and regions of the world. Dynamics of development and patterns of interaction

---

Gleb S. Putilin

Scientific dialogue with Western countries in the context
of the foreign policy strategy of modern Azerbaijan 54

Aleksey S. Kuznetsov

On the comparison of the Treaty on the Fundamentals of Relations
and Principles of Cooperation and the Treaty on Comprehensive
Strategic Partnership between the Russian Federation
and the Islamic Republic of Iran 67

Igor V. Ryzhov, Maria Yu. Borodina

Islamization as an alternative scenario of globalization 80

Evgenia N. Fursova

Proxy war in Libya. Institutional transformation of Benghazi
in the context of external intervention 96

Society, politics, history, and religion. Development and interaction

---

Maria S. Kruglova, Alisa S. Soldatova

At the table of the Great Khan. Noodle dishes in the dietary system
of the Mongol Yuan Dynasty (Based on the “Yinshan Zhengyao”) 114

Arseniy S. Avrach, Valeriya Busheva

Analysis of China’s modern youth policy 130

Anna V. Lepnitskaya

The formation of the Chinese press in the late Qing era:
from “Jingbao” to commercial publications 141

Содержание

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

<i>Завен А. Арабаджян</i> Русский батальон в персидской армии	10
<i>Николай А. Медушевский</i> Миф об «Исходе народа эве из Нотси» как исторический источник	26
<i>Ануш Г. Маргарян</i> Республика Хатай – путь к независимости	40

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>Глеб С. Путилин</i> Научный диалог со странами Запада в контексте внешнеполитической стратегии современного Азербайджана	54
<i>Алексей С. Кузнецов</i> О сравнении Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества и Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран	67
<i>Игорь В. Рыжов, Мария Ю. Бородина</i> Исламизация как альтернативный сценарий глобализации	80
<i>Евгения Н. Фурсова</i> Прокси-война в Ливии: институциональная трансформация Бенгази в условиях внешнего вмешательства	96

Общество, политика, история и религия: развитие и взаимодействие

<i>Мария С. Круглова, Алиса С. Солдатова</i> За столом у Великого хана: блюда из лапши в системе питания монгольской династии Юань (по материалам «Иньшань чжэньяо»)	114
<i>Арсений С. Аврач, Валерия Бушева</i> Анализ современной молодежной политики КНР	130
<i>Анна В. Летницкая</i> Становление китайской прессы в эпоху поздней Цин: от «Цзинбао» к коммерческим изданиям	141

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 94(470+55)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-10-25

Русский батальон в персидской армии

Завен А. Арабаджян

*Институт востоковедения РАН
Россия, Москва, arabzava@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается судьба Русского батальона в персидской армии, который формировался постепенно под влиянием различных факторов. Его составляли солдаты, попавшие в плен в ходе двух русско-персидских войн XIX в., бежавшие в Персию из государственных образований Средней Азии полоняне, дезертиры, совершившие преступления различной степени тяжести, недовольные условиями службы в русской армии и прельстившиеся посулами райской жизни в Персии. Кроме того, немалую часть батальона составляли поляки, не испытывавшие к России добрых чувств.

Российские власти относились к наличию такого подразделения в персидской армии неодобрительно и старались уговорами и обращением к религиозным чувствам солдат побудить их вернуться на родину, что давало незначительный эффект. Однако, когда данным вопросом озаботился лично Николай I, ситуация резко изменилась. В 1837 г. в ходе встречи с наследником персидского престола и управляющим персидской провинцией Азербайджан в Эривани им была артикулирована настоятельная необходимость вернуть солдат и офицеров батальона в Россию. Поскольку персидское правительство могло принять меры к возвращению солдат только по указанию Мухаммед-шаха, находившегося в это время под стенами афганского города Герат, русский посол в Тегеране граф И.О. Симонич с сопровождавшими лицами двинулся туда, чтобы довести волю царя шаху, и оказался активно вовлеченным в персидско-афганское противостояние.

Шах не мог отказать императору и заявил, что возвращение русских начнется после окончания похода, что и было сделано в предельно деликатной форме с уговорами, выплатой денежного содержания, прощением не самых опасных прегрешений.

Ключевые слова: Персия и Россия, русский батальон, Гератский поход, русские дезертиры, Николай I, Мухаммед-шах

Для цитирования: Арабаджян З.А. Русский батальон в персидской армии // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 10–25. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-10-25

Russian battalion in the Persian army

Zaven A. Arabadzhyan

*Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies
Russia, Moscow, arabzava@yandex.ru*

Abstract. The article considers the fate of the Russian Battalion in the Persian army, which was formed gradually and under the influence of various factors. It was made up of soldiers who were captured during the two Russo-Persian wars of the 19th century, prisoners who fled to Persia from the state entities of Central Asia, deserters who committed crimes of varying severity, dissatisfied with the conditions of service in the Russian army and seduced by promises of a heavenly life in Persia. In addition, a significant part of the battalion was made up of Poles who did not have good feelings towards Russia.

The Russian authorities viewed the presence of such a unit in the Persian army disapprovingly and tried through persuasion and appeals to the religious feelings of the soldiers to urge them to return to their homeland, which had little effect. However, when Nicholas I personally took up the issue, the situation changed dramatically. In 1837, during a meeting with the heir to the Persian throne and the governor of the Persian province of Azerbaijan in Erivan, he articulated the urgent need to return the soldiers and officers of the battalion to Russia. Since the Persian government could take measures to return the soldiers only on the orders of Muhammad Shah, who was at that time under the walls of the Afghan city of Herat, the Russian ambassador in Tehran, Count Simonich, with his entourage, moved there to convey the will of the tsar to the shah, and found himself actively involved in the Persian-Afghan confrontation.

The shah could not refuse the emperor and declared that the return of the Russians would begin after the end of the campaign, which was done in an extremely delicate manner with persuasion, payment of salaries, and forgiveness of the least serious sins.

Keywords: Persia and Russia, Russian battalion, Herat campaign, Russian deserters, Nicholas I, Muhammad Shah

For citation: Arabadzhyan Z.A. (2025), "Russian battalion in the Persian army", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 6, pp. 10-25, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-10-25

Введение

Во время Семилетней войны (1757–1763 гг.) 14/25 августа 1758 г. под Цорндорфом (Бранденбург) состоялось кровопролитное сражение между русской и прусской армиями. Последней командовал сам Фридрих Великий. Сражение развивалось весьма непросто для русской армии, которая фактически оказалась брошенной своим командующим генералом В.В. Фермором. Несмотря на

крайне неблагоприятный ход сражения, благодаря мужеству солдат и офицеров русская армия выстояла под ударами прусаков, несколькими сильными контратаками не дала королю Фридриху победить и свела кровопролитную битву вничью, хотя и потеряла убитыми и ранеными половину личного состава. Именно после этого прусский монарх произнес известные слова в отношении русских: «Это железные люди. Их можно перебить, но разбить невозможно»!¹ В позднейшее время русский солдат снискал своей смелостью, стойкостью, готовностью к любым жертвам ради отечества вполне заслуженную славу, и нечто подобное высказыванию короля Фридриха говорили и Наполеон, и Бисмарк.

На протяжении истории за русским солдатом закрепилась репутация стойкого воина, верного присяге, своему государю и отечеству, успешно выполнявшего поставленные перед ним задачи в самых сложных ситуациях, природно-климатических и географических условиях, будь то горные гряды Альп и Кавказа, причерноморские степи или пустыни Средней Азии.

Однако в реальной жизни не бывает идеальных людей, и иногда всевозможные непредсказуемые ситуации, тяжелые жизненные условия или слабость отдельного человека толкают его на не самые благовидные с этической точки зрения поступки. Кроме того, по имевшейся традиции в рекруты нередко отдавали лиц, совершивших нетяжкие преступления и приговоренных к наказаниям.

В рассматриваемом в настоящей статье случае на службу к персидским шахам могли переходить солдаты, попавшие в плен во время двух русско-персидских войн, дезертиры и мужчины, захваченные хивинцами и бухарцами и позднее проданные в Персию. Именно из лиц этих категорий сформировался т. н. русский батальон. Его создание укладывалось в рамки усилий по реформированию персидской армии на европейский манер, которые предпринимались наследником персидского престола Аббасом Мирзой (1789–1833 гг.). Во время осады западно-афганского города Герата в 1837–1838 гг. Мухаммед-шахом (1808–1848 гг.) самым боеспособным подразделением персидской армии оказалась именно эта воинская часть. Более того, именно ее привлечение к данному походу привело к тому, что русские дипломаты оказались вовлеченными в Гератский поход самым непосредственным образом и оказались под стенами Герата. С учетом данных обстоятельств необходимо показать, как она появилась в персидской армии и что из себя представляла.

---

¹ *Кони Ф.* История Фридриха Великого. С.-Петербург: Изд. М.К. Липса, 1844. С. 481. Существует и иная формулировка данного высказывания: «Русского солдата мало убить, его еще надо повалить».

Исследование проведено с опорой на принцип историзма и с использованием историко-генетического метода. Источниковедческой основой явилась русская мемуаристика XIX в., труд одного из первых иранских историков конца XIX в. Мухаммед Таги Лесан аль-Молька Сепехра (1801–1880), не использованный до настоящего времени в отечественной литературе применительно к настоящему вопросу, и материалы Архива внешней политики Российской империи.

Формирование батальона и отношение к нему в России до вмешательства Николая I

В XIX в. граница между Россией и Персией формировалась постепенно в ходе двух русско-персидских войн и долгое время до подписания Туркманчайского трактата проходила по суше, не разделенной никакими водными преградами. De facto крайне сложно говорить о наличии четкой пограничной линии, скорее существовало некое приграничье, фронтир, внутри которого люди перемещались, не всегда обращая внимание на то, на какой стороне они находятся. Контролировать протяженную приграничную полосу кордонами было достаточно трудно, поэтому дезертиры легко могли переходить на персидскую сторону. Основным мотивом для переходов являлось желание избежать наказания за совершенный проступок, злоупотребления начальства и рассказы перебежчиков, лазутчиков или солдат, ранее попавших в персидский плен, о якобы прекрасной жизни в Персии.

Однако эти мотивы не были единственной причиной для оставления солдатами своей службы. Представление о многообразии причин дезертирства солдат и переходе их в Персию дает рапорт штаб-капитана лейб-гвардии Московского полка князя Кудашева на имя И.Ф. Паскевича от 26 сентября/8 октября 1828 г.:

Побеги из Тифлисского полка, сколько я мог узнать, происходили от того, что 1) полк. Волжинский не весьма может дать хороший дух полку и заботливо распоряжаться о выгодах солдата; 2) полк весьма обижается, что ваше сиятельство не взяли его в поход против турок; 3) полк некоторое время получал дурной хлеб, ибо сухари, оставшиеся в магазине, выдавались ему взамен муки; 4) полк не получал некоторых денег вовремя, а за разработку Кавказской дороги, где работы производились в 1825 г. и 1826 г., вовсе не получал; 5) во все лето в полку не отпускалась мясная и винная порция, от-

чего солдаты почти все страдали жестокими недугами; 6) что когда пленные русские проходили из Тавриза, а особенно 42-го егерского полка, солдаты представили Тифлисского полка людям жизнь в Персию бежавших в оборотительном виде для солдата, и 7) некоторые солдаты мне открыли, что подсылаемые из Персии шпионы подговаривали их прямо на побег к Аббас-мирзе².

Приведенный отрывок показывает, что бежали солдаты далеко не только из-за собственных проступков и уговоров засланцев, но и по причинам плохого обращения с ними, воровства их денежного и пищевого содержания и др.

Не взирая на мотивы, российские авторы XIX в. воспринимали дезертиров с «тяжелым чувством», клеймя за гнусную измену, за то, что они «передались чуждому им правительству как бы в вечное посрамление и оскорбление своих соотечественников»³.

Указанный процесс начался примерно со времени выхода России в Закавказье, т. е. условно с начала XIX в. Особый импульс ему придали русско-персидские войны, в ходе которых некоторое количество пленных русских солдат не вернулось в Россию после их окончания. Постепенно дезертиров скопилось в Персии так много, что из них был создан т. н. русский батальон численностью более 400 человек. Делом создания воинской части в Персии занимался Самсон Макинцев (1776–1849 гг.), получивший от персидских властей ханское достоинство и именовавшийся Самсон-ханом. Он служил на Кавказской линии, был вахмистром Борисоглебского драгунского полка, бежал в Персию еще в 1802 г.⁴ и начал собирать русских беглецов, формируя из них отряд. Будучи человеком грамотным в военных вопросах, обратил на себя внимание наследника престола Аббаса Мирзы и быстро сделал военную карьеру в персидской армии, получив чины наиба (прапорщика), султана (капитана), сарханга (полковника) и сартипа (генерал-майора)⁵. Примечательно, что в ходе Второй русско-персидской войны (1826–1828 гг.) Самсон-хан был советником Аббаса Мирзы, однако поставил условие, что его батальон не будет принимать участие в боевых действиях против своих соплеменников и единомыслителей.

---

² Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказа, 1878. Т. VII. С. 647.

³ *Берже Ад. II*. Самсон Яковлев Макинцев. Русские беглецы в Персии // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Т. XV. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашова, 1876. С. 771.

⁴ Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Т. VI. Ч. II. С. 348.

⁵ *Берже Ад. II*. Указ. соч. С. 770–804.

цев⁶. Русский батальон был настолько боеспособной по персидским меркам частью, что получил название Багадеран⁷, т. е. батальон богатырей.

В России время от времени поднимался вопрос о возвращении беглецов, но дело это было не простым как с чисто технической стороны, так и с политической. Техническая сложность состояла в том, что персидское правительство на словах могло соглашаться с правом России вернуть этих людей, но в то же время не предпринимало никаких действий, для того чтобы побудить их вернуться. В политическом плане сомнения имелись в российском МИД. В частности, в 1832 г. барон Г.В. Розен как главноуправляющий в Грузии предложил МИД использовать миссию в Тегеране, чтобы побудить персидское правительство уволить тех русских дезертиров, которые заявят о своем желании вернуться на родину, с военной службы. Однако в министерстве тщательно изучили все плюсы и минусы данного предложения и, поскольку оно не вполне соответствовало духу и букве Туркманчайского трактата, сочли, что публичное указание об отправке дезертиров на родину противоречит ему.

В письме от 4/16 сентября 1832 г. на имя полномочного министра в Тегеране И.О. Симонича (1794–1851 гг.) директор Азиатского департамента К.К. Родофиникин (1760–1838 гг.) указывал, что публичное распоряжение о возврате дезертиров:

...противно последнему трактату нашему с Персией, а потому произведет неприятные распри и повредит во многом другим нашим делам, а также той доверительности, которую успели мы приобрести при Тегеранском дворе⁸.

Сомнения сановников вызывало то, что в статье XIII Туркманчайского трактата речь шла только об обмене военнопленных, оказавшихся в неволе как в последней, так и в Первой русско-

---

⁶ Следует отметить, что некоторые из дезертиров переходили в ислам, но большинство оставалось верным христианству. Сам Самсон-хан остался православным и даже построил небольшую церковь на территории своего земельного владения.

⁷ Багадур – у монголов и тюркских народов означает герой, лихой наездник, богатырь. В данном случае к этому тюркскому слову приставлено персидское множественное число «ан». Поскольку Каджарская династия была тюркской и подавляющая часть населения Азербайджана также являлась тюркской, а батальон формировался именно в Азербайджане, то и его название оказалось на тюркский манер.

⁸ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 50. Л. 1.

персидской войне, но в ней ничего не говорилось о возврате дезертиров⁹.

МИД считал, что никакого массового возвращения устраивать не нужно, но если кто-либо из беглецов раскается и пожелает вернуться, то сделать это нетрудно по причине географической близости двух стран, и в таком случае миссия сможет тайно оказывать помощь солдатам, по одиночке, а не массово, переходящим границу. Это мнение подкреплялось авторитетом царя: «Таковое мнение Министерства иностранных дел удостоилось высочайшего утверждения»¹⁰.

Командующий Отдельным Кавказским корпусом барон Г.В. Розен (1782–1841 г.), в свою очередь, заручился поддержкой Николая I в том, чтобы ему было дано право из числа беглых солдат, добровольно вернувшихся из Персии, Турции и от горских народов, способных к продолжению службы отбирать людей для отправки в Кавказский корпус, других отправлять в части, расквартированные в Финляндии, а не способных – отправлять на их родину, не подвергая никого из вернувшихся каким-либо наказаниям. В связи с этим он просил И.О. Симонича распространить указанную информацию среди русских дезертиров в Персии, и особенно среди поступивших в персидскую армию. Случаи добровольного возвращения были нередкими, и иногда в русскую миссию приходили группы по 15 человек. Поскольку было решено, что возвращающиеся солдаты не должны брать с собой форму и принадлежности персидской армии, то миссия отвечала за обеспечение их одеждой, продовольствием и деньгами во время следования в Россию и пребывания в карантине. В случае прихода больших групп беглецов миссии требовались немалые средства на указанные цели, на трату которых она запрашивала разрешение в Петербурге¹¹.

Донося 16/28 февраля 1834 г.¹² обо всех указанных проблемах, И.О. Симонич оценивал нередкие побегии солдат в Персию как факт весьма прискорбный, ставящий его в сложное положение, и считал, что единственным «утешительным» в данной ситуации является

---

⁹ Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М.: МИД, 1946. С. 33.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 50. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2–3.

¹² На письме стоит 16 февраля 1833 г., но поскольку ссылки идут на письмо барона Розена от 19 декабря 1833 г., а такое письмо имеется (АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 50. Л. 21 с оборотом), очевидно, что письмо И.О. Симонича написано в феврале 1834 г.

одно то, что русский батальон, как его здесь называют, храбростью своею прославил имя свое в прошедшую Хорасанскую экспедицию до Кандагара и даже в самые пределы Индии¹³.

Также он отмечал большую роль казаков, находившихся при миссии, распространявших среди беглецов информацию о том, что царь даровал им прощение за проступки и побег, и сетовал на то, что при ней нет церкви и священника, который мог бы вразумить заблудших во время богослужения.

Резкое изменение позиции России

Однако через некоторое время подход к возвращению дезертиров существенно изменился. Это произошло в октябре 1837 г., когда Николай I (1796–1855 гг.) посещал Эривань. Узнав о предстоящем приезде царя в Закавказье, Мухаммед-шах, уже находившийся на пути к Герату, направил в Эривань своего шестилетнего старшего сына Насер эд-Дин Мирзу (1831–1896 гг.)¹⁴, в последствии унаследовавшего персидский трон и правившего с 1848 по 1896 гг., поскольку приветствовать русского государя, провести протоколно-церемониальную беседу должен был кто-нибудь достойный этого, принадлежащий к числу самых близких родственников шаха. Делегация поехала на встречу с царем с богатыми подарками: 50 дорогими шальями, тремя жемчужными четками и 40 туркменскими скакунами¹⁵. Но кроме протокольных целей, Мухаммед-шах преследовал и практическую – заручиться поддержкой прав данного принца на престол со стороны могущественного соседа. Принц передал царю два письма от Мухаммед-шаха, и был милостиво встречен императором, о чем позднее сам рассказывал в Тавризе российскому востоковеду Н.В. Ханькову¹⁶. В этих письмах, написанных собственноручно, помимо изъявления протокольных любезностей и заверений в дружбе и бла-

---

¹³ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 50. Л. 3.

¹⁴ Насер эд-Дин Мирзе было четыре года, когда в 1835 г. Мухаммед-шах издал фирман о возведении его в достоинство наследника престола, желая избежать смут и борьбы за власть, в случае непредвиденных обстоятельств. См.: Корф Ф. Воспоминания о Персии 1834–1835. Санкт Петербург: В Гутенберговой типографии, 1838. С. 262.

¹⁵ *Сепехр Мухаммад Таги Лесан аль-Мольк*. Насех аль-Таварих: Тарих-е Каджарие. Джелль-е доввом. Техран: Асатир, 1390. С. 669–670.

¹⁶ *Ханьков Н.В.* Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис: тип. Канцелярии наместника кавк., 1850. С. 14.

гожелательности, шах сообщал, что, не имея возможности лично приехать к Его Императорскому Величеству, он послал своего сына приветствовать его по прибытии в Грузию¹⁷.

Насер эд-Дин Мирза прибыл на встречу с Николаем I в сопровождении Мухаммед-хана Амир Незама Гяруси – управлявшего всеми делами персидского Азербайджана, Мирза Эйси-хана Этемад од-Доуле Даеси, Хаджи Мухаммад Незам уль-Улама, военного министра провинции Азербайджан Мирза Таги-хана Ферехани¹⁸ и ряда других лиц¹⁹. Именно Амир Незаму, а не малолетнему шахзаде, было высказано августейшее желание,

...чтобы батальон, составленный в Персии после войны нашей с Фатх Али-шахом, из военнопленных и перебежчиков, был распущен; чтобы русские солдаты, находившиеся в составе его, были возвращены в их отечество и, чтобы впредь запрещено было принимать в персидских владениях наших беглецов²⁰.

В ходе высочайшей аудиенции император, если верить иранскому историку Сепехру, который описывает встречу гораздо подробнее, чем российские источники²¹, задал Амир Незаму довольно неприятный вопрос о том, как проходит осада Герата, и что из себя представляют афганцы, раз шах с большой армией так долго находится там? Этот вопрос был неприятен Амир Незаму и он ответил, что гератская крепость неприступна, и ее не смог захватить ни один правитель с сотворения мира до настоящего времени, что подтверждается книгами. Также он заявил, что афганцы очень упорный народ, который годами воюет с армиями, подобными императорской, и никогда не оказывался побежденным. Несмотря на это, афганцы не рискуют выходить за стены цитадели и никогда не атакуют персидский лагерь²².

Данный аспект разговора выглядит маловероятным, поскольку он должен был иметь место в октябре 1837 г., когда персидская армия еще не дошла до Герата, где оказалась только в конце ноября

¹⁷ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 178. Л. 23 оборот.

¹⁸ Имеется в виду будущий канцлер и реформатор первых лет царствования Насер эд-Дин-шаха Мирза Таги-хан Амир Кабир (1807–1852 гг.).

¹⁹ *Сепехр Мухаммад Таги Лесан аль-Мольк*. Указ. соч. С. 669.

²⁰ *Ханыков Н.В.* Указ. соч. С. 14.

²¹ Это вполне понятно, поскольку его работа написана в эпоху, когда Несер эд-Дин Мирза стал персидским монархом Насер эд-Дин-шахом. Неслучайно работа Сепехра Насех аль-Таварих неофициально называется Тарих-е Насири, т. е. Насирова История.

²² *Сепехр Мухаммад Таги Лесан аль-Мольк*. Указ. соч. С. 672.

того же года, а то, как описывал Амир Незам ход осады Герата, совсем не соответствовало реальному положению вещей²³.

После этого император перешел к главной содержательной теме беседы относительно возвращения беглых и плененных русских солдат, из которых в шахской армии якобы было сформировано два фоджа (полка).

Также иранские представители были одарены богатыми подарками. Наследнику престола подарили золотой перстень с бриллиантами, на обратной стороне которого был изображен портрет императора, а сопровождавшим его лицам табакерки, инкрустированные алмазами, а также «золото». Позднее наследнику в Тавриз была прислана корона, украшенная алмазами и орден орла с лентой, которым награждались только коронованные особы²⁴. По возвращении в Тавриз Насер эд-Дин Мирза направил в шахский лагерь послание, в котором было изложено желание Николая I.

Этой встрече придавалось большое значение, хотя в Персии возможно не до конца осознавали, сколь милостив был император к августейшему ребенку, и могли обратить чрезмерное внимание на различные мелкие на взгляд восточного человека шероховатости. В связи с этим на аудиенции у шаха в персидском лагере под Гератом в ноябре 1837 г. старший драгоман Гутт счел необходимым дать Мухаммед-шаху некоторые пояснения, о чем информировал графа Симонича письмом от 28 ноября/10 декабря 1837 г.:

...на частной аудиенции его величество шах, который, прочитав его (послание Насер эд-Дин Мирзы – автор), выразил свое удовлетворение тем, как его сын был принят нашим августейшим господином. Докладывая затем шаху о замечаниях, содержащихся в вышеупомянутом письме, я старался дать ему понять, какое большое значение следует придавать знакам особого внимания, оказанного наследному принцу в нашей стране, которые должны вполне компенсировать строгий и холодный церемониал, который к тому же был соблюден настолько, насколько позволяли средства небольшого города Эривани и насколько позволяли приготовления, которыми мы были заняты в то же время для приема его величества императора; Позже я добавил, что если и были какие-то упущения в формаль-

²³ См., в частности, но не только, Рассказ русского пленного об осаде Герата персиянами в 1837–1838 гг. // Журнал для чтения воспитанникам Военно-Учебных Заведений. Т. 61. № 241. Санкт-Петербург: Тип. Военно-Учебных Заведений. 1846. С. 20–44.

²⁴ Селехр *Мухаммад Таги Лесан аль-Мольк*. Указ. соч. С. 672.

ностях, принятых в таких случаях, то барон Г.В. Розен уже исправил их, попросив извинения у Амира Незама, а сам император имел большую любезность сказать наследному принцу, что, находясь в поездке, он не смог принять его так, чтобы это соответствовало чувствам благосклонности и отеческого интереса, которые он питал к молодому принцу...²⁵

Сам император, возвращаясь в Петербург, направил ответное письмо Мухаммед-шаху из Москвы 10/22 ноября 1837 г., в котором благодарил его за его послание и высоко

Любезнейший сын Вашего Величества вручил Мне грамоту Вашу. Содержание оной, а также самый выбор лица, которое назначено было для приветствия меня, ...принимаю я новым доказательством искренней дружбы²⁶.

Наряду с изъявлениями дружеских чувств, Николай I писал, что именно отношения дружбы, искренности и «приязни», существующие между двумя монархами, дают ему уверенность в том, что шах обратит внимание на важный вопрос, который он поручил Мухаммед-хану Амир Незаму, правителю Азербайджана. Подчеркивалось, что от его решения зависят дальнейшие отношения между Россией и Персией. Царь писал:

Мне приятно думать, что справедливое требование, которое я объяснил Амир Незаму, получит исполнение... и что через сие укрепит-ся еще больше связь дружбы между двумя соседними нашими Державами²⁷.

Отправление послания государя обставили с большой торжественностью: оно было скреплено государственной печатью, вложено в мешок из «золотого глазета». Следует пояснить, что глазет²⁸ является разновидностью парчи с основой из шелка и узорами, вытканными золотыми или серебряными нитями. Это в данном случае подчеркивало уважение к корреспонденту и особой значимости поднятого вопроса. Кроме того, по высочайшему повелению специально изготавливались дорогие подарки для как для самого шаха, так и для молодого принца²⁹.

---

²⁵ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 178. Л. 49.

²⁶ Там же. Л. 148.

²⁷ Там же. Л. 148 об.

²⁸ Glacé в переводе с французского означает блестящий.

²⁹ АВПРИ. Ф. 194. Оп. 528а. Д. 50. Л. 147, 147 об.

Обо всех этих посланиях, подарках и пр. граф И.О. Симонич был проинформирован К.К. Родофиникиным. Параллельно барон Г.В. Розен сообщил миссии в Тегеране о желании монарха, высказанном на встрече в Эривани. И.О. Симонич считал, что шах быстро согласится выполнить волю царя, поскольку дорожит его дружбой, но сопротивление может встретиться со стороны начальников батальона и солдат, многие из которых совершили тяжелые проступки в России.

Расформирование русского батальона

В то время уже проходила осада Герата Мухаммед-шахом, войска, в т. ч. и русский батальон, находились у стен этого города. В связи с этим И.О. Симонич и еще несколько человек из числа сотрудников миссии покинули Тегеран и двинулись в сторону Герата для информирования шаха о поручении царя. Персидский монарх согласился с желанием соседа, и написал указы правителям Азербайджана, которыми предписывалось собирать перебежчиков и отправлять их в Россию, о чем в мае 1838 г. И.О. Симонич, находившийся в то время в персидском лагере под Гератом, информировал барона Г.В. Розена. Однако сам русский батальон в количестве 450 человек³⁰, находился в то время там же, а не в Азербайджане, что фактически означало отсрочку на какое-то время решения данного вопроса.

После завершения военных действий в Афганистане и возвращения армии в Персию вопрос о репатриации солдат русского батальона был переведен в практическую плоскость. С этой целью в Тегеран был направлен капитан Л.Л. Альбранд (1804–1849 гг.), прибывший в Тавриз в июне 1838 г. Он начал работу по поиску тех дезертиров, которые находились в персидской провинции Азербайджан еще до возвращения русского батальона и встретился с большим недоверием и даже враждебностью с их стороны. Основными причинами отказа возвращаться были нежелание расставаться с семьями, которыми многие солдаты успели обзавестись в Персии, уверенность в том, что персидское правительство не будет принуждать их силой к возвращению и боязнь наказания за совершенные ранее проступки. Л.Л. Альбранду удалось рассеять эти опасения. Он получил разрешения от кавказского начальства семейным солдатам забрать их родных в Россию и даже добился выделения

---

³⁰ *Симонич И.О.* Воспоминания полномочного министра 1832–1838 гг. М.: ГРВЛ, 1967. С. 128.

средств на переезд, огласил решение императора о прощении совершенных ранее проступков, за исключением таких, как убийство, и настоял на аресте наиболее агрессивно настроенных дезертиров, что продемонстрировало нежелание персидских властей вступаться за них³¹. Такие действия создали ему авторитет среди русских дезертиров в этой части Персии, и к концу октября 1838 г. из района Тавриза и окрестных мест удалось отправить в Россию 143 дезертира, в т. ч. 64 семейных. Всего же с женами и детьми выехало 315 человек³².

Сложнее было с солдатами русского батальона, тем более что около половины его состава приходилось на поляков, негативно настроенных к России. В Тегеран Л.Л. Альбранд приехал 8/12 ноября 1838 г. одновременно с новым российским полномочным министром А.О. Дюгамелем (1801–1880 гг.) и начал с того, что послал в кварталы, где проживали солдаты батальона состоявших при нем казачьих унтер-офицеров, чтобы понять их настроения. Часть русских после разъяснения условий, на которых им предлагали вернуться, уже на следующий день явилась в посольство, но поляки, особенно те, что получили офицерские звания, не проявили желания покинуть Персию.

Пришедших в посольство радушно приняли, разместили, кормили и угощали водкой. Сам Л.Л. Альбранд, будучи хорошим психологом, выпивал с ними, вел беседы. Вечерами там пели русские песни и вели душевные беседы о родине. Значительную часть польских офицеров удалось склонить к возвращению тем, что им было обещано разрешение поселиться в Польше, если они вместе со своими подчиненными добровольно уйдут из Персии. После этого в русской миссии появилось и много поляков. Всех там разместить не могли и поэтому арендовали большой караван-сарай, где было устроено большое застолье. И.Ф. Бларамберг так описывает его:

Здесь Альбранд устроил для солдат праздник, который превратился в грандиозную попойку, так как он нарочно пил с ними, чтобы еще больше склонить на свою сторону, и на самом деле все восхищались им и слепо ему повиновались. Так как весь батальон перешел теперь на нашу сторону, началась подготовка к отправке³³.

Правда, возникла новая сложность – персидское правительство не заплатило жалованье батальону за 15 месяцев и должно было

---

³¹ Ханьков Н.В. Указ. соч. С. 20.

³² Там же. С. 21.

³³ Бларамберг И. Воспоминания. М.: ГРВЛ. 1978. С. 151.

ему около 4 тыс. голландских дукатов³⁴. Однако А.О. Дюгамель распорядился выделить эти деньги из средств посольства. Каждому солдату выдали по два дуката в руки, а остальное осталось в ротных кассах до возвращения батальона в Россию³⁵.

Когда все было готово к походу, местным армянским священником было проведено торжественное богослужение, после которого с краткой речью к солдатам обратился А.О. Дюгамель. Он поздравил их с тем, что они опять стали верными подданными государя-императора и возвращаются на родину, пожелал им доброго пути.

22 декабря 1838 г./3 января 1839 г. батальон покинул Тегеран. Первым шел Л.Л. Альбранд, за ним музыканты, потом весь батальон в полном вооружении и с песней. Последним двигался обоз с продовольствием, семьями солдат и офицеров. Замыкал шествие арьергардный отряд. Капитан Альбранд большую часть пути прошел пешком, чтобы быть примером для солдат. Николай I высоко оценил его действия в Персии, произведя сразу из капитанов в подполковники. Все обещания были выполнены. Солдатам дали жилье и землю в станицах вдоль Кубани, полякам позволили уехать жить в Польшу. Так закончилась история русского батальона в Персии, куда более никто не бежал.

Заключение

История русского батальона в персидской армии имеет несколько аспектов. Прежде всего, с учетом высокой боеспособности и дисциплины он имел определенный демонстрационный эффект в рамках усилий по реформированию шахской армии. Однако эффект этот был ограниченным, поскольку местное общественное сознание все еще не было готово воспринять новации, которые несли европейская военная система. Реально строительство воинской части, в немалой степени схожей с европейскими, началось только ближе к последней четверти XIX в. когда под командованием русских офицеров была сформирована персидская казачья бригада³⁶. Окончился же этот процесс лишь в начале 20-х гг. XX в. созданием национальной иранской армии Реза-шахом Пехлеви.

Кроме того, пример этой воинской части показывал известные изъяны в военной организации и условиях службы в самой России,

³⁴ Золотая монета весом 3,49 грамма, чеканившаяся в России с середины XVIII в. по 1867 г.

³⁵ *Бларамберг И.* Указ. соч. С. 151.

³⁶ Подробно об истории этой воинской части см. Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М. 2012.

поскольку одной из основных причин дезертирства из русской армии были тяготы воинской службы для простого солдата, поступавшего по рекрутскому набору, и злоупотребления некоторыми начальников.

Наличие большого числа поляков в составе батальона по своему свидетельствовало о пассивном сопротивлении польского общества включению польских земель в состав Российской империи. Неслучайно, еще несколько человек польско-литовского происхождения, вовлеченных в данный период в персидские и афганские дела России, (поручик Виткевич и драгоман русской миссии в Персии Ходзько), каждый по-разному не захотели продолжать службу, а согласившиеся уйти из Персии польские офицеры и солдаты обусловили это разрешением поселиться в польских губерниях России.

Наконец, именно повеление Николая I вернуть солдат батальона в пределы империи стало причиной (или поводом?) для того, чтобы русская миссия почти в полном составе покинула Тегеран и двинулась к Герату для доведения до Мухаммед-шаха желания его августейшего соседа. Там русские дипломаты стали активными участниками военных действий, чем еще больше способствовали обострению отношений с Англией и началу т. н. Большой игры в Средней/Центральной Азии.

Источники

- Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказа. 1878. Т. VII. 994 с.
- Берже Ад. П.* Самсон Яковлев Макинцев. Русские беглецы в Персии // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Том XV. Санкт Петербург: Типография В. С. Балашова, 1876. С. 770–804.
- Бларамберг И.* Воспоминания. М.: ГРВЛ. 1978. 356 с.
- Кони Ф.* История Фридриха Великого. С.-Петербург: Издание М. К. Липса, 1844. 751 с.
- Корф Ф.* Воспоминания о Персии 1834–1835. Санкт Петербург: В Гутенберговой типографии, 1838. 290 с.
- Рассказ русского пленного об осаде Герата персиянами в 1837–1838 гг. // Журнал для чтения воспитанникам Военно-Учебных Заведений. Т. 61. № 241. Санкт-Петербург: Типография Военно-Учебных Заведений, 1846. С. 20–44.
- Сепехр Мухаммад Таги Лесан аль-Мольк.* Насех аль-Таварих: Тарих-е Каджарие (Ткань историй: История Каджаров). Т. 2. Техран: Асагир, 1390. 930 с.
- Симонич И. О.* Воспоминания полномочного министра 1832–1838 гг. М.: ГРВЛ, 1967. 175 с.

Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М.: МИД, 1946. 216 с.

Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М., 2012. 350 с.

Ханыков Н.В. Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника кавказского, 1850. 38 с.

Информация об авторе

Zaven A. Arabadzhyan, кандидат экономических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; arabzava@yandex.ru

Information about the author

Zaven A. Arabadzhyan, Cand. of Sci. (Economics), Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 107031; arabzava@yandex.ru

Миф об «Исходе народа эве из Нотси» как исторический источник

Николай А. Медушевский

*Российский государственный гуманитарный университет
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия, lucky5659@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению мифа об «Исходе народа эве из Нотси» как первоисточника знаний об истории этого африканского народа. Анализируемый в статье миф является центральным в системе исторической памяти эве, проживающих сегодня в Гане, Того и Бенине, и отражает исторические события, происходившие в XVII в. Он повествует о времени, когда народ эве был един, но в результате жестокого правления короля Нотси – Агорколи, вынужден был бежать и расселился по различным землям. Миф рассматривается автором как исторический источник на основе концепции изучения фольклорных источников В.Я. Проппа. Также в пользу допустимости критического анализа мифа говорят отдельные исторические источники, верифицирующие мифологические события. В статье автором рассматривается не только содержательный аспект мифа, но и его культурное значение, так как миф был записан и популяризирован среди эве в формализованном виде миссионерами Бременской миссии в конце XIX в. Распространение формализованной версии мифа заложило основу формированию общенациональной истории эве, в которой «исход из Нотси» оказался исходной точкой, символизирующей историческое единство народа и его потенциал к будущей интеграции.

Ключевые слова: миф, происхождение народа, эве, Гана, Того, историческая память, древняя история народов Африки

Для цитирования: Медушевский Н.А. Миф об «Исходе народа эве из Нотси» как исторический источник // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 26–39. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-26-39

The myth of the “Exodus of the Ewe people from Notsi” as a historical source

Nikolay A. Medushevsky

*Russian State University for the Humanities
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia, lucky5659@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the consideration of the myth on the “Exodus of the Ewe people from Notsi” as the primary source of knowledge about the history of that African people. The myth analyzed in the article is central to the system of historical memory of the Ewe living today in Ghana, Togo and Benin and reflects historical events that took place in the 17th century. It tells about the time when the Ewe people were united, but as a result of the cruel reign of the king of Notsi - Agorkoli, they were forced to flee and settled in different lands. The myth is considered by the author as a historical source based on the concept of studying folklore sources by V.Ya. Propp. Certain historical sources, which verify mythological events, also support the validity of critical analysis of the myth. In the article, the author considers not only the substantive aspect of the myth, but also its cultural significance, since the myth was recorded and popularized among the Ewe in a formalized form by missionaries of the Bremen Mission in the late 19th century. The spread of a formalized version of the myth laid the foundation for the formation of the public ethics history of the Ewe, in which the “exodus from Notsya” turned out to be the starting point, symbolizing the historical unity of the people and its potential for future integration.

Keywords: myth, origin of the people, Ewe, Ghana, Togo, historical memory, ancient history of the peoples of Africa

For citation: Medushevsky, N.A. (2025), “The myth of the “Exodus of the Ewe people from Notsi” as a historical source”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 6, pp. 26-39, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-26-39

Введение

Согласно определению О.М. Медушевой,

...исторический источник – это продукт (материально реализованный результат) целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о человеке и обществе, в котором тот жил и действовал [Медушевская 1996, с. 12].

Исходя из данного определения, источник должен обладать материальной формой, которая и становится объектом содержатель-

ного и визуального изучения исследователя. В то же время источником исторической информации выступает фольклор, представленный различными типами устного народного творчества, в числе которых песни, мифы, легенды, сказки и т. д.

Формы устного фольклора нельзя в полном смысле отнести к категории исторических источников в их традиционной интерпретации, так как они не статичны, подвержены постоянной трансформации и адаптации к слушателю, но в то же время они обладают характеристикой источника информации, так как передают слушателю значимые информационные концепты (системы знаний), многие из которых базируются на конкретных исторических событиях. В данной связи мы можем утверждать, что изучение фольклора дополняет и расширяет историческое знание о событиях, не имеющих зафиксированного исторического подтверждения, что особенно значимо применительно к этническим группам, не обладавшим до недавнего времени письменностью.

При этом нельзя не обозначить «относительность» исторических данных, получаемых из фольклорных произведений, которые хотя и освещают события прошлого, как правило, содержат их одностороннюю и неточную трактовку, также искажаемую художественными элементами речи рассказчика или певца [Путилов 1976]. Данное обстоятельство требует глубокой верификации получаемых знаний через изучение многих фольклорных произведений, полученных от различных информантов. Кроме того, нельзя игнорировать и контекстуальный фактор переосмысления сюжета под воздействием новых знаний, которые становятся доступны сказителям или певцам гораздо позже создания изначального произведения [Налепин 1988].

В итоге возможность рассматривать информацию из фольклорных произведений как историческую может обеспечить лишь критический анализ данной информации, реализованный с опорой на другие типы исторических источников [Гацак 1975].

Исторически обусловленными являются все фольклорные произведения, так как они отражают эпоху своего создания и в своей сути опираются на современные им знания, т. е. содержат «приметы породившего их периода истории» [Чистов 1986], и именно этот факт позволяет нам в данной статье обратиться к мифологии африканского народа эве как источнику информации об эпохе, абсолютно не отраженной в письменных источниках.

Методология и историография

Рассматривая фольклор народа эве, сегодня проживающего в Гане, Того и Бенине, как источник исторических данных, мы опираемся на зафиксированные рассказы, описанные целым рядом исследователей в период с конца XIX в. и по н. в.

Первые записи мифов и легенд эве были сделаны миссионерами Северогерманской пресвитерианской (Бременской) миссии, и в первую очередь Йозефом Шлегелем¹ и Якобом Шпитом² в промежутке с 1857 – по 1916 г. Именно Якоб Шпит впервые подробно описал центральный «исторический миф» эве об «Исходе эве из Нотси», который сегодня выступает отправной точкой уже официального историописания народа и включен в школьные образовательные курсы по истории эве в Гане.

В середине XX в. к изучению исторических мифов обращались, к примеру, Мадлен Манукян [Manoukian 1952] и африканский автор Дзигбоди Фиаву [Fiawoo 1959], также опиравшиеся на сбор фольклора.

В последние десятилетия количество работ, посвященных описанию истории эве, основанному на фольклорной традиции, значительно выросло, чему способствовала предыдущая формализация исторических знаний и растущий социальный запрос со стороны самих эве на создание полной этнической истории.

В данной связи следует упомянуть работы таких африканских авторов, как Д. Кодзо-Вордоагу [Kodzo-Vordoagu 1994], Ф. Агбодека [Agbodeka 1997], С. Грин [Greene 2002], ведущего историка Ганы и специалиста по истории эве Д. Аменумея [Amenume 2008], а также крупные работы Х. Амоако и А. Дотсе, опубликованные в сети Интернет³.

¹ *Schlegel J.B.* Schlüssel zur Ewe-Sprache, dargeboten in den grammatischen Grundzügen des Alo Dialekts derselben mit Wörtersammlung nebst einer Sammlung von Sprüchwörtern und einigen Fabeln der Eingeborenen. Bremen: Verlag Valett, 1857. 119 s.

² *Spieth J.* Die Eweer. Schilderung von Land und Leuten in Deutsch-Togo. Bremen: Sonderdruck // Kommission bei der Norddeutschen Missions-Gesellschaft, 1906. 112 s.; Spieth J. Die Ewe-Stämme. Material zur Kunde des Ewe-Volkes in Deutsch-Togo. Berlin: Reimer, 1906. 1048 s.

³ *Amoako H.K.* Detailed History of the Ewes: Origin of The Great Amega Wenga Patriarch of the Anlos // African Research Consult. 13.12.2020. URL: <https://african-research.com/research/african-countries/african-tribes/detailed-history-of-the-ewes-origin-of-the-great-amega-wenga-patriarch-of-the-anlos/#:~:text=As%20a%20tradition%2C%20the%20Ewe,any%20interference%20from%20the%20authorities> (дата обращения 14 октября 2025); *Dotse A.K.* Detailed History of The Ewes: The Founding of Agavedzi, Klikor and Bomigo // African Research Consult. 14.12.2020. URL: <https://african-research.com/research/african-countries/african-tribes/detailed-history-of-the-ewes-the-founding-of-agavedzi-klikor-and-bomigo/> (дата обращения 14 октября 2025).

Методологический подход, применяемый нами в данной статье, основан на концепции В.Я. Проппа, представленной в работе «Об историзме русского фольклора и методах его изучения» [Пропп 1998]. В соответствии с данным подходом изучение мифа об «Исходе эве из Нотси» может реализовываться через «установку на описываемое событие». Это наиболее классический подход, предполагающий высокое доверие к источнику, на основании знаний о реальности и историчности излагаемого в нем события. В такого рода исследованиях акцент делается на изучении последовательного набора событий, изложенных в источнике, и их (примерной или точной) датировке. Предполагается, что фольклорный источник содержит описание реальных событий и личностей, и лишь адаптирует информацию под формат жанра, не изменяя ее сути. Исследователь в данной связи лишь выявляет исторические факты и верифицирует, а также датирует их.

Данная модель применима к мифу «Исход эве из Нотси». Так, события данного мифа частично подтверждены записями путешественников [d' Elbée 1973] и археологическими изысканиями [Quagsoorome 1993]. Именно эта исследовательская модель будет применена нами в первой части данной работы.

Миф «Исход эве из Нотси» в историописании народа

Миф об исходе эве из Нотси является центральным событием в этнической истории народа. На протяжении поколений, начиная с XVII в., когда данный исход произошел, миф передавался в песенной форме, причем имел много вариаций, распространенных в разных племенах эве, в каждой из которых присутствовал акцент на участие собственных вождей в исторических событиях.

В своей работе «Die Ewe-Stämme. Material zur Kunde des Ewe-Volkes in Deutsch-Togo»⁴ миссионер Якоб Шпит изложил уже консолидированный вариант легенды, который в дальнейшем популяризировался миссионерами через систему приходского образования как основа формирования общей идентичности народа эве, что привело к практически полному вытеснению других трактовок и укоренению в традиционной культуре синтезированного мономифа, хотя и имеющего локально привязанные продолжения об истории племен после исторического Исхода. Данная история была по-

---

⁴ Spieth, J. Die Ewe-Stämme. Material zur Kunde des Ewe-Volkes in Deutsch-Togo.

пуляризирована на французском языке в версии пастора Квакуме в 1948 г.⁵

Сам город Нотси является историческим и существует до сих пор. Он расположен в Того, в 60 км от столицы Ломе, и в нем до сих пор можно видеть остатки стены, когда-то возведенной по приказу короля Агорколи, о чем пишут в своих записках европейские путешественники того времени [d'Elbée 1973].

По данным археологов [Quarsoorome 1993], город был основан при участии эве около 1500 г. В других трактовках говорится, что его основали сами эве, но это порождает вопрос о том, почему центральный персонаж мифа – король Агорколи – запер эве в городе и мучил их, спровоцировав на побег. Вероятно, что верховная власть в городе принадлежала отдельному племени, возможно, не относящемуся к эве.

В период основания Нотси эве мигрировали с территории Юго-Западной Нигерии, где тогда развивалась империя народа йоруба – Ойо, которой посвящены многие, в т. ч. российские исследования [Кочакова 1968]. Как пишет историк Х. Амоако,

мигранты, покинувшие Тадо (Современный Бенин), пошли по пути охотника по имени Афотсе или Ндетси, или предка Ноина, или Да, в зависимости от изложенной версии. Хозяева города Нотси предоставили всем мигрантам землю в городе, чтобы они могли поселиться там в отдельных кварталах. По некоторым данным, в период своего наивысшего расцвета город Нотси состоял из тридцати шести кварталов. Однако всеми кварталами правил один великий король Нотси. В числе королей Нотси называются последовательно Адела Блебуа, Цамла, Адела Дзавое, Экпе, Адела Торбле, Агор и Агоркорли⁶.

Как мы видим, Амоако в своей исторической работе описывает династию королей Нотси исходя из мифологии, так как письменных источников, охватывающих историю Нотси XV–XVII вв., не существует.

Важное значение для понимания ситуации, в которой оказались эве при правлении Агорколи, имеет организация города Нотси. Квадво Амоако описывает ее следующим образом (и его слова подтверждаются археологией [Quarsoorome 1993]):

---

⁵ Amoako H.K. Op. cit.

⁶ Ibid.

Вокруг Нотси были построены две стены. Первая, меньшая по размеру, известная как Агбогбови, была построена во времена вождя эве – Да в XV в. Она была построена для того, чтобы огородить королевский двор от всех, кроме членов королевского клана (Это подтверждается и современной традицией эве, в соответствии с которой доступ к вождю должен быть ограничен для подданных, чтобы не осквернять особу вождя-верховного жреца и священный табурет (фетишизированный трон). Как следствие, дворец вождя всегда огораживается высокой изгородью – примечание автора основано на полевых исследованиях в Гане и Того 2021–2024 гг.). Как и в Кету – предполагаемом истоке миграции эве из Ойо, в городе Нотси также была вторая глинобитная стена протяженностью 14,5 км, остатки которой до сих пор сохранились [Lawrance 2007, p. 242].

Стена имитировала два полукруга. Жители отгородились стеной от набегов с Востока, со стороны королевства Тадо, защитив тем самым свои посевы. Сам город был разделен на отдельные кварталы, населенные представителями различных пришедших племенных групп, у каждой из которых был свой вождь, осуществлявший всю полноту власти в сообществе, но подчиняющийся королю [Mamattah 1976].

Процветание города было зафиксировано французским путешественником в 1669 г., когда он записал:

...король этой земли могуществен и хорошо управляет ею; его великая политика посвящена разрешению конфликтов и справедливости; его соседи не решаются нападать из-за его могущества. Считается, что он может легко развернуть пять тысяч воинов и что город такой же населенный и большой, как Париж [d'Elbée 1973].

Квадво Амоако пишет, что до определенного момента короли выполняли преимущественно церемониальные функции и сам тип организации власти был заимствован в королевстве Тадо, однако король Агоркорли узурпировал светскую и духовную власть и стал тираном. Данное утверждение также основано на мифе, так как в нем именно жестокость и неограниченная власть короля представляются как основная причина исхода⁷ [Quarsoorome 1993].

---

⁷ *Amoako H.K.* Op. cit.

Содержание мифа об исходе из Нотси

Центральным историческим событием, популяризированным в сказаниях и ставшим поводом для ежегодных праздников в разных частях Эваленда, является исход из Нотси. Все легенды об исходе имеют общую суть, но различаются художественными подробностями и наличием в них упоминаний об основателях того или иного сообщества эве после исхода. В рамках данной работы мы приводим легенду об исходе эве из Нотси по работе Квадво Амоако⁸, но в сокращенном и адаптированном варианте.

В легенде, в разных ее интерпретациях, присутствуют имена лидеров сообщества эве, которым приписываются сила, хитрость, мужество и магические способности. В их числе Кугбоака, Тегли, Гемедзра, Сетси, Амега Венья, Торгбуи Такла, Кпоноэ Шри И, Адела Адзома и Цали Акпломада.

Считается, что до прихода Агорколи к власти в Нотси царила гармония и было развито клановое самоуправление, в том числе и у недавно присоединившихся кланов. Монарх же был главным жрецом и церемониальной фигурой, объединяющей сообщество на сакральном уровне. Но Агорколи пренебрег традицией, вышел за пределы королевского двора, обнесенного центральной стеной, и начал проводить репрессии среди кланов эве. Последние были особенно недовольны необходимостью строить городскую стену [Quarsoorome 1993].

Существуют разные версии о причине строительства стены. Некоторые историки согласны с тем, что стены должны были препятствовать набегам работорговцев на жителей города, в то время как другие считают, что это было сделано для того, чтобы враги короля не сбежали, что позволило королю Агорколи свести счеты с кланами эве за убийство своего сына⁹.

История с сыном короля крайне запутана. Квадво Амоако приводит следующую ее интерпретацию, ссылаясь на устную традицию. Согласно легенде, любимый сын короля Агорколи – Ацифо-за и сын вождя одного из племен (эве) Шри I (го), которого звали Экпей (?), развлекались на реке, и Экпей чуть не утонул. Воспользовавшись ситуацией, Торгбуи Шри I вступил в сговор со своими старейшинами, чтобы ложно обвинить Ацифозу в утоплении своего сына. Он послал сообщение королю Агорколи о предполагаемой смерти сына, чтобы сына Агорколи казнили за предполагаемое убийство. Для вождя Шри это была месть за жестокость по отно-

---

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

шению к его народу. Сам Экпей был спрятан, в то время как кто-то, похожий на Экпея, был утоплен и представлен в качестве доказательства на суд Агорколи.

Агорколи, соблюдая свой же закон «око за око», вынужден был казнить своего сына. Но позже тайна вскрылась в одной из вариаций легенды, потому что Шри, будучи пьяным, заявил: «Мы – дети Хама из земли Хама (Египет), мстители за живых мертвецов»¹⁰. Вероятно, данное включение в миф относится к XIX в. и отражает христианское влияние, так как до прихода миссионеров эве не имели представления о Ветхом завете и не ассоциировали себя с хамитами. По другой версии старейшина Тогби Атсу Тсала рассказали правду Агорколи. Это одна из причин, по которой Тогби Атсу Тсала и несколько других старейшин покинули Нотси до всеобщего исхода¹¹.

Король Агоркорли пришел в ярость и приказал убить всех старейшин догбо, что и было выполнено. Согласно другой версии, причина убийства заключалась в том, чтобы лишить эве мудрости предков и сделать их покорными¹². Спасся только старейшина Тормбуи Тегли.

В это время была достроена стена города, которая не должна была позволить эве сбежать. Кроме того, ее постройка была совмещена с пыткой, так как надсмотрщики по указанию короля Агорколи смешали глину с шипами, острыми режущими предметами и битым стеклом [Nadel 1942]. В легенде стена имела сакральную силу, так как при ее строительстве проливалась кровь, поэтому считалось, что физически ее невозможно преодолеть (магия крови – одна из самых сильных ритуальных практик у всех народов Западной Африки).

Эве также использовали магию. Их жрец магическим обрядом нейтрализовал режущее воздействие посторонних предметов в глине для строительных работ. Король Агоркорли был поражен тем, что эве смогли закончить работу, но продолжил свою ужасную политику по уничтожению населения сообщества. Он выдвинул новое требование, согласно которому эве должны были принести ему глиняную бечевку. В противном случае их ожидала массовая казнь.

Старейшина Тормбуи Тегли, прячущийся в лесу, сказал посланникам своего народа потребовать у короля образец глиняной бечевки, чтобы сделать такую же. В итоге король отказался от своего требования, но продолжил жестокое угнетение, что побудило

---

¹⁰ Ibid.

¹¹ Dotse A.K. Op. cit.

¹² Ibid.

народ начать готовить побег из города. Их изначальный план предполагал убийство стражи на воротах, но Торгбуи Тегли предложил иной вариант.

Он посоветовал найти наиболее тонкий участок стены, а женщинам выливать на него воду от стирки и воду, загрязненную менструальными выделениями. Это было сделано для нейтрализации магических сил, которые, как предполагалось, сделали стену сверхтвердой из-за вливания человеческой крови при постройке и вмонтированных мертвых тел врагов короля во время ее строительства. Женщины эве втайне в течение длительного периода ослабляли и оскверняли стену грязной водой.

В священный день «Хохогбе» эве отвлекли внимание стражи игрой на барабанах, а в полночь в город вернулся Торгбуи Тегли с кинжалом (мечем) «Адекпуи». Сам Торгбуи Тегли был скрыт от врагов магией и ему помогали духи предков.

Он пронзил стену кинжалом, нанеся стене оккультную смерть, а мужчины эве разрушили стену, после чего Торгбуи Цали вывел людей на свободу и стал их вождем. (По другой версии, Торгбуи Тегли (Адекпуи) передал меч в руки Торгбуи Асора, лидеру одного из сообществ эве¹³.)

Говорят, что меч «Адекпуи» сохранился до наших дней как часть регалий табурета Торгбуи Асора, лидера племени эве в Хо в Гане. Здесь следует отметить, что в истории асогли из Хо упоминается также лидер по имени Торгбуи Каклу, который вывел их группу из Нотси¹⁴.

Побег, по легенде, происходил следующим образом:

Первыми вывели женщин, больных и детей, за ними последовали пожилые люди, в то время как молодежь и мужчины среднего возраста остались, чтобы продолжить играть на барабанах, петь и танцевать (отвлекая внимание). После того, как все остальные ушли, барабанщики и несколько оставшихся певцов и танцоров последовали за ними. Последняя часть группы прошла задом наперед по точным следам предыдущих групп около двух миль, чтобы следы не могли выдать их местонахождение¹⁵.

Торгбуи Тегли был слишком слаб, чтобы отправиться в долгое путешествие, но устная традиция гласит, что он исчез и переселил-

---

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

ся в далекую страну, где присоединился к предкам. Сам же народ эве расселился по Юго-Западному Того и Восточной Гане, основав шесть первых «государств» – Анло, Асогли, Гби, Акпини, Торну и Хокпе.

Заключение: значение мифа о Нотси

Значение легенды об исходе из Нотси для современных эве сложно переоценить. Наряду с комплексом мифов о сотворении мира, это одна из основных скреп их этнической идентичности, так как данная легенда содержит точное указание на корень происхождения и содержит информацию о том, что 350 лет назад эве были одним народом и подчинялись единому монарху. Однако современное значение легенды в качестве скрепляющего людей эве фактора существовало не всегда, о чем в своей статье 2002 г. пишет Сандра Грин [Greene 2002].

Она отмечает, что сегодня этот миф стал эффективным инструментом, который используют, например, как исторический источник, как моральный стабилизатор общественных отношений среди сообществ эве, как обоснование причины, почему эве после «исхода» так и не создали единого государства, или наоборот, как основание того, почему эве в конечном итоге должны объединиться.

Однако в XIX в. легенда о Нотси имела иной смысл. Она не была широко распространена среди эве и наиболее выраженным образом сохранялась лишь в сообществе анло, которое, в свою очередь, было наиболее организованным протогосударственным образованием. В данном сообществе легенда подчеркивала именно происхождение самих анло, пускай и в контексте общего происхождения эве.

Как пишет Сара Грин:

Тем эве девятнадцатого века и не-эве в регионе, которым приходилось сталкиваться с этими немецкими концепциями, это немецкое понимание Нотси было знакомо лишь смутно. Поскольку у них было собственное понимание своей индивидуальной истории, языков, культур и происхождения (связанное с их племенной, а не этнической идентичностью). Большинство признавало, что город (Нотси) был важен исторически, особенно как религиозный центр, но это был лишь один из многих таких центров. Не менее важным является тот факт, что эти местные представления девятнадцатого века заслоняли более раннюю историю, которая определяла Нотси как крупный экономический центр региона не только местными жителями, но и европейскими торговцами, работавшими на побережье в середине шестнадцатого века [Greene 2002].

В добавление отметим также, что Нотси не был единственной точкой происхождения народа эве, так как значительная часть эве осталась в Тадо и заселила территории к востоку от Нотси, а Исход из Нотси был направлен на юг и на запад.

Тем не менее благодаря популяризации легенды о Нотси статус данного города для эве в Гане и Того стал знаковым, символическим, и остается таковым до сих пор, хотя поселение давно утратило свой былой политический и экономический статус [Greene 2002].

В итоге сегодня легенда о Нотси – это уже не столько миф или легенда, сколько фундаментальная история эве, на базе которой разные локальные сообщества строят свою современную историю, сформировавшуюся после изначального «исхода».

В то же время свою актуальность сохраняет вопрос об истории эве до их пребывания в Нотси, и чем дольше развивается историческое самопознание исторической группы, тем сложнее становится картина мифического прошлого народа. Данному вопросу посвящена вторая часть нашего исследования.

Источники

Schlegel J.B. Schlüssel zur Ewe-Sprache, dargeboten in den grammatischen Grundzügen des Alo Dialekts derselben mit Wörtersammlung nebst einer Sammlung von Sprüchwörtern und einigen Fabeln der Eingeborenen. Bremen: Verlag Valett, 1857. 119 s.

Spieth J. Die Eweer. Schilderung von Land und Leuten in Deutsch-Togo. Bremen: Sonderdruck. In Kommission bei der Norddeutschen Missions-Gesellschaft, 1906. 112 s.

Spieth J. Die Ewe-Stämme. Material zur Kunde des Ewe-Volkes in Deutsch-Togo. Berlin: Reimer, 1906. 1048 s.

Литература

Гацак 1975 – *Гацак В.М.* Из лекций А.Н. Веселовского по истории эпоса // Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975. С. 287–319.

Кочакова 1968 – *Кочакова Н.Б.* Города-государства Йорубов. М.: Наука, 1968. 200 с.

Медушевская 1996 – *Медушевская О.М.* Источниковедение: теория, история, метод. М.: РГГУ, 1996. 79 с.

Путилов 1976 – *Путилов Б.Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 244 с.

Налепин 1988 – *Налепин А.Л.* Изучение проблем историзма в американской фольклористике. Критический анализ // Фольклор, проблемы историзма. М.: Высшая школа, 1988. С. 42–70.

- Пропи 1998 – *Пропи В.Я.* Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. С. 185–208.
- Чистов 1986 – *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 306 с.
- Agbodeka 1997 – *Agbodeka F.* ed. A Handbook of Eweland. Vol. I: The Ewes of Southeastern Ghana. Accra: Woeli Publishing Services, 1997. 393 p.
- Amenumey 2008 – *Amenumey D.E.K.* Ghana a concise history from pre-colonial times to the 20th century. Accra: Woeli Pub. Services, 2008. 281 p.
- d' Elbée 1973 – *d' Elbée F.* Genre ou forme de la ressource: Ouvrages avant 1800 // Journal du voyage du Sr Delbée aux isles, dans la coste de Guinée [Reprod.]. Description matérielle : 4 microfiches de 60 images. Paris: Hachette, 1973.
- Fiawoo 1959 – *Fiawoo D.K.* The Influence of Contemporary Social Changes on the Magico-Religious Concepts and Organisation of the Southern Ewe-Speaking People of Ghana. (Doctoral dissertation). University of Edinburgh, 1959. 377 p.
- Greene 2002 – *Greene S.E.* Notsie Narratives: History, Memory, and Meaning in West Africa // South Atlantic Quarterly. 2002. № 101 (4). P. 1015–1041.
- Lawrance 2007 – *Lawrance B.N.* Locality, mobility, and “nation”: periurban colonialism in Togo's Eweland, 1900–1960 (Rochester studies in African history and the diaspora). Rochester: University Rochester Press, 2007. 307 p.
- Kodzo-Vordoagu 1997 – *Kodzo-Vordoagu J.G.* Anlo Hogbetsotso Festival. Accra: Domak Press Ltd., 1994. 33 p.
- Mamattah 1976 – *Mamattah Ch.M.K.* The EVes of West Africa: History of the Eves. Accra: Volta Research Publications, 1976. 678 p.
- Manoukian 1952 – *Manoukian M.* The Ewe-Speaking People of Togoland and the Gold Coast. London: International African Institute, 1952. 63 p.
- Nadel 1942 – *Nadel S.F.* A black Byzantium: the kingdom of Nupe in Nigeria. London; New York: Published for the International Institute of African Languages & Cultures by the Oxford University Press. 1942. 420 p.
- Quarcoopome 1993 – *Quarcoopome N.* Notse's Ancient Kingship: Some Archaeological and Art-Historical Considerations // African Archaeological Review. 1993. № 11 (1). P. 109–128.

References

- Agbodeka, F. (ed.) (1997), *A Handbook of Eweland, vol. I: The Ewes of Southeastern Ghana*, Woeli Publishing Services, Accra, Ghana.
- Amenumey, D.E.K. (2008), *Ghana a concise history from pre-colonial times to the 20th century*, Woeli Pub. Services, Accra, Ghana.
- Chistov, K.V. (1986), *Narodnye traditsii i fol'klor. Oчерki teorii* [Folk traditions and folklore. Essays on theory], Nauka, Leningrad, USSR.
- d' Elbée, F. (1973), “Genre ou forme de la ressource: Ouvrages avant 1800”, *Journal du voyage du Sr Delbée aux isles, dans la coste de Guinée* [Reprod.]. Description matérielle : 4 microfiches de 60 images, Hachette, Paris, France.
- Fiawoo, D.K. (1959), *The Influence of Contemporary Social Changes on the Magico-Religious Concepts and Organisation of the Southern Ewe-Speaking People of Ghana*, D.Sc. Thesis, University of Edinburgh, UK.

- Gatsak, V.M. (1975), "From the lectures of A.N. Veselovsky on the history of the epic", in *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of the folk epic], Nauka, Moscow, USSR, pp. 287–319.
- Greene, S.E. (2002), Notsie Narratives: History, Memory, and Meaning in West Africa, *South Atlantic Quarterly*, no. 101 (4), pp. 1015–1041.
- Kochakova, N.B. (1968), *Goroda-gosudarstva Jorubov* [The Yoruba cities-states], Nauka, Moscow, USSR.
- Kodzo-Vordoagu, J.G. (1994), *Anlo Hogbetsotso Festival*, Domak Press Ltd., Accra, Ghana.
- Lawrance, B.N. (2007), *Locality, mobility, and "nation": periurban colonialism in Togo's Eweland, 1900–1960 (Rochester studies in African history and the diaspora)*. University Rochester Press, Rochester, USA.
- Mamattah, Ch.M.K. (1976), *The Eves of West Africa: history of the Eves*, Volta Research Publications, Accra, Ghana.
- Manoukian, M. (1952), *The Ewe-Speaking People of Togoland and the Gold Coast*, International African Institute, London, UK.
- Medushevskaya, O.M. (1996), *Istochnikovedenie: teoriya, istoriya, metod* [Source studies. Theory, history, method], RGGU, Moscow, Russia.
- Nadel, S.F. (1942), *A black Byzantium: the kingdom of Nupe in Nigeria*, Oxford University Press, London, New York, UK, USA.
- Nalepina, A.L. (1988), "Study of the historicism issues in American folklore studies. Critical analysis", *Fol'klor, problemy istorizma* [Folklore, issues of historicism], Vysshaya shkola, Moscow, USSR, pp. 42–70.
- Propp, V.Ya. (1998), "On the historicism of Russian folklore and methods of its study", *Poetika fol'klora* [Poetics of folklore], Labirint, Moscow, Russia, pp. 185–208.
- Putilov, B.N. (1976), *Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora* [Methodology of comparative-historical study of folklore], Nauka, Leningrad, USSR.
- Quarcoopome, N. (1993), Notse's Ancient Kingship: Some Archaeological and Art-Historical Considerations, *African Archaeological Review*, no. 11 (1), pp. 109–128.

Информация об авторе

Николай А. Медушевский, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; lucky5659@yandex.ru

Information about the author

Nikolay A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198; lucky5659@yandex.ru

УДК 94(560.328)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-40-53

Республика Хатай – путь к независимости

Ануш Г. Маргарян

Институт Востоковедения РАН

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия, margaryanag@ty.msu.ru

Аннотация. В статье анализируется история Республики Хатай (1938–1939 гг.), исследуется ее исторический путь к независимости, который выступает показательным примером сложного процесса формирования новых государственных образований после распада Османской империи. Освещаются политические и социальные трансформации, вызванные Первой мировой войной, внутренними факторами, влияющими на политическую динамику региона, а также роль международных акторов в судьбе Республики Хатай. Подчеркивается важность анализа исторического контекста и региональных особенностей при исследовании политических процессов. В работе выявляются ключевые этапы формирования государственности Хатая. Особое внимание уделяется историко-политическим и социально-экономическим предпосылкам, а также долгосрочным последствиям этого исторического события.

Исследование опирается на широкий спектр исторических источников и аналитических материалов, что позволяет дать объективную оценку рассматриваемым процессам. В статье раскрывается сложная взаимосвязь внутривнутриполитических и внешних геополитических событий и факторов, способствовавших формированию Хатая в качестве независимого государства. Особое место отводится анализу трансформаций политической системы, социальной структуры и экономических условий в контексте обретения суверенитета.

Ключевые слова: Искендерун, Александретта, санджак, Хатай, Агатиюрк, Республика Хатай, референдум

Для цитирования: Маргарян А.Г. Республика Хатай – путь к независимости // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 40–53.
DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-40-53

The Republic of Hatay (Hatay State) – the path to independence

Anush G. Margaryan

RAS Institute of Oriental Studies

*Lomonosov Moscow State University Institute of Asian and African Countries
Moscow, Russia, margaryanag@my.msu.ru*

Abstract. The article analyzes the history of the Republic of Hatay (1938–1939) and its historical path towards independence as an example of the complex process of forming new state entities after the collapse of the Ottoman Empire. The article highlights the political and social transformations caused by the First World War, internal factors influencing the political dynamics of the region, as well as the role of international actors in the fate of the Republic of Hatay. The importance of analyzing the historical context and regional features in the study of political processes is emphasized. The paper identifies the key stages of the formation of Hatay's statehood. Special attention is paid to the historical, political and socio-economic background, as well as the long-term consequences of this historical event. The research is based on a wide range of historical sources and analytical materials, which allows for an objective assessment of the processes under consideration. The article reveals the complex interrelation of internal political and external geopolitical events and factors that contributed to the formation of Hatay as an independent state. A special place is given to the analysis of transformations of the political system, social structure and economic conditions in the context of attaining sovereignty.

Keywords. Iskenderun, Alexandretta, Sanjak, Hatay, Ataturk, Republic of Hatay, referendum

For citation: Margaryan, A.G. (2025), “The Republic of Hatay (Hatay State) – the path to independence”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 6, pp. 40-53, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-40-53

Хатай – небольшая по площади провинция, расположенная в восточном Средиземноморье, граничащая с турецкими провинциями Адана и Османие на севере и с Сирийской Арабской Республикой на юге и востоке, ранее известна как санджак Александретта (Искендерун)¹.

Хатай как стратегически важный транспортный узел, соединяющий Анатолию с Сирией и Египтом, а также обеспечивающий обратный маршрут, с древних времен являлся объектом внимания и попыток установления сфер геополитического влияния государств

---

¹ Milliyet. Hatay Nerede, Hangi Bölgede? Hatay'ın Kaç İlçesi Var, İlçelerin Ortalama Nüfusu Nedir? URL: <https://www.milliyet.com.tr/egitim/hatay-nerede-hangi-bolge-de-hatay-in-kac-ilcesi-var-ilcelerin-ortalama-nufusu-nedir-6210253> (дата обращения 3 июля 2025).

региона. Его портовые зоны, животноводческие и аграрные возможности играли ключевую роль в экономической и политической жизни региона на протяжении всей истории.

В период существования Омейядского и Аббасидского халифатов, государств Сельджукидов и Османов, регион Хатай служил оживленным торговым центром благодаря своему стратегическому расположению на пересечении важнейших транспортных маршрутов, соединяющих Азиатский, Европейский и Африканский континенты.

В новейшее время особое значение для региона имело открытие нефтяных месторождений в Мосуле, Киркуке и Персидском заливе, что существенно повысило его геополитическое значение и укрепило его позиции на международной арене.

Османское государство, заключив тайный договор о союзе с Германией 2 августа 1914 г. в Стамбуле², стало крупнейшей целью блока Британия – Франция – Россия³. Подписав тайное соглашение «Сайкса – Пико»⁴ 16 мая 1916 г., Великобритания, Франция и Российская империя разделили между собой часть османских земель, богатых сырьевыми ресурсами. Документ предполагал передачу Великобритании контроля над территориями, соответствующими современному Иордании и Ираку, а также небольшой территории, которая включала порты Хайфа и Акко, чтобы обеспечить доступ к Средиземному морю. Франция должна была контролировать юго-восточную Турцию (Мерсин, Адана, Сивас, Диарбекир, Мардин), Северный Ирак, Сирию и Ливан. Россия в результате Соглашения Сазонова – Палеолога⁵ должна была получить Западную Армению и часть Северного Курдистана (район Хаккяри) в дополнение к Стамбулу и Турецким проливам (Босфор и Дарданеллы), уже обещанным в соответствии с Константинопольским соглашением 1915 г.⁶

---

² Treaty of Alliance Between Germany and Turkey. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/turkgerm.asp (дата обращения 3 июля 2025).

³ Антанта – военно-политический союз Великобритании, Российской империи и Франции.

⁴ Соглашение Сайкса – Пико – тайное соглашение между Великобританией, Францией и Российской империей о разделе Османской империи, составленное британским и французским дипломатами Марком Сайксом и Франсуа Жорж-Пико.

⁵ Соглашение Сазонова – Палеолога – письмо от министра иностранных дел Российской империи Сергея Сазонова послу Франции в России Морису Палеологу о передаче под протекторат России Западной Армении.

⁶ Константинопольское соглашение (Соглашение о проливах) представляло собой секретный обмен дипломатической перепиской между странами Антанты. В случае победы Российской империи Франция и Великобритания обязывались передать Стамбул и Дарданеллы под контроль России.

Оставшаяся территория между Средиземным морем (Александретта) и рекой Иордан (Палестинский регион) должна была находиться под международным контролем [Hughes 1999].

Великобритания выдвинула свои требования на расширение сфер влияния в Иране, Франция – аннексию Сирии (включая Палестину) и Киликии [Hurewitz 1979]. Италия присоединилась к плану в 1917 г., заключив Соглашение Сен-Жан-де-Морьен⁷, и получила в управление Южную Анатолию. Однако Октябрьская революция 1918 г. привела к выходу России из войны, и поскольку она более не являлась одной из Союзных держав, соглашение не было выполнено⁸.

Изначально Соглашение Сайкса – Пико использовалось в качестве основы для англо-французского соглашения *Modus Vivendi* 1918 г.⁹, которое обеспечивало создание Администрации оккупированных вражеских территорий (*Occupied Enemy Territory Administration*; ОЕТА) в Леванте. Этот шаг должен был привести к разделу Османской империи после ее поражения в 1918 г. Вскоре французы уступили Палестину и Мосул британцам. Мандаты в Леванте и Месопотамии были определены на конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г.¹⁰ в рамках Соглашения Сайкса – Пико; британский мандат в Палестине действовал до 1948 г., а в Месопотамии должен был быть заменен аналогичным договором с мандатным Ираком. В свою очередь французский мандат в отношении Сирии и Ливана продлевался до 1946 г. Анатолийские земли, определенные соглашением, были также переданы Франции по Севрскому договору в августе 1920 г. Однако амбициям европейцев помешала Турецкая война за независимость 1919–1923 гг. и последующий Лозаннский договор 1923 г.¹¹

---

⁷ Соглашение Сен-Жан-де-Морьен – соглашение между Францией, Италией и Великобританией (в рамках Соглашения Сайкса – Пико), которое было достигнуто на конференции в железнодорожном вагоне в Сен-Жан-де-Морьен.

⁸ Sykes-Picot Agreement. URL: <https://resources.saylor.org/wwwresources/archived/site/wp-content/uploads/2011/08/HIST351-9.2.4-Sykes-Picot-Agreement.pdf> (дата обращения 3 июля 2025).

⁹ *Modus Vivendi* 1918 г. – англо-французское соглашение, подписанное 30 сентября 1918 г., целью которого является создание Администрации оккупированных вражеских территорий (*Occupied Enemy Territory Administration* (ОЕТА)) на территории современных Сирии, Иордании, Израиля, Ливана и Палестины.

¹⁰ Конференция в Сан-Ремо – международная встреча Верховного совета стран Антанты и ее союзников после Первой мировой войны, проходившая в замке Девачан в Сан-Ремо, Италия, с 19 по 26 апреля 1920 г. https://web.archive.org/web/20101031102050/http://www.cfr.org/publication/15248/san_remo_resolution.html (дата обращения 3 июля 2025).

¹¹ Лозаннский мирный договор заключен во время Лозаннской конференции 1922–1923 гг. и подписан 24 июля 1923 г.

Заключенное 30 октября 1918 г. Мудросское перемирие¹² ознаменовало окончание Первой Мировой войны и капитуляцию Османской империи перед странами Антанты. Искендерун, находившийся под турецким военным руководством в соответствии со статьей 7 Мудросского перемирия, должен был быть передан союзным державам: «Союзники имеют право оккупировать любые стратегические точки в случае возникновения ситуации, которая угрожает безопасности союзников».

Согласно статье 16 Мудросского перемирия османское государство обязывалось демобилизовать армию, за исключением частей, предназначенных для охраны границ и поддержания внутреннего порядка в стране, сдать гарнизоны за пределами страны и эвакуировать свои части из Ирана, Киликии и Закавказья, передать Антанте свои военные корабли и всех военнопленных, при том что турецкие пленники оставались в распоряжении союзников:

Сдача всех гарнизонов в Хиджазе, Асире, Йемене, Сирии и Месопотамии ближайшему командующему объединенных сил; и вывод войск из Киликии, кроме тех, которые необходимы для поддержания порядка, как будет определено в соответствии с пунктом V¹³.

В соответствии с англо-французским соглашением Ллойд-Джорджа – Клемансо, заключенным 15 сентября 1919 г. в Париже во время Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., Англия передавала Франции Адану, Мараш, Айнтаб, Урфу, Искендерун и Сирию, а себе забирала Мосул, также получала право построить железную дорогу Хайфа – Багдад и нефтепровод из Ирака. Премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж закреплял английское господство над Палестиной, ограничивал французское влияние над Западной Сирией и Киликией, а Восточную Сирию оставлял в руках арабского правительства, находящегося под влиянием Англии¹⁴. Основываясь на 22-й статье Устава Лиги Наций 1919 г., Французская Республика 28 июня 1919 г. установила администрацию мандатных территорий и учредила четыре административные единицы – Алеппо, Дамаск, Ливан и автономную территорию алавитов – «Государство алавитов» в качестве Мандатного го-

---

¹² Mondros Ateşkes Antlaşması (30 Ekim 1918). URL: <https://www.tarihiolaylar.com/tarihi-olaylar/mondros-ateskes-antlasmasi-30-ekim-1918-1226> (дата обращения 3 июля 2025).

¹³ The Armistice Convention with Turkey. URL: https://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/eng/armistice_turk_eng.pdf (дата обращения 3 июля 2025).

¹⁴ Англо-французское соглашение 1919 г. URL: <https://doc20vek.ru/node/3562> (дата обращения 3 июля 2025).

сударства от 1 сентября 1920 г., подчинив Мандат администрации Алеппо, сохранив его автономию в Санджаке Искендерун. Французский мандат в Сирии вступил в силу в 1923 г. после одобрения Лигой Наций [Бершов 2019].

28 января 1920 г. в Стамбуле Палатой депутатов, большинство которой составили сторонники Турецкого освободительного движения, был принят Национальный обет Турции (Misak-ı Milli), определивший границы молодого турецкого государства. Документ закреплял национальные границы Турции, которые включали в себя балканскую Фракию, Кипр, часть Грузии и Армении, северный Ирак, в том числе Эрбиль, Мосул и Киркук, а также Северную Сирию с Искендеруном и Алеппо.

23 апреля 1920 г. был создан высший законодательный орган Турецкого государства, получивший название Великое национальное собрание Турции, или Милли Меджлис (Меджлис), а в январе 1921 г. принята Конституция.

Инициатором создания нового представительного органа стал Мустафа Кемаль Ататюрк. Спустя некоторое время после созыва Меджлиса, 1 мая 1920 г., Мустафа Кемаль-паша выступил с речью в парламенте, в которой заявил:

Поскольку в настоящее время определяется и утверждается вопрос границ, который все мы считаем первостепенным, мы заявляем, что наша национальная граница проходит к югу от Искендеруна и включает Сулейманию, Мосул и Киркук...¹⁵

После завершения разрушительных войн Турция начала активно участвовать в жизни Искендеруна, где проживало многочисленное турецкое население. Уже в 1920-х гг. влияние Турции в санджаке стало заметным. Это проявилось в создании Народной партии Хатая (Hataı Halk Fırkası), которая стала аналогом правящей партии Турции того времени.

15 марта 1923 г., когда Мустафа Кемаль находился в Адане, к нему обратилась группа женщин из Хатая. Они принесли ему черную розу и попросили о помощи. В ответ Ататюрк сказал: «Земля, которая была родиной турок на протяжении сорока веков, не может быть захвачена»¹⁶. Этот ответ стал известен как слоган «4000 лет»

¹⁵ Musul-Kerkük Meselesinin tarihçesi. URL: <https://kerkukmusul.wordpress.com/2012/04/12/musul-kerkuk-meselesinin-tarihcesi/> (дата обращения 3 июля 2025).

¹⁶ Çanak E. Atatürk'ün Adana Ziyaretleri. Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 2014, s. 49-82. "Kırk asırlık bir yurt köşesi, düşman elinde esir kalmaz!".

и олицетворял национальную идею на протяжении всего периода правления Мустафы Кемала [Çanak 2014]. Идея была связана с так называемой «солнечной теорией языка», которая была популярна в раннереспубликанской Турции на официальном уровне. Согласно этой теории, некоторые древние народы Анатолии и Ближнего Востока, такие как шумеры и хетты, назывались предками турок. Поскольку коренные жители Южной Турции, включая Антакью, имели хеттское происхождение, Ататюрк предложил новый топоним – Хатай.

В соответствии со статьей 7 Анкарского договора от 20 октября 1921 г. между Французской Республикой и Турцией по причине проживания на территории одной административной единицы турок наряду с представителями различных конфессий: мусульман-суннитов, алавитов, греко-православных, греко-католиков, маронитов, армян, ассирийцев, евреев и курдов, *Искендерун получил особый статус автономии*¹⁷. Кроме того, соглашение обеспечивало все удобства для развития культуры турок в регионе и позволяло считать турецкий язык официальным языком в Санджаке, а турецкую лиру – официальной валютой. Создание особого статуса сыграло важную роль в политике Турции в отношении Хатая в будущем.

30 мая 1926 г. в Анкаре между Турцией и Францией была подписана Конвенция о дружбе и добрососедстве (“Dostluk ve İyi Komşuluk İlişkileri Sözleşmesi”). В соответствии с ней регулировались турецко-сирийские отношения, а также устанавливалась демаркационная линия. Кроме того, было утверждено специальное управление, предусмотренное конвенцией. Однако, несмотря на подписанное соглашение, определение турецко-сирийской границы было завершено спустя четыре года – 3 мая 1930 г. [Öğmecı 2018].

Турция вступила в Лигу Наций в 1932 г. и начала активно участвовать в международной политике. С приходом Гитлера к власти в Германии в 1933 г. Франция предпринимала все возможные попытки сохранить свое влияние на Турцию. Так, Франция поддержала Балканский пакт (Балканская Антанта)¹⁸ и присоединилась к санкциям Лиги Наций вместе с Турцией, Великобританией после нападения Италии на Абиссинию (совр. Эфиопию) в 1935 г. Ататюрк, видя, что политическая конъюнктура в Турции и в Европе

---

¹⁷ «Особый административный режим будет установлен для санджака Александретты. Турецкие жители этого региона пользуются возможностями для своего культурного развития. Турецкий язык должен иметь официальное значение». Franco-Turkish Pact 1921 (Treaty of Ankara). P. 3.

¹⁸ Военно-политический союз Греции, Румынии, Турции и Югославии, заключенный в Афинах 9 февраля 1934 г. с целью сохранения на Балканах плеверсальского соотношения сил.

становится благоприятной, возобновил тему присоединения южных земель. В то время как Франция готовилась даровать независимость Сирии, Ататюрк принял решение дожидаться завершения конференции в Монтрё 1936 г. о режиме Черноморских проливов.

После прекращения французского Мандата и вывода контингента из Сирии и Ливана с 1936 г., в политической повестке Турции вновь становится актуальным вопрос присоединения Искендеруна. В договоре между Сирией и Францией, предоставлявшем независимость Сирии, статус Искендеруна не был определен.

После того как Франция передала свои обязательства новому сирийскому правительству, Турция начала работу по проблеме санджака, стремясь к независимости региона. Сирия выступила против, делая все возможное, чтобы сохранить Хатай в своих границах. При этом Турция не вступила в открытый конфликт с Сирией.

Правительство под руководством Мустафы Кемала Ататюрка в 1936 г. обратилось с жалобой в Лигу Наций в связи с жестоким обращением с турецким населением в регионе. Ататюрк потребовал, чтобы Хатай стал частью Турции, утверждая, что большинство его жителей турки. Вопрос был поставлен на рассмотрение на внеочередном заседании Лиги Наций 14–15 декабря 1936 г. Министр иностранных дел Турецкой Республики Тевфик Рюшту Арас потребовал от Лиги Наций рассмотреть вопрос о Хатае и решить проблему вывода войск из санджака [Sarınaç 1996].

27 декабря 1936 г. Совет Лиги Наций, действуя на основании консенсуса, достигнутого с представителями Франции и Турции, утвердил новый порядок управления Александреттским санджаком. Было решено осуществить полный вывод всех военных сил с территории санджака и установить особый правовой статус, который фактически выполнял функции местной конституции.

25 февраля 1937 г. был учрежден комитет для разработки статуса и конституции. В процессе работы комитета ежедневно проводились турецко-французские дипломатические переговоры с целью предотвращения недопонимания.

29 мая 1937 г. Совет Лиги Наций официально утвердил конституцию и устав Александреттского санджака. Параллельно в Женеве были подписаны франко-турецкие соглашения, касающиеся данного санджака, которые впоследствии были ратифицированы Великим национальным собранием Турции.

В соответствии с принятыми решениями, санджак оставался в составе Сирии, но получал полную независимость во внутренних делах. Сирийское правительство сохраняло юрисдикцию над внешнеполитическими связями санджака, а также над таможенными службами и финансовой системой региона. Турецкий язык

был признан основным официальным языком на данной территории, с последующим включением в Статут положения, признающего арабский язык вторым официальным языком в санджаке. Над территорией устанавливался контроль Лиги наций, который должен был осуществлять делегат Лиги – француз, наблюдавший за нерушимостью статута.

Санджак подлежал демилитаризации, а его территориальная целостность находилась под гарантиями со стороны Турции и Франции. Кроме того, Турции были предоставлены равные права с Францией и Сирией в отношении использования порта Александретты.

Таким образом при посредничестве Лиги Наций санджак получил лишь автономию, а при поддержке Бельгии, Великобритании, Нидерландов, Турции и Франции была написана Конституция для новообразованного анклава. В соответствии со своим новым статусом санджак стал «отдельным, но не отделенным» от французского мандата Сирии на дипломатическом уровне административно-территориальным делением, связанным по вопросам обороны как с Французской, так и с Турецкой Республиками [Сагимбаев 2007].

Тем не менее, с точки зрения турецкой стороны, решение Лиги Наций не устранило проблему полностью. Турция стремилась к немедленному установлению нового режима в санджаке. Однако протесты и восстания арабского населения в Сирии, а также политика французских колониальных властей, направленная на разжигание беспорядков среди арабов, привели к возникновению ряда сложностей летом 1937 г. Это обусловило перенос сроков проведения выборов, которые должны были состояться в соответствии с утвержденным статусом санджака.

Турецкое правительство направило официальный протест в Лигу Наций, выразив обеспокоенность тем, что избирательная система, разработанная комиссией для санджака, была ориентирована на результаты, не соответствующие национальным интересам Турции.

В октябре 1937 г. Совет Лиги Наций санкционировал проведение выборов в местную Законодательную ассамблею санджака. Для участия в подготовке избирательного законодательства и контроля над ходом выборов была сформирована специальная комиссия из представителей Франции, Турции, Великобритании, Бельгии и Швеции.

В преддверии парламентских выборов в Александреттском санджаке турецкое правительство выразило протест против действий властей Франции и наблюдателей Лиги Наций, обвинив их в на-

рушении прав турецкого населения региона. В ответ на это турецкие представители местной общины отказались от участия в избирательном процессе.

Франция и Сирия, в свою очередь, обвинили турецкую сторону в организации нападений на представителей других этнических групп и в подстрекательстве к социальным волнениям. Весной 1938 г. напряженность в регионе обострилась, что привело к началу вооруженного конфликта между турецкими и арабскими общинами.

Развитие событий в Европе, в частности захват Австрии Германией, оказало значительное влияние на ситуацию в санджаке. В условиях возросшей геополитической нестабильности Франция приняла решение о необходимости диалога с Турцией и согласилась на ввод турецких вооруженных сил в регион. 5 июля 1938 г. турецкая армия начала операцию по введению войск на территорию Александреттского санджака.

22 июля 1938 г. состоялись выборы в местный Парламент (Законодательная Ассамблея Александреттского санджака). По итогам голосования турки получили 63% от общего числа голосов, заняв 22 из 40 парламентских мест, 9 мест досталось алавитам, 5 – армянам, по два места получили греки и арабы-сунниты [Savci 2007].

Практически сразу после выборов был подписан франко-турецкий договор об урегулировании статуса санджака. Парламент санджака принял решение о выходе региона из состава Сирии и провозгласил независимость республики Хатай. Ключевые позиции в исполнительных и законодательных органах нового государства были заняты представителями турецкого населения. Руководство новообразованной республики открыто заявило о том, что достижение независимости является лишь первым шагом на пути к интеграции в состав Турецкой Республики.

6 сентября 1938 г. была принята новая Конституция, которая определила территорию как независимое государство под названием «Государство Хатай» (Hatay Devleti (тур.)). Государственным языком был объявлен турецкий, а французский сохранил статус второго языка. Арабам разрешалось изучать в школах арабский в качестве еще одного основного языка.

7 сентября 1938 г. Хатай утвердил новый, предложенный Муштафой Кемалем Ататюрком государственный флаг. 6 февраля 1939 г. Парламент Хатай принял все турецкие законы, а 13 марта 1939 г. объявил турецкую лиру официальной валютой. Благодаря политике Ататюрка эта стратегически важная территория объявила о своей независимости под названием Республика Хатай. Республика просуществовала год [Ada 2005].

29 июня 1939 г. парламент проголосовал за упразднение государства Хатай и присоединение к Турецкой Республике. Этот процесс был завершён 23 июля 1939 г., когда Хатай был официально присоединён в качестве турецкой провинции. Сирия оспаривала право уступки Франции территорий Турции и сохраняет притязания на эту территорию по сей день [Yerasimos 1988].

После включения санджака в состав Турции некоторые видные французские деятели, такие как бывший министр иностранных дел Франции Жорж-Этьен Бонне¹⁹ и посол Франции в Анкаре Рене Массильи²⁰, в своих мемуарах пытались оправдать присоединение, утверждая, что это произошло по причине численного превосходства турок в санджаке. Жорж Бонне рассматривал предложенную Турцией схему присоединения санджака как крайне невыгодную для Франции, поскольку она лишалась на территории санджака всех прав и привилегий, связанных с мандатом, но при этом сохраняла все вытекающие из него международные обязательства. Бонне считал возможным дать понять туркам, что Франция не против общеполитического соглашения с Анкарой, но поскольку турки настаивали на участии Великобритании в этом соглашении, то решение вопроса неизбежно откладывалось. При этом Бонне поддерживал турецкое предложение о «более частом обмене информацией» и считал необходимым закрепить его в официальном обмене письмами между Анкарой и Парижем. Рене Массильи, в свою очередь, понимал необходимость пожертвовать санджаком для сохранения дружественных отношений с Турцией. Он завершил франко-турецкие переговоры и 23 июня 1939 г. в Анкаре с министром иностранных дел Турции Мехметом Шюкрю Сараджоглу они подписали соглашение об окончательном урегулировании территориальных вопросов между Турцией и Сирией (“The Turkish-French agreement on the transfer to Turkey of the designated region of French Syria”)²¹. Согласно этому соглашению, Франция уступала Хатай Турции. Французское правительство обязалось вывести свои войска с территории независимого государственного образования не позднее 23 июля 1939 г. и передать всю полноту власти Турции. Одновременно в Париже Бонне и турецкий посол Суад Даваз подписали франко-турецкую декларацию о взаимопомощи. Эти докумен-

---

¹⁹ Bonnet O. *Defense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay*, Genevo 1947: Fin d'une Europe, Geneve: Les Editions du Cheval ailé, 1948.

²⁰ Massigli R. *La Turquie devant la guerre. Mission à Ankara 1939–1940*. Paris, 1964. P. 129.

²¹ Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers. 1939. Vol. IV. The Far East; The Near East and Africa. Document 899. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1939v04/d899> (дата обращения 3 июля 2025).

ты были взаимосвязаны и необходимы для окончательного оформления англо-франко-турецкого союза.

На основании вышеизложенного можно заключить, что Первая мировая война привела к значительным изменениям на геополитической карте мира. Османская империя, ослабленная внутренними конфликтами и внешними поражениями, была вынуждена капитулировать. Это событие открыло путь к созданию новых государств на ее территории, включая Турцию, Сирию, Ливан, Ирак и Палестину. Однако процесс формирования новых границ не был мирным и сопровождался многочисленными конфликтами и территориальными спорами. Путь Хатая к обретению суверенитета был крайне сложным. Регион, населенный этнически и религиозно разнообразным населением, стал ареной борьбы за влияние между различными державами. Турция стремилась укрепить свои позиции в Анатолии и обеспечить безопасность своих южных границ. Франция, которая контролировала Сирию, также отстаивала свои интересы в регионе, включая защиту христианских меньшинств и сохранение своего влияния. Внутри Хатая существовали значительные этнические и религиозные разногласия. Большинство населения региона составляли турки и арабы, но также в нем проживали курды, армяне, греки и другие этнические группы. Национальные движения усложняли процесс консолидации и создавали дополнительные препятствия на пути к обретению независимости.

Республика Хатай, существовавшая с 1938 по 1939 г., является ярким примером сложного процесса формирования новых государств после распада Османской империи и демонстрирует, как различные акторы могут влиять на судьбу территорий и народов. Таким образом, история Республики Хатай представляет собой значимый сегмент мировой истории, позволяющий глубже осмыслить процессы, происходившие в ближневосточном регионе в XX в.

Литература

- Бершов 2019 – *Бершов В.Н.* Обретение Францией мандата на Сирию: путь от Мудроса к Севру // Общество: философия, история, культура. 2019. № 12 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obretenie-frantsiey-mandata-na-siriyu-put-ot-mudrosa-k-sevru> (дата обращения 15 июня 2025).
- Сагимбаев 2007 – *Сагимбаев А.М.* Проблема Александреттского санджака в контексте определения границ подмандатных территорий (1921–1939 гг.) // Всеобщая история: современные исследования. Вып. 13. Брянск: Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского, 2007. С. 191–197.
- Ada 2005 – *Ada S.* Türk-Fransız İlişkilerinde Hatay Sorunu (1918–1939). İstanbul: İstanbul bilgi Üniversitesi Yayınları, 2005. 266 S.

- Çanak 2014 – *Çanak E.* Atatürk'ün Adana Ziyaretleri // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 2014. Cilt 30. Sayı 90. S. 49–82.
- Hughes 1999 – *Hughes M.* Allenby and British Strategy in the Middle East. 1917–1919. Routledge, 1999. P. 122–128.
- Hurewitz 1979 – *Hurewitz J.C.* The Middle East and North Africa in world politics. Vol. 2: British-French supremacy, 1914–1945. New Haven: Yale Univ. Press, 1979. P. 825–861.
- Örmeci 2018 – *Örmeci O.* Fransa-Türkiye İlişkileri. İstanbul, 2018.
- Sarınay 1996 – *Sarınay Y.* Atatürk'ün Hatay Politikası 1 (1936–1938) // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. 1996. Cilt 12. Sayı 34. S. 3–65.
- Savci 2007 – *Savci E.* Hatay Cumhuriyeti: Kuruluşu ve Anavatana Katılışı / İstanbul University, Institute of Atatürk's Principles and Reform History. İstanbul, 2007. 180 p.
- Yerasimos 1988 – *Yerasimos S.* Le sanjak d'Alexandrette: formation et integration d'un territoire // Revue de l'Occident musulman et de la Mediterranee. 1988. № 48-49. P. 198–212.

References

- Ada, S. (2005), *Türk-Fransız İlişkilerinde Hatay Sorunu (1918–1939)* [The Hatay Problem in Turkish-French Relations (1918-1939)], İstanbul bilgi Üniversitesi Yayınları, İstanbul, Turkey.
- Bershov, V.N. (2019), “France getting mandate to Syria: the way from Mudros to Sevres”, *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 12 (68), havailable at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obretenie-frantsiyei-mandata-na-siriyu-put-ot-mudrosa-k-sevru> (Accessed 15 June 2025).
- Çanak, E. (2014), Atatürk'ün Adana Ziyaretleri. [Atatürk's Visits to Adana]. *Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi*, cilt 30, sayı 90, s. 49-82.
- Hughes, M. (1999), *Allenby and British Strategy in the Middle East. 1917–1919*, Routledge, pp. 122–128.
- Hurewitz, J.C. (1979), *The Middle East and North Africa in world politics*, vol. 2: British-French supremacy, 1914–1945, Yale Univ. Press, New Haven, USA, pp. 825-861.
- Örmeci, O. (2018), *Fransa-Türkiye İlişkileri* [France-Turkey Relations], İstanbul, Turkey.
- Sagimbaev, A.M. (2007), “The issue of the Alexandretta sanjak in the context of defining the boundaries of mandated territories (1921–1939)”, *Vseobshchaya istoriya: sovremennyye issledovaniya*, iss. 13. Bryanskii gos. un-t im. akad. I.G. Petrovskogo. Bryansk, Russia, pp. 191-197.
- Sarınay 1996 – Sarınay, Y. (1996), “Atatürk's Hatay Policy 1 (1936–1938)”, *Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi*, cilt 12, sayı 34, s. 3-65.
- Savci, E.(2007), *Hatay Cumhuriyeti: Kuruluşu ve Anavatana Katılışı* [The Republic of Hatay: founding and annexation to the Motherland] University, Institute of Atatürk's Principles and Reform History, İstanbul, Turkey.
- Yerasimos, S. (1988), “The Sanjak of Alexandretta. Formation and Integration of a Territory”, *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée*, no. 48-49, pp. 198–212.

Информация об авторе

Ануш Г. Маргарян, Российская академия наук, Институт востоковедения, Москва, Россия, 107031, Россия, Москва, Рождественка, д. 12;

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая, д. 11, стр. 1; margaryanag@my.msu.ru

Anush G. Margaryan, Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia, 12 Rojdestvenka Street, Moscow, Russia, 107031;

Lomonosov Moscow State University Institute of Asian and African Countries, Moscow, Russia; bld. 11-1, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; margaryanag@my.msu.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327(4+479.24)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-54-66

Научный диалог со странами Запада в контексте внешнеполитической стратегии современного Азербайджана

Глеб С. Путилин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, tenenbaum.saf@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития научного диалога между Азербайджанской Республикой и западными странами в рамках развивающейся внешнеполитической стратегии Азербайджана. В работе рассматриваются концептуальные основы научной дипломатии и мягкой силы, подчеркивается их растущее значение в международных отношениях XXI в. В работе прослеживается историческая эволюция внешней политики Азербайджана – от раннего периода после обретения независимости, сосредоточенного на суверенитете и энергетической дипломатии, до современного этапа, характеризующегося диверсификацией и инновациями. Автор акцентирует внимание на институциональных механизмах, лежащих в основе научного сотрудничества, включая роль Национальной академии наук Азербайджана, университетов и участие в программах Европейского Союза, таких как Horizon 2020 и Erasmus+.

Ключевые слова: Азербайджан, внешняя политика, научная дипломатия, мягкая сила, страны Запада, образование и научные исследования, международное сотрудничество

Для цитирования: Путилин Г.С. Научный диалог со странами Запада в контексте внешнеполитической стратегии современного Азербайджана // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 54–66. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-54-66

© Путилин Г.С., 2025

Scientific dialogue with Western countries in the context of the foreign policy strategy of modern Azerbaijan

Gleb S. Putilin

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, tenenbaum.saf@gmail.com*

Abstract. The article deals with the development of scientific dialogue between the Republic of Azerbaijan and Western countries within the framework of the developing foreign policy strategy of Azerbaijan. The paper considers the conceptual foundations of scientific diplomacy and soft power, emphasizing their growing importance in international relations of the 21st century. The paper traces the historical evolution of Azerbaijan's foreign policy, from the early period after independence, focused on sovereignty and energy diplomacy, to the modern stage, characterized by the diversification and innovation. The author focuses on the institutional mechanisms underlying scientific cooperation, including the role of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, universities, and participation in European Union programs such as Horizon 2020 and Erasmus+.

Keywords: Azerbaijan, foreign policy, scientific diplomacy, soft power, Western countries, education and scientific research, international cooperation

For citation: For citation: Putilin, G.S. (2025), "Scientific dialogue with Western countries in the context of the foreign policy strategy of modern Azerbaijan", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 6, pp. 54-66, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-54-66

Введение

В XXI в. растущая взаимозависимость государств расширила границы дипломатии за пределы традиционных политических и экономических областей, включив в нее новые сферы взаимодействия, такие как культура, образование и наука. В условиях изменчивой политической обстановки научная дипломатия – использование научного сотрудничества для достижения целей внешней политики и укрепления международного взаимопонимания – стала ключевым инструментом интернационального взаимодействия.

Для стран, стремящихся утвердить свое место в международной системе, научный диалог предоставляет платформу для конструктивного общения, которая преодолевает идеологические и геополитические разногласия. Для Азербайджана, государства, расположенного на стыке Европы и Азии, научная дипломатия имеет особое значение. С момента обретения независимости в 1991 г. страна проводит многовекторную внешнюю политику, характери-

зующуюся сбалансированностью, прагматизмом и открытостью к сотрудничеству как с восточными, так и с западными партнерами.

Поскольку мировое сообщество сталкивается с такими вызовами, как изменение климата, переход к энергетике, кризисы в области общественного здравоохранения и цифровая трансформация, научное сотрудничество стало как необходимостью, так и дипломатической возможностью. Для Азербайджана участие в данных областях является средством демонстрации мягкой силы, повышения национального престижа и обеспечения доступа к передовым технологиям и экспертным знаниям.

Целью данной статьи является анализ развития научного диалога Азербайджана с западными странами в контексте его более широкой внешнеполитической стратегии. В ней рассматриваются теоретические основы научной дипломатии, историческая эволюция внешней политики Азербайджана и институциональные основы его сотрудничества с западными партнерами. В работе также рассматривается, как научное сотрудничество функционирует как форма мягкой силы, выявляются проблемы, которые ограничивают весь его потенциал, и намечаются будущие перспективы углубления научного взаимодействия.

Автор стремится продемонстрировать, что научная дипломатия – это не просто техническая или академическая деятельность, а жизненно важный компонент долгосрочного видения модернизации, стабильности и международного партнерства Азербайджана. В этом смысле научный диалог представляет собой как отражение глобальных амбиций страны, так и практический путь к более взаимосвязанному и основанному на знаниях будущему.

Концептуальные основы научной дипломатии

В современных международных отношениях взаимодействие науки и дипломатии стало важнейшей областью для укрепления сотрудничества, инноваций и глобальной стабильности. Понятие научного диалога относится к систематическому обмену знаниями, результатами исследований и технологическим опытом между странами, научными учреждениями и исследователями. Оно включает в себя формальные партнерства, такие как межправительственные соглашения и институциональное сотрудничество, а также неформальные взаимодействия между научными сообществами.

В отличие от политического диалога, научный диалог основывается на общих эпистемологических ценностях – объективности, прозрачности и аргументации, основанной на фактических данных, соз-

давая таким образом нейтральную платформу для укрепления взаимного доверия, невзирая на политические границы. С этим тесно связано понятие научной дипломатии, которое означает использование научного сотрудничества для достижения целей внешней политики, решения транснациональных проблем и содействия мирным отношениям между государствами. Научную дипломатию можно описать как трехсторонний процесс: «наука в дипломатии» (предоставление научных консультаций по вопросам внешней политики), «дипломатия для науки» (содействие международному исследовательскому сотрудничеству) и «наука для дипломатии» (использование научного сотрудничества в целях улучшения международных отношений) [Романова 2017, с. 41]. Эта трехсторонняя структура выдвигает науку на первый план не только как академическое направление, но и как инструмент мягкой силы в глобальной системе.

Термин «мягкая сила», введенный Джозефом Найем, описывает способность государства и нации формировать предпочтения и поведение других людей с помощью привлечения, объединения и убеждения, а не принуждения или экономических рычагов [Нуе 2004, р. 5]. В научной сфере «мягкая сила» проявляется в интеллектуальном влиянии, образовательных обменах, технологическом лидерстве и участии в глобальных исследовательских дискуссиях. Научные достижения, связанные с национальной идентичностью и дипломатией, могут повысить престиж страны на международной арене.

Глобальные политические игроки по-разному институционализировали научную дипломатию. Европейский союз интегрирует ее в свои рамочные исследовательские программы, такие как Horizon 2020¹ и Horizon Europe², в которых особое внимание уделяется совместным инновациям и открытой науке как инструментам внешней политики. Соединенные Штаты используют научную дипломатию через такие учреждения, как Управление научно-технического сотрудничества Госдепартамента³, и сети, такие как программа Фулбрайта⁴, способствуя взаимопониманию и лидерству в области

---

¹ Horizon 2020. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-2020_en#what-was-horizon-2020 (дата обращения 29 сентября 2025).

² Horizon Europe. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en?prefLang=mt (дата обращения 29 сентября 2025).

³ Office of Science and Technology Policy. URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/> (дата обращения 29 сентября 2025).

⁴ Fulbright. URL: <https://www.fulbrightprogram.org> (дата обращения 29 сентября 2025).

инноваций. Великобритания разработала «Глобальную стратегию в области науки и инноваций»⁵, в которой особое внимание уделяется партнерству в области образования, технологий и науки о климате. В то же время ЮНЕСКО⁶ представляет собой многостороннюю модель, в которой научное сотрудничество рассматривается как необходимое условие достижения целей устойчивого развития и сокращения глобального неравенства в производстве знаний.

В XXI в. знания и инновации стали стратегическими ресурсами, эквивалентными энергетическим ресурсам или средствам обеспечения безопасности. Государства конкурируют не только за рынки, но и за интеллектуальный капитал, технологическое лидерство и информационную независимость, в данном контексте нельзя не согласиться с высказыванием: «Влияние страны на международной арене во многом уже сейчас определяется ее позициями технологического лидера, центра инноваций» [Букалова 2018, с. 97]. Таким образом, научное сотрудничество функционирует как механизм влияния и взаимозависимости, формируя геополитические расстановки благодаря общей исследовательской инфраструктуре, совместным публикациям и технологическим стандартам.

Для малых государств, таких как Азербайджан, научная дипломатия служит прагматичным средством укрепления суверенитета и интеграции в глобальную экономику знаний. Не обладая демографическим или военным весом крупных держав, эти государства могут использовать научное партнерство для повышения узнаваемости, доступа к инновационным сетям и диверсификации внешних связей.

Эволюция внешнеполитической стратегии Азербайджана

С момента обретения независимости в 1991 г. Азербайджанская Республика проводила внешнюю политику, отличающуюся сбалансированностью, прагматизмом, и способностью адаптироваться к сложной динамике региональной и глобальной политики.

После распада Советского Союза перед страной встала неотложная задача построения жизнеспособного государства, одновре-

---

⁵ UK International Research and Innovation Strategy. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-international-research-and-innovation-strategy> (дата обращения 29 сентября 2025).

⁶ UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en> (дата обращения 29 сентября 2025).

менно отстаивая свой суверенитет в нестабильной геополитической обстановке. В эти годы внешняя политика стала важным инструментом укрепления национальной независимости, обеспечения территориальной целостности и признания со стороны международного сообщества. Под руководством президента Гейдара Алиева Азербайджан придерживался многовекторному подходу, направленному на поддержание конструктивных отношений как с западными, так и с восточными державами, делая упор на принципах неприсоединения и стратегического баланса. Такая ориентация была не просто тактической необходимостью, а продуманной стратегией, направленной на предотвращение чрезмерной зависимости от какого-либо единого центра силы и балансирования между несколькими силами одновременно. А.С. Воронин, анализируя политические последствия проводимого Гейдаром Алиевым внешнеполитического курса Азербайджана, написал в своей работе:

Таким образом, Баку на протяжении последних лет удастся, в отличие от Тбилиси и Еревана, поддерживать хорошие отношения одновременно и с Москвой, и с Вашингтоном [Воронин 2009, с. 84].

По мере укрепления основ государственности Азербайджан вступил в новый этап дипломатического развития, обусловленный его возрастающей ролью в качестве производителя энергии. Начало 2000-х гг. ознаменовало эпоху энергетической дипломатии, в ходе которой богатые углеводородные ресурсы страны стали краеугольным камнем ее международных отношений. Завершение крупных инфраструктурных проектов, таких как нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан и газопровод Баку–Тбилиси–Эрзурум, превратило Азербайджан в ключевой энергетический коридор, связывающий Каспийский регион с западными рынками. Эта трансформация не только принесла существенные экономические выгоды, но и укрепила геополитическое влияние Азербайджана, позволив ему установить стратегические партнерские отношения с Европейским союзом, Соединенными Штатами и Турцией. Доходы, полученные от энергетического сектора, впоследствии позволили государству инвестировать в модернизацию, образование и развитие научной инфраструктуры – области, которые впоследствии стали неотъемлемой частью его дипломатической повестки дня.

Со временем пришло осознание, что долгосрочный национальный прогресс требует диверсификации, выходящей за рамки углеводородного сырья. Начиная с 2010-х гг. в стратегии внешней политики Азербайджана особое внимание стало уделяться инновациям, образованию и международному сотрудничеству в каче-

стве ключевых компонентов стратегии развития. Национальные программы, такие как «Азербайджан 2020: взгляд в будущее»⁷ и «Национальные приоритеты социально-экономического развития: Азербайджан 2030»⁸, сформулировали видение социально-экономического прогресса Азербайджана, основанного на знаниях и глобальной интеграции. Этот стратегический поворот в сторону науки и технологий нашел отражение в растущем участии Азербайджана в западных программах и инициативах, включая программы Европейского союза «Горизонт 2020», Erasmus+⁹. Это не только расширило доступ страны к исследовательским сетям и технологическому опыту, но и углубило институциональные связи с ведущими университетами и научными центрами.

В то же время Азербайджан пытается повысить свою узнаваемость благодаря многосторонней дипломатии, проводя международные конференции и научные форумы, которые позиционируют Баку как место встречи Востока и Запада. Организация и участие в таких мероприятиях, как Бакинский гуманитарный форум¹⁰ и Всемирный научный форум¹¹, символизировали стремление страны к развитию межкультурного и интеллектуального обмена как части ее внешнеполитической идентичности.

Руководство страны все чаще рассматривает знания как средство укрепления суверенитета посредством мягкой силы. Таким образом, научное сотрудничество с западными партнерами превратилось как в практический, так и в символический инструмент внешней политики Азербайджана – способ более глубокой интеграции в глобальные инновационные системы при одновременном создании имиджа стабильности, современности и открытости.

Такое сочетание интеллектуальных и дипломатических приоритетов иллюстрирует, как Азербайджан пытается выйти за узкие рамки ресурсоориентированной политики и планирует дальше

---

⁷ Указ Президента Азербайджанской Республики об утверждении Концепции развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее». URL: <https://president.az/ru/articles/view/7022> (дата обращения 30 сентября 2025).

⁸ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Национальных приоритетов социально-экономического развития: Азербайджан 2030». URL: <https://president.az/ru/articles/view/50474> (дата обращения 30 сентября 2025).

⁹ Erasmus+. URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/> (дата обращения 30 сентября 2025).

¹⁰ Ильхам Алиев принял участие в церемонии официального открытия V Бакинского международного гуманитарного форума. URL: <https://president.az/ru/articles/view/21214> (дата обращения 30 сентября 2025).

¹¹ World Science Forum 2017 Jordan. URL: <https://2017.worldscienceforum.org/index.html> (дата обращения 30 сентября 2025).

использовать многоплановую стратегию, основанную на человеческом капитале и технологическом прогрессе. По сути, эволюция внешней политики Азербайджана отражает последовательный процесс трансформации: от выживания государства к стратегическому развитию, от энергетической зависимости к интеллектуальной диверсификации и от регионального прагматизма к глобальному участию.

Научная дипломатия как инструмент мягкой силы

В современной международной системе мягкая сила стала неотъемлемым аспектом государственного управления, дополняя экономические и военные инструменты способностью формировать восприятие и укреплять влияние посредством привлечения внимания и сотрудничества. Для Азербайджана, страны, стратегически расположенной между Востоком и Западом, научная дипломатия представляет собой одно из наиболее эффективных проявлений этой мягкой силы.

Объединяя науку, инновации и внешнюю политику, Азербайджан стремится улучшить свой имидж в мире, углубить партнерские отношения с западными странами и заявить о себе как о заслуживающем доверия и конструктивном участнике глобального диалога по устойчивому развитию.

Научная дипломатия является как символическим, так и практическим инструментом. Как символический инструмент научная дипломатия должна демонстрировать приверженность Азербайджана универсальным научным ценностям – объективности, сотрудничеству и прогрессу, которые выходят за рамки политических и культурных различий. На практике научная дипломатия должна обеспечивать каналы для конструктивного взаимодействия в областях, представляющих общий интерес, таких как возобновляемые источники энергии, изменение климата, общественное здравоохранение и цифровая трансформация.

Инвестируя в научное сотрудничество, а не в конфронтацию, Азербайджан создает имидж надежного и современного государства, что укрепляет его дипломатический авторитет и привлекает возможности для инновационного развития. Такой подход согласуется с более широкой внешнеполитической стратегией, которая делает упор на баланс и взаимную выгоду, позволяя стране поддерживать продуктивные отношения с западными институтами, сохраняя при этом свою стратегическую автономию.

Концепция научной дипломатии как формы мягкой силы отражается во взаимодействии Азербайджана с международными организациями и академическими сообществами. Активное участие страны в ЮНЕСКО¹², исследовательских программах Европейского союза демонстрирует, как научное сотрудничество может служить связующим звеном даже в политически сложных ситуациях.

Совместные исследовательские проекты, программы академической мобильности и проведение международных конференций позволяют азербайджанским ученым и политикам вносить свой вклад в глобальное производство знаний, одновременно повышая узнаваемость страны на мировой арене. Образование играет не менее важную роль в этом дипломатическом повествовании. Программы образовательного обмена, которые направляют азербайджанских студентов в ведущие университеты США, Великобритании, Франции и других европейских стран, создают долгосрочные интеллектуальные связи и сети доверия. Эти люди часто становятся неофициальными послами культуры и устремлений своей страны, способствуя сотрудничеству, выходящему за рамки официальной дипломатии. Аналогичным образом, создание совместных институтов, таких как Французско-Азербайджанский университет (UFAZ), служит символом взаимного уважения и сотрудничества в производстве знаний, особенно в технической сфере.

Важно отметить, что научная дипломатия также способствует диверсификации международного партнерства и снижению зависимости от таких секторов, как энергетика. Развивая сотрудничество в таких областях, как биотехнологии, информационные технологии и «зеленой» энергетике, страна становится ближе к осуществлению концепции глобального перехода к устойчивой и цифровой экономике. Так, национальная программа «Азербайджан 2030: национальные приоритеты социально-экономического развития» одной из ключевых целей ставит увеличение доли возобновляемой энергии в общем объеме производства энергии в 2025 г. до 24%, а в 2030 г. до 30%» [Гаджизаде, Магеррамов 2024, с. 18].

Вызовы и ограничения

Несмотря на растущие институциональные и дипломатические достижения в научном сотрудничестве Азербайджана с западными странами, ряд структурных и контекстуальных проблем по-прежнему сдерживают полную реализацию его потенциала.

---

¹² Азербайджан – ЮНЕСКО. URL: <https://azerbaijan.az/ru/related-information/199> (дата обращения 30 сентября 2025).

Эти проблемы характерны не только для Азербайджана, но отражают более широкую напряженность, которая часто сопровождается трансформацию развивающихся стран или стран с переходной экономикой, стремящихся интегрироваться в глобальную систему науки и образования. Тем не менее понимание их конкретных проявлений в контексте Азербайджана имеет решающее значение для разработки политики, которая может способствовать достижению долгосрочных целей модернизации и научной дипломатии.

Одно из наиболее серьезных препятствий заключается в структурных ограничениях национальной научной системы. Хотя Национальная академия наук Азербайджана и крупнейшие университеты добились значительного прогресса в реформировании своих исследовательских программ, общая научная инфраструктура по-прежнему сталкивается с нехваткой финансирования, лабораторных мощностей и технологического оборудования. Расходы на исследования и разработки остаются относительно низкими по сравнению с западными странами, а участие частного сектора в инновационной деятельности остается ограниченным. Так, в 2020 г. в рамках совместного вебинара ЕЭК ООН и ЭСКАТО «Оценка пробелов в сфере науки, технологий и инноваций (НТИ) стран СПЕКА: прокладывая путь к действиям в рамках Инновационной стратегии СПЕКА для устойчивого развития» Юлия Алиева, консультант в рамках проекта ЕЭК ООН, по итогам анкетирования государственных органов Азербайджана для проведения обследования представила результаты ответов опрошенных представителей государственных органов. Автор приводит одно из самых часто упоминаемых мнений касательно существующих проблем и препятствий, мешающих инновационному развитию в стране:

Отмечается недостаток мер политики поддержки, задача создания экономики, основанной на знаниях, еще не реализована. Необходимая нормативно-правовая база отсутствует¹³.

Еще одной проблемой является неравномерный характер партнерских отношений между Азербайджаном и западными исследовательскими институтами. Сотрудничество часто принимает форму участия в проектах, финансируемых из внешних источников, в которых западные партнеры контролируют основные процессы принятия решений и программы исследований. Таким образом, за-

¹³ Алиева Ю. Анализ пробелов в сфере науки, технологий и инноваций (НТИ) в Азербайджане. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-03/STI%20gap%20analysis_Azerbaijan_Report_Yulia%20Alieva_RUS.pdf (дата обращения 15 октября 2025).

дача заключается в достижении более сбалансированной формы взаимодействия, которая выходит за рамки односторонней передачи знаний в направлении совместного творчества и инноваций. Достижение этого баланса требует укрепления национального исследовательского потенциала и обеспечения того, чтобы азербайджанские институты могли выступать в качестве равноправных участников международных консорциумов.

Еще одна проблема касается аспекта научного сотрудничества, связанного с человеческим капиталом. Азербайджан отличается высокообразованным населением и сильными традициями в области технических и естественных наук, однако явление «утечки мозгов» остается постоянной проблемой. Так, Мариам Сеидбейли в своей работе пишет: «Начался отъезд интеллектуального потенциала Азербайджана из страны в поисках работы и получения хорошего образования. В результате республика понесла большие потери. Многие десятки тысяч работников науки либо ушли в бизнес, либо выехали за рубеж, что существенно ослабило интеллектуально-кадровый потенциал страны. Наиболее востребованными оказались азербайджанские специалисты, занимавшиеся техническими и точными науками. География расселения азербайджанской диаспоры за рубежом обширна, однако основными центрами притяжения азербайджанских ученых являются Россия, Турция, США и страны Западной Европы» [Сеидбейли 2017, с. 229–230]. Многие талантливые молодые исследователи ищут возможности для профессиональной деятельности за рубежом из-за более конкурентоспособной заработной платы, передовых условий проведения исследований и более широких перспектив карьерного роста. Хотя многие из этих людей поддерживают неформальные связи со своими учебными заведениями, отечественная система с трудом усваивает их опыт. Обращение вспять этой тенденции требует не только материальных стимулов, но и создания исследовательской среды, поощряющей инновации, меритократию и академическую свободу.

Помимо структурных и человеческих факторов, геополитические и политические соображения также определяют контекст научного диалога Азербайджана с Западом. Стратегическое равновесие страны между различными региональными субъектами иногда накладывает ограничения на ее участие в определенных инициативах, осуществляемых под руководством Запада. Кроме того, различия в моделях управления, нормативных стандартах и политической чувствительности могут иногда осложнять рамки сотрудничества, особенно в областях, которые пересекаются с интересами политики или безопасности.

Заключение

Траектория внешней политики Азербайджана за последние три десятилетия демонстрирует четкую эволюцию от неотложных задач государственного строительства к сложной, многоплановой дипломатии, основанной на знаниях, инновациях и сотрудничестве. В рамках этой более широкой трансформации научный диалог с западными странами превратился в стратегический и перспективный компонент внешней деятельности Азербайджана.

Для поддержания и развития научной дипломатии Азербайджан должен продолжать инвестировать в образование, исследовательскую инфраструктуру и инновационные экосистемы, способные генерировать знания, которые являются как глобально значимыми, так и полезными для страны. Решение проблем финансирования, сохранения человеческого капитала и структурных реформ будет иметь решающее значение для обеспечения того, чтобы сотрудничество с западными партнерами оставалось взаимообогащающим и стратегически сбалансированным.

В конечном счете интеграция науки во внешнюю политику Азербайджана представляет собой нечто большее, чем тактический выбор – это отражение более широкого цивилизационного видения страны. Превращая научное сотрудничество в форму мягкой силы, Азербайджан демонстрирует, что прогресс и влияние в современном мире проистекают не из доминирования, а из способности делиться, творить и вдохновлять.

Поступая таким образом, нация подтверждает свое место в качестве моста между Востоком и Западом, внося свой вклад в глобальный порядок, в котором знания служат как основой мира, так и катализатором общего прогресса.

Литература

- Букалова 2018 – *Букалова С.В.* Научная дипломатия: сущность и роль в системе международных отношений // *Мировая политика*. 2018. № 2. С. 95–103.
- Воронин 2009 – *Воронин А.С.* Внешняя политика Азербайджана в 21 в. // *Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: Сборник материалов 2-й межрегиональной университетской научно-методической конф.* Ярославль, 2009. С. 82–88.
- Гаджизаде, Магеррамов 2024 – *Гаджизаде Ф.М., Магеррамов М.И.* Состояние и перспективы использования экологически чистой энергии в Азербайджане // *Вестник МАНЭБ. Учредители: Международная академия экологии и безопасности жизнедеятельности*. 2024. Т. 29. № 3. С. 15–21.

- Романова 2017 – Романова М.Д. Научная дипломатия: измерения и практики // Управление наукой и наукометрия. 2017. № 1 (23). С. 38–52.
- Сейдбейли 2017 – Сейдбейли М.Г. Миграция интеллектуального капитала Азербайджана // Международные и национальные научные организации как фактор формирования глобального научного сообщества: Материалы международного симпозиума. Киев: Наш формат, 2017. С. 229–240.
- Nye 2004 – Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.

References

- Bukalova, S.V. (2018), “Scientific diplomacy. The essence and role in the system of international relations”, *World Politics*, no. 2, pp. 95-103.
- Hajizade, F.M. and Maharramov, M.I. (2024), “Status and prospects of use of clean energy in Azerbaijan”, *Vestnik MANEB = Vestnik IAELPS*, vol. 29, no. 3, pp. 15-21.
- Nye, J.S. (2004), *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, New York, USA.
- Romanova, M.D. (2017), “Scientific diplomacy: dimensions and practices”, *Science. Innovation. Education*, vol. 12, no. 1, pp. 38-52.
- Seyidbeyli, M.G. (2017), “Migration of intellectual capital of Azerbaijan”, *International and national scientific organizations: a factor for building up the global scientific community*, Nash format, Kiev, Ukraine, pp. 229-240.
- Voronin, A.S. (2009), “Azerbaijan’s foreign policy in the 21st century”, *Velikii Volzhskii put’: chelovek, prostranstvo, vremya, dokument: Sbornik materialov 2-i mezhhregional’noi universitetskoj nauchno-metodicheskoi konf.* [The Great Volga Way: man, space, time, document: Collection of proceedings from the 2nd Interregional University Scientific and Methodological Conference], Yaroslavl, Russia, pp. 82-88.

Информация об авторе

Глеб С. Путилин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tenenbaum.saf@gmail.com

Information about the author

Gleb S. Putilin, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; tenenbaum.saf@gmail.com

УДК 327(470+55)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-67-79

О сравнении Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества и Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран

Алексей С. Кузнецов

*Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
Москва, Россия, akuznetsov@duma.gov.ru*

Аннотация. В статье произведена попытка сравнительного анализа двух договоров, сыгравших важную роль в российско-иранских отношениях в первой четверти XXI в.: Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества (2001 г.), и Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве (2025 г.). Установлено, что эти договоры имеют много общего – особенно в аспекте сотрудничества в традиционных областях экономики, науки и культуры. Однако в Договоре 2025 г. появилось много новых статей, которые отражают новые направления сотрудничества, а также новые угрозы и вызовы. В новом Договоре гораздо большее внимание уделено военно-техническому сотрудничеству и противодействию угрозам и вызовам в сфере санкционного давления, которому в настоящее время подвергаются обе страны. В целом российско-иранские отношения за рассматриваемый период пережили как периоды успешного развития, так и тяжелые моменты. Однако с середины 2010-х гг. постепенно создавались условия для прорыва в двусторонних отношениях, который произошел начиная с 2022 г. и затронул многие области сотрудничества. Политические лидеры двух стран также поддерживают процесс двустороннего сближения и резкого ускорения сотрудничества в основных областях.

Ключевые слова: Россия, Иран, Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества, Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, товарооборот, двустороннее сотрудничество, экономика, оборона, безопасность

Для цитирования: Кузнецов А.С. О сравнении Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества и Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 67–79. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-67-79

ISBN 2686-7648

© Кузнецов А.С., 2025

On the comparison of the Treaty on the Fundamentals of Relations and Principles of Cooperation and the Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran

Aleksey S. Kuznetsov

*Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russia, akuznetsov@duma.gov.ru*

Abstract. This article attempts a comparative analysis of two treaties that played a significant role in Russian–Iranian relations in the first quarter of the 21st century: the Treaty on the Fundamentals of Mutual Relations and Principles of Cooperation (2001) and the Comprehensive Strategic Partnership Treaty (2025). These treaties have much in common, particularly with regard to cooperation in traditional areas such as economics, science and culture. However, the 2025 Treaty contains many new articles reflecting new areas of cooperation, as well as new threats and challenges. The new treaty places much greater emphasis on military-technical cooperation and countering threats and challenges relating to sanctions, which both countries are currently subject to. In general, Russian–Iranian relations during the period under review experienced both successful development and difficult moments. However, since the mid-2010s, conditions have gradually been created for a breakthrough in bilateral relations, which began in 2022 and has impacted many areas of cooperation. The political leaders of the two countries also support the process of bilateral rapprochement and a sharp acceleration of cooperation in key areas.

Keywords: Russia, Iran, Treaty on the Fundamentals of Relations and Principles of Cooperation, Comprehensive Strategic Partnership Treaty, trade turnover, bilateral cooperation, economy, defense, security

For citation: Kuznetsov, A.S. (2025), “On the comparison of the Treaty on the Fundamentals of Relations and Principles of Cooperation and the Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 6, pp. 67-79, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-67-79

Введение

Российско-иранские отношения в первой четверти XXI в. пережили периоды взлетов и падений. С середины 2010-х гг. наметилось укрепление российско-иранского сотрудничества во внешней политике – особенно при сотрудничестве в борьбе с терроризмом в Сирии, однако экономические и культурные отношения двух стран явно отставали от политических. С февраля 2022 г., после

изменения геополитической ситуации и введения жестких западных санкций против Российской Федерации, начался активный рост двустороннего сотрудничества во всех ключевых областях, в том числе в экономике и торговле [Безносова, Лихачев 2023, с. 90–91]. Российско-иранские отношения в 2001–2024 гг. регулировались Договором от 12 марта 2001 г., однако быстрый рост взаимодействия двух стран потребовал заключения нового договора в соответствии с новыми условиями. Актуальность темы исследования обусловлена значительной активизацией российско-иранских отношений, потребовавшей кардинально новой договорно-правовой основы.

12 марта 2001 г. Президентами России и Ирана В.В. Путиным и М. Хатами был подписан Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. Договор содержал 21 статью и, исходя из названия, закладывал базу для развития российско-иранского сотрудничества в сферах, представляющих интерес для обоих государств¹. Документ определил принципы выстраивания отношений, которые включали в себя, в числе прочих, невмешательство во внутренние дела друг друга, неприменение силы во взаимных отношениях и неиспользование своей территории для совершения враждебных действий против другой Стороны, неоказание помощи агрессору в случае, если одна из Сторон подвергнется нападению, разрешение споров мирными средствами. Договор раскрыл основные направления двустороннего взаимодействия – политического, торгово-экономического (в сферах промышленности, транспорта, энергетики, сельского хозяйства, здравоохранения), банковского, научно-технического, культурно-гуманитарного. Отдельно было выделено сотрудничество между Сторонами в регионе Каспийского моря, а также между регионами России и Ирана. Отмечена важность кооперации в области разоружения и ликвидации оружия массового уничтожения, международной безопасности, нераспространения и экспортного контроля, борьбы с терроризмом, преступностью и незаконным оборотом наркотиков. Договор 2001 г. стал важным шагом в процессе углубления отношений между двумя странами, дал мощный импульс к дальнейшему наращиванию двустороннего взаимодействия [Хафизова 2020, с. 22].

По итогам состоявшихся 12 марта 2001 г. переговоров и подписания Договора занимавший тогда пост Президента ИРИ М. Ха-

---

¹ Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3290> (дата обращения 12 августа 2025).

тами заявил, что тесное взаимодействие России и Ирана отвечает интересам всего ближневосточного региона. Президент России В.В. Путин, в свою очередь, отметил схожесть оценок лидеров обоих государств в отношении мировых и региональных проблем. Он также выделил договоренности о расширении контактов в экономической сфере и области военно-технического сотрудничества, интенсификации связей в сфере передовых технологий и энергетики².

Данный Договор автоматически продлевался каждые 10 лет. Российско-иранское двустороннее взаимодействие на протяжении всего времени после подписания Договора 2001 г. демонстрировало позитивную динамику. Если в 2001 г. товарооборот между Россией и Ираном составлял 0,93 млрд долл. [Хафизова 2017, с. 50], то в 2024 г. он составил 4,8 млрд долл.³ Нарастание контактов и связей происходило во всех основных сферах сотрудничества – торгово-экономической, финансовой, промышленной, энергетической, транспортной, сельскохозяйственной, культурно-гуманитарной и научно-образовательной. Поддерживался регулярный политический диалог на уровне глав государств, министерств и законодательных органов двух стран. В ходе многочисленных контактов не раз обозначалась близость взглядов на построение мировой архитектуры безопасности с главенствующей ролью Организации Объединенных Наций, неприятие однополярного мироустройства и формирование альтернативных гегемонии США центров силы, на пути обеспечения стабильного регионального развития. С 4 июля 2023 г. Иран обрел статус полноправного члена Шанхайской Организации Сотрудничества, а с 1 января 2024 г. официально вступил в БРИКС. Противостояние нелегитимным западным санкциям подтолкнуло оба государства к еще более тесной кооперации в кредитно-финансовой сфере, которая привела в том числе к интеграции российской и иранской платежных систем «Мир» и «Shetab», а также подписанию соглашения о ликвидности национальных валют⁴. Активное взаимодействие российских и иранских вооруженных сил в 2015 г., вызванное обострением кризиса в Сирии и стремлением обеих сторон объ-

---

² Пресс-конференция Президента России В.В. Путина по итогам переговоров с Президентом Ирана С.М. Хатами 12 марта 2001 г. Москва, Кремль // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ir/1677970/> (дата обращения 11 августа 2025).

³ Цивилев: товарооборот России и Ирана за 2024 г. вырос на 16,2% // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23782661> (дата обращения 12 августа 2025).

⁴ Иран нанесли на карту «Мира». Россия завершает интеграцию своей платежной системы с «Шетаб» // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7397332> (дата обращения 13 августа 2025).

единить усилия для его преодоления и противостояния растущей террористической угрозе, дало импульс к поступательному и взаимовыгодному сотрудничеству в оборонной сфере [Садеги 2020, с. 84–87], которое продолжается до сих пор.

Целью данной статьи является рассмотрение общих и различных моментов в двух анализируемых договорах – 2001 и 2025 гг. в контексте изменения содержания российско-иранских отношений и ощутимой интенсификации двустороннего сотрудничества. Для этого был использован прежде всего метод контент-анализа – сравнительный анализ содержания данных договоров, а также сравнительно-исторический метод при рассмотрении динамики развития российско-иранских отношений.

Совпадающие моменты Договора 2001 г. и Договора 2025 г.

Из-за ухудшения отношений с Западом и Турцией в середине 2010-х гг. Россия начала интенсивно сближаться с Ираном, что ознаменовало окончание периода серьезных трудностей, регресса и недоверия во взаимоотношениях, который имел место в конце 2000-х – начале 2010-х гг. Хотя двусторонние отношения развивались очень неравномерно в разных областях (например, во внешней политике они были гораздо активнее, чем в торговле), но уже к 2017 г. были заложены основы для будущего значительного прорыва в отношениях – включая проект международного транспортно-коридора «Север-Юг», подготовку торгового соглашения Ирана и ЕАЭС, интенсивное политическое и военно-техническое сотрудничество двух стран в Сирии (см.: [Карамид 2017]). Уже тогда, а тем более в настоящее время, Договор 2001 г. перестал отвечать требованиям времени как с точки зрения интенсификации и содержания российско-иранского взаимодействия, так и исходя из изменившейся геополитической ситуации. Новый уровень, на который вышло двустороннее сотрудничество, его комплексный характер, а также сложившиеся геополитические реалии обусловили необходимость дать ему новую договорно-правовую базу, которая отражала бы текущее состояние двусторонних отношений⁵.

---

⁵ Новый договор о партнёрстве между Ираном и Россией отражает текущее состояние двусторонних отношений, считает российский аналитик // Иран.ру. URL: https://www.iran.ru/news/interview/127314/Novyy_dogovor_o_partnyorstve_mezhdu_Iranom_i_Rossiey_otrazhaet_tekushchee_sostoyanie_dvustoronnih_otnosheniy_schitaet_rossiyskiy_analitik (дата обращения 19 августа 2025).

Активно к разработке нового договора приступили в 2022 г. – в сентябре Президенты России и Ирана В.В. Путин и Э. Раиси обсудили этот вопрос на полях саммита ШОС в Самарканде. По словам представителей внешнеполитических ведомств, заключение договора о всеобъемлющем сотрудничестве между Москвой и Тегераном являлось стратегическим решением руководства двух стран⁶. В июле 2024 г. работа над подготовкой нового договора была завершена. 17 января 2025 г. в Москве Президентом России В. Путиным и Президентом Ирана М. Пезешкианом был подписан Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве. По словам иранского Президента, подписание большого договора, который охватывает все сферы деятельности двух стран, в том числе сферы культуры, торговли и экономики, гуманитарные связи, придаст серьезный импульс развитию двусторонних отношений и станет прочным фундаментом для движения вперед. М. Пезешкиан подчеркнул, что подписание договора знаменует начало нового этапа в развитии двусторонних связей, прежде всего – торгово-экономических отношений. Лидер России В. Путин, комментируя подписание документа, отметил, что в нем поставлены амбициозные задачи и намечены ориентиры по углублению двустороннего сотрудничества на долгую перспективу в политике безопасности, в торгово-инвестиционной, гуманитарной областях. По его мнению, новый договор – это по-настоящему прорывной документ, который нацелен на создание необходимых условий для стабильного и устойчивого развития России, Ирана и всего Евразийского региона⁷.

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве насчитывает 47 статей⁸. Судя из названия, новый документ закрепляет статус России и Ирана как стратегических партнеров. Сравним подробнее ключевые статьи обоих базовых договоров, выделив общие моменты и проанализировав основные различия.

Статьи 1, 2 и 3 Договора 2001 г. раскрываются в статьях 2 и 3 Договора 2025 г. В новом документе при этом добавляется неприя-

---

⁶ МИД назвал договор о сотрудничестве с Ираном стратегическим решением // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240611/iran-1952093767.html> (дата обращения 13 августа 2025).

⁷ Шимаев Р., Белоусова А. «По-настоящему прорывной документ»: Путин и Пезешкиан подписали договор о стратегическом партнерстве между РФ и Ираном // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1422306-rossiya-iran-dogovor-strategicheskoe-partnyorstvo> (дата обращения 13 августа 2025).

⁸ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения 18 августа 2025).

тие однополярного мироустройства и гегемонии, а также говорится о необходимости противодействия вмешательству третьих сторон во внутренние и внешние дела России и Ирана. Статья 5 Договора 2001 г. раскрывается в Статье 17 Договора 2025 г. (в ней говорится о развитии торгово-экономического сотрудничества, которое координируется на площадке Постоянной Российско-Иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству), а также – в Статье 18 Договора 2025 г. о содействии развитию торгово-экономического и промышленного сотрудничества, создании взаимных экономических преимуществ и сотрудничестве в банковской сфере.

Статья 6 Договора 2001 г. описывает развитие российско-иранских связей сразу в нескольких сферах – транспорта, энергетики, промышленности, науки и техники, сельского хозяйства и здравоохранения. В Договоре 2025 г. взаимодействие в каждой из сфер отражается в отдельных статьях. Статья 21 состоит из шести пунктов и посвящена исключительно развитию транспортного сотрудничества с акцентом на развитии международных транспортных коридоров, включая реализацию проекта МТК «Север – Юг». Статья 22 посвящена энергетическому сотрудничеству в нефтегазовой сфере, состоит из трех пунктов, причем второй пункт включает шесть подпунктов. В них раскрываются принципы взаимодействия в данной отрасли, говорится о поощрении инвестиций в проекты, о научно-техническом взаимодействии, о проведении согласованной политики в рамках Форума стран – экспортеров газа и «ОПЕК-плюс» и взаимодействии в области возобновляемых источников энергии. Статья 23 раскрывает сотрудничество в атомной энергетике. Статья 24, изложенная в двух пунктах, говорит о взаимодействии в областях сельского хозяйства, рыбного хозяйства, ветеринарии, охраны и карантина растений и семеноводства. Статья 28 посвящена взаимодействию в областях здравоохранения, медицинского образования и науки. В ней перечислены основные направления сотрудничества, включая организацию государственной системы здравоохранения, профилактику и лечение заболеваний, внедрение цифровых технологий, профессиональное обучение специалистов и т. д. Статья 29 описывает расширение связей в области санитарно-эпидемиологического благополучия. Промышленное сотрудничество между странами раскрывается в Статье 18. Научно-техническое взаимодействие описывается в Статье 30, которая в целом посвящена сотрудничеству в сфере высшего образования.

Статья 8 Договора 2001 г. посвящена развитию связей между народами, общественными и религиозными организациями, моло-

дежными и женскими объединениями. В Статье 9 Договора 2001 г. говорится о продвижении сотрудничества в области культуры, науки, образования, искусства, туризма, спорта и в других гуманитарных областях, о взаимодействии между информационными службами и средствами массовой информации, о поощрении изучения официальных языков (русского и фарси). Договор 2025 г. раскрывает перечисленные направления в целом ряде статей: в уже упомянутой Статье 30; Статье 32 (укрепление связей между СМИ, продвижение национальной литературы, общение между народами); Статье 33 (сотрудничество средств массовой информации с целью повышения информированности и противодействия дезинформации); Статье 34 (развитие взаимодействия в области культуры и искусства, содействие ознакомлению с национальными традициями, изучению национальных языков); Статье 35 (продвижение культурного наследия и туризма); Статье 36 (развитие двусторонних молодежных обменов, расширение контактов между молодежными объединениями, проведение мероприятий по молодежной тематике); Статье 37 (укрепление сотрудничества в области физической культуры и спорта).

Статья 11 Договора 2001 г. и Статья 15 Договора 2025 г. посвящены укреплению межпарламентского сотрудничества, однако в новом документе подробно изложены его формы – взаимодействие в многосторонних форматах, контакты между профильными комитетами Федерального Собрания и Меджлиса Исламского Совета ИРИ, между группами по связи законодательных органов, а также встречи в рамках Комиссии по сотрудничеству между Государственной Думой и Меджлисом Исламского Совета.

Статья 12 Договора 2001 г. и статья 13 Договора 2025 г. посвящены российско-иранскому сотрудничеству в Каспийском регионе. При этом в новом Договоре, составленном после подписания Соглашения о правовом статусе Каспийского моря, расширенно (в четырех пунктах) изложены основные принципы двустороннего взаимодействия на Каспии.

Статья 13 Договора 2001 г. соответствует статье 16 Договора 2025 г. В них говорится о развитии сотрудничества между регионами. Новый договор описывает межрегиональное взаимодействие более подробно (в двух пунктах).

Статья 14 Договора 2001 г. говорит о проведении регулярных консультаций по вопросам развития двусторонних отношений и продвижения многостороннего сотрудничества с участием других государств региона, а также по вопросам урегулирования ситуаций, нарушающих (или угрожающих нарушить) мир и безопасность. В статье 15 говорится о совместных усилиях по повышению

роли ООН в международных отношениях. В Договоре 2025 г. схожие цели и задачи, но более кратко, изложены в статье 9, а также в статье 12.

Статья 16 Договора 2001 г. посвящена взаимодействию в продвижении процесса разоружения, сокращения и ликвидации оружия массового уничтожения, а также проведению консультаций для координации усилий в области международной безопасности, нераспространения оружия массового поражения и экспортного контроля. Данной статье в Договоре 2025 г. соответствует статья 10.

Статья 18 Договора 2001 г. кратко раскрывает двустороннее сотрудничество в целях борьбы с международным терроризмом и другими вызовами и угрозами современности. В статье 7 Договора 2025 г. эти вызовы и угрозы перечислены более подробно, а также добавлен пункт о координации позиций двух государств на соответствующих международных площадках и об их сотрудничестве в рамках Интерпола.

Статья 17 Договора 2001 г. посвящена экологическому сотрудничеству и взаимодействию в предотвращении стихийных бедствий и ликвидации их последствий. В Договоре 2025 г. эти направления перечислены в статьях 38, 39, 40 (об обмене опытом в области управления водными ресурсами).

Новые моменты в Договоре 2025 г. по сравнению с Договором 2001 г.

Перейдем к основным отличиям двух договоров, отметив те направления, о которых не говорилось в Договоре 2001 г. Уже в статье 1 Договора 2025 г., в которой перечислены основные сферы двустороннего сотрудничества, выделены такие области кооперации, как оборона и безопасность. В статье 4, состоящей из двух пунктов, говорится о сотрудничестве между службами разведки и безопасности сторон, а именно об обмене информацией и опытом и об осуществлении взаимодействия в рамках отдельных соглашений. Статья 5, в свою очередь, посвящена военному сотрудничеству и состоит из четырех пунктов. Основные моменты, затронутые в ней, – это обмен военными делегациями, заходы военных кораблей и судов в порты обеих стран, подготовка военных кадров, проведение совместных морских операций; проведение совместных военных учений; консультации и сотрудничество в сфере противодействия общим военным угрозам и угрозам безопасности. Статья 6 говорит о развитии военно-технического сотрудничества.

В соответствии с действующим между Россией и Ираном Договором о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, Статья 8 посвящена описанию правового сотрудничества между двумя государствами.

Статья 11 включает пять пунктов и целиком посвящена сотрудничеству в сфере международной информационной безопасности, в том числе кооперации в сфере противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях и совместным шагам в деле укрепления суверенитета в международном информационном пространстве.

Статья 14 раскрывает тему сотрудничества России и Ирана в рамках региональных организаций, в том числе Шанхайской организации сотрудничества, а также описывает основные особенности взаимодействия между Ираном и Евразийским экономическим союзом.

Статья 19, состоящая из четырех пунктов, полностью посвящена совместному противодействию применению односторонних санкций, включая поиск путей смягчения последствий от их имплементации, уменьшение тех рисков, которые они несут для взаимных экономических связей, ограничение распространения информации, которая может быть использована третьими странами с целью эскалации указанных ограничительных мер, неприменение таких мер против друг друга и т. д.

Статья 20 говорит о сотрудничестве кредитных организаций двух государств, о двустороннем взаимодействии для создания независимой платежной инфраструктуры, осуществления платежей в национальных валютах, развития торговли и поощрения инвестиций в особые/свободные экономические зоны, а также о кооперации в золотодобывающей, алмазно-бриллиантовой и ювелирной отраслях.

Статьи 25, 26, 27 посвящены соответственно российско-иранскому таможенному сотрудничеству, взаимодействию в области антимонопольной политики и в области взаимного признания стандартов, протоколов испытаний и сертификатов соответствия. И, наконец, статья 31 говорит о расширении двустороннего сотрудничества в области освоения космоса в мирных целях.

Очевидно, что новый Договор отражает новые экономические и геополитические условия, в которых развивается российско-иранское сотрудничество, а также политическую волю высших руководителей государств. Президент РФ В.В. Путин и Верховный Лидер ИРИ Али Хаменеи заявляют о необходимости развивать сотрудничество двух стран во всех основных областях, с акцентом на их дружественный характер. Иранские власти говорят о необ-

ходимости развивать отношения «по всем направлениям, которые выгодны нашим странам и народам» [Белов 2024]. Намерения руководителей двух стран добиться быстрого развития российско-иранских отношений на благо их народов, очевидно, были учтены и отражены в Договоре 2025 г.

Заключение

На основании приведенного анализа можно сформулировать следующие выводы. Договор 2025 г. достаточно подробно описывает сотрудничество сторон в военной сфере и сфере ВТС, а также в области безопасности, при этом документ не предполагает создание военного союза и не предусматривает оказание друг другу военной помощи. Не менее половины документа занимают положения, связанные с развитием востребованных сфер взаимодействия, прежде всего тех, на которых Президенты двух стран обоснованно делают особый акцент – это торгово-экономическая, инвестиционная, транспортная и энергетическая сферы, где на повестке стоит реализация целого ряда крупных совместных проектов. Отдельная статья посвящена противодействию односторонним ограничительным мерам и координации усилий с целью искоренения данной порочной практики в современных международных отношениях. Значительное место в документе отводится взаимодействию в культурно-гуманитарной сфере, сферах образования и науки, медицины и сельского хозяйства.

Старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук В.И. Сажин считает, что Договор 2025 г. демонстрирует позитивную динамику в развитии отношений между Россией и Ираном, обеспечивает правовую основу для инициирования, создания и реализации множества проектов практически во всех сферах торгово-экономического сотрудничества и для взаимодействия в противодействии современным глобальным вызовам и угрозам⁹.

Таким образом, можно утверждать, что Договор 2025 г., рассчитанный на 20 лет с возможностью продления на следующие пять лет в случае отсутствия возражений, фиксирует на правовом уровне уже достигнутые за последние годы результаты сотрудниче-

---

⁹ Новый договор о партнерстве между Ираном и Россией отражает текущее состояние двусторонних отношений, считает российский аналитик // Иран.ру. URL: https://www.iran.ru/news/interview/127314/Novyy_dogovor_o_partnyorstve_mezhdu_Iranom_i_Rossiey_otrazhaet_tekushchee_sostoyanie_dvustoronnih_otnosheniy_schitaet_rossiyskiy_analitik (дата обращения 19 августа 2025).

ства в различных областях, а также задает параметры, рамки для их дальнейшего продвижения в соответствии с требованием времени и актуальной геополитической обстановкой. Сегодняшняя геополитическая ситуация делает дальнейшее сближение наших стран в ключевых областях двустороннего взаимодействия необходимым и неизбежным, и новый Договор обеспечивает адекватную правовую базу для этого.

Литература

- Безносова, Лихачев 2023 – *Безносова М.И., Лихачев К.А.* Российско-иранские отношения на современном этапе: перспективы и потенциальные риски // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7. Вып. 1. С. 88–96. DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-1-88-96.
- Белов 2024 – *Белов В.И.* Россия и Иран на пути к стратегическому партнерству // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248. № 4. С. 263–277. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-263-277.
- Карами 2017 – *Карами Дж.* Стратегическое партнерство России и Ирана на новом этапе: что мы можем предложить друг другу? // Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития: Доклад № 29 / Гл. ред. И.С. Иванов. М.: НП РСМД, 2017. С. 25–32. URL: <https://russiancouncil.ru/report29> (дата обращения 12 августа 2025).
- Садеги 2020 – *Садеги Э.М.* Ирано-российское сотрудничество в сферах обороны и безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 276–289. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-276-289.
- Хафизова 2017 – *Хафизова Э.И.* Сотрудничество Ирана и России в торгово-экономической сфере с июня 2001 по июнь 2005 г. // Теория и практика общественного развития. 2017. № 10. С. 50–52. DOI: 10.24158/tipor.2017.10.10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-irana-i-rossii-v-torgovo-ekonomicheskoy-sfere-s-iyunya-2001-g-po-iyun-2005-g> (дата обращения 12 августа 2025).
- Хафизова 2020 – *Хафизова Э.И.* Развитие ирано-российских отношений на современном этапе (в период с июня 2001 г. по май 2017 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казанский федеральный ун-т, 2020. 271 с. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F_564116985/Kandidatskaya_dissertaciya_Khafizovoj_E.I._Khafizova_E.I..pdf (дата обращения 12 августа 2025).

References

- Belov, V.I. (2024), "Russia and Iran on the way to strategic partnership", *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free Economic Society of Russia], vol. 248, no. 4, pp. 263–277, DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-263-277.

- Beznosova, M.I. and Likhachev, K.A. (2023), “Russian-Iranian relations at the present stage: prospects and potential risks”, *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, vol. 7, iss. 1, pp. 88–96, DOI: 10.35634/2587-9030-2023-7-1-88-96.
- Karami, J. (2017), “Russia and Iran’s strategic partnership enters a new phase: The strategic partnership between Russia and Iran at a new stage. What can we offer each other?”, in Ivanov, I.S. (ed.), *Partnerstvo Rossii i Irana: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya: Doklad № 29* [Russia-Iran Partnership: Current Status and Development Prospects. Report No. 29], NP RSMD, Moscow, Russia, pp. 25–32, available at: <https://russiancouncil.ru/report29> (Accessed 12 August 2025).
- Khafizova, E.I. (2017), “Trade and economic cooperation between Iran and Russia from June 2001 to June 2005”, *Theory and Practice of Social Development*, no. 10, pp. 50–52, DOI: 10.24158/tipor.2017.10.10, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-irana-i-rossii-v-torgovo-ekonomicheskoj-sfere-s-iyunya-2001-g-po-iyun-2005-g> (Accessed August 12, 2025).
- Khafizova, E.I. (2020), *The development of Iranian-Russian relations at the present stage (from June 2001 to May 2017)*, Ph.D. Thesis, Kazan Federal University, Kazan, Russia, available at: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F_564116985/Kandidatskaya_dissertaciya_Khafizovoj_E.I.____Khafizova_E.I..pdf (Accessed August 12, 2025).
- Sadegi, E.M. (2020), “Iran-Russia Defence and Security Cooperation”, *RUDN Journal of Political Science*, vol. 22, no. 2, pp. 276–289, DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-276-289.

Информация об авторе

Алексей С. Кузнецов, Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Россия; 103265, Россия, Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1; akuznetsov@duma.gov.ru

Information about the author

Aleksey S. Kuznetsov, Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 1, Okhotnyi Ryad Street, Moscow, Russia, 103265; akuznetsov@duma.gov.ru

УДК 28:316.32

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-80-95

Исламизация как альтернативный сценарий глобализации

Игорь В. Рыжов

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижегород, Россия, ivr@fmo.unn.ru*

Мария Ю. Бородина

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижегород, Россия, borodina-m.u@yandex.ru*

Аннотация. Глобализационный проект на базе евроцентричного неолиберального порядка находится в глубоком кризисе. Но процесс сближения экономического, социального и политического пространства планеты продолжается. Исследование альтернатив неолиберализму поможет спрогнозировать будущее развития глобализации. Одной из возможных центростремительных тенденций в этом отношении может выступить ислам.

В статье дано определение исламизации, а также показано, что интернационализации ислама способствует ее идеологическое наполнение, которое имеет наднациональное начало. Исламский сценарий глобализации выступает возможной альтернативой неолиберальной глобализации. Однако для этого ислам должен пройти через глубокую трансформацию, которая откроет дорогу к его интернационализации.

Ключевые слова: глобализация, ислам, антиамериканизм, вестернизация, умма, исламский мир, мусульманские государства

Для цитирования: Рыжов И.В., Бородина М.Ю. Исламизация как альтернативный сценарий глобализации // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 80–95. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-80-95

Islamization as an alternative scenario of globalization

Igor V. Ryzhov

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia, ivr@fmo.unn.ru*

Maria Yu. Borodina

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia, borodina-m.u@yandex.ru*

Abstract. The globalization project based on the Eurocentric neoliberal order is in deep crisis. But the process of convergence of the economic, social and political space of the planet continues. The study of alternatives to neoliberalism will help predict the future development of globalization. Islam therein may be one of the possible centripetal trends.

The article gives the definition of Islamization and shows also that the internationalization of Islam is facilitated by its ideological content, which has a supranational origin. The Islamic scenario of globalization is a possible alternative to neoliberal globalization. However, for that to happen, Islam must go through a profound transformation that will pave the way for its internationalization.

Keywords: globalization, Islam, anti-Americanism, Westernization, Umma, Islamic world, Muslim states

For citation: Ryzhov, I.V. and Borodina, M.Yu. (2025), "Islamization as an alternative scenario of globalization", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 6, pp. 80-95, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-80-95

Введение

Сама по себе глобализация – явление преимущественно закономерное и даже неизбежное и отражает реальные процессы взаимодействия и сближения практически всех стран, культур и образов жизни разных народов, активизацию обменов на уровне не только государств, но и отдельных граждан. Естественно, глобализация вторгается в жизнь и мусульманского мира, оказывая на нее неоднозначное влияние [Сюкияйнен 2012, с. 13]. Поскольку глобализационный процесс противоречив, идут постоянные споры о позитивных и негативных сторонах глобализации для человечества. Следует отметить, что в научном сообществе вопрос об отказе от глобализации даже не поднимается, так как она воспринимается как объективный процесс развития человеческого социума.

Глобализация в понимании современных исследователей – лишь один из этапов интернационализации мирового хозяйства, который начался в 1970-е гг. XX в. Идеологическим базисом данного процесса стала концепция неолиберализма, уходящая корнями в классическую политическую экономию [Muhammad 2021, p. 2]. В ее рамках продвигались политика свободного рынка, монетаризма и принципы западноевропейской демократии.

Некоторые авторы воспринимают глобализацию как процесс активного распространения по всему миру западных ценностных установок, своеобразную «западнизацию» земного шара. Другие рассматривают ее как средство укрепления политической гегемонии США и ее союзников в мире, как гарантию его однополярного устройства. Часть ученых видит в глобализации новый виток экономической экспансии со стороны Запада, обретения им контроля над стратегически важными ресурсами [Сахибгоряев 2018, с. 363]. Странники последней точки зрения иногда формулируют ее в более резкой форме. Они постулируют, что сама концепция глобализации представляет собой прикрытие для грабительской политики, проводимой наиболее состоятельными государствами мировой капиталистической системы и аффилированными с ними представителями крупного капитала, направленной против слабых стран [Ланда 2011, с. 24]. В свою очередь, некоторые специалисты считают, что следует объединить воедино экономический и политический аспекты данного процесса. Им глобализация видится новой итерацией колониализма, с помощью которой коллективный Запад пытается обрести полное главенство над различными частями мира, в частности, мусульманским Востоком [Сеидова 2014, с. 69].

Методы исследования

Исследуемое явление – исламизация – рассматривается в целостности, во взаимодействии с культурными, политическими, социально-экономическими и другими факторами, которые формируют этот процесс. Также в целях выявления закономерностей и оценки перспектив исламизации применяется диалектический метод, исторический подход, который позволяет выявить особенности развития исследуемого объекта, а также общенаучные методы – анализ, синтез, индукция и дедукция – и методы, свойственные исторической науке, – ретроспективный и историко-сравнительный.

Результаты исследования

Со временем глобализационные процессы достигли предела своего развития и зашли в тупик. Кульминацией застоя стал экономический кризис 2008 г. Главными проблемами неolibерального проекта глобализации считают углубление степени неравенства как между бедными и богатыми, так и между развитыми и развивающимися государствами [Бабурин и др. 2011, с. 309]. Кроме того, глобализационные процессы в определенной степени ответственны за наличие и серьезность масштабов глобальных проблем, прежде всего проблем экологического и климатического характера, а также стремительного истощения ресурсов нашей планеты [Adebayo 2014, p. 82].

Несмотря на то, что глобализация носит в значительной степени объективный характер, являясь следствием развития и неизбежного расширения мировой экономической системы, на фоне повышения эффективности и результативности производств и достижения осязаемого прогресса в области международного разделения труда, конкретная форма реализации данного процесса не является заранее детерминированной. Как следствие, на него можно воздействовать и управлять им. Разумеется, наибольшее количество преимуществ от глобализации получают те, кто руководит процессом [Ланда 2011, с. 24]. Неolibеральный вариант глобализации в данном контексте неминуемо привел к еще большему усилению стран коллективного Запада и ТНК за счет бедных государств. Но недовольство населения многих (прежде всего, развивающихся) стран направлением глобализационного развития заложило основы для возникновения альтернативных проектов, которые бы нивелировали вызванные неolibерализмом проблемы, сохранив его позитивные аспекты. Одной из таких можно считать исламизацию.

Под исламизацией подразумевается процесс возрастания степени воздействия ислама на разнообразные аспекты политики тех или иных государств, образ жизни различных обществ, характер их социальной организации, сопряженный с ростом числа последователей данной религии в соответствующем регионе или в мировом масштабе. Ряд зарубежных авторов рассматривают исламизацию как часть глобализации, не воспринимая ее как нечто несовместимое с глобализационными процессами или реакционное по отношению к ним. Они акцентируют внимание на том, что исламский мир с самого начала являлся участником глобализации посредством поддержания торговых отношений, проведения активной политики на международной арене, а также распространения миссионерами мусульманской веры в Азии, Африке и Европе. Тем

не менее эти авторы отмечают серьезные различия между исламизацией и основополагающим измерением глобализации. Они указывают на несовместимость первой с сегодняшним характером организации мировой капиталистической системы или навязыванием принципов буржуазной демократии [Likens-Bull et al. 2012, p. 34-43]. Отечественные авторы скорее представляют эти тенденции как два отдельных конкурирующих проекта глобализации [Сахибгоряев 2018, с. 363]. Мусульманский проект глобализации рассматривается как сформировавшийся параллельно с западным и вступивший в конкуренцию с последним на рубеже веков [Островская 2015, с. 141]. Он выступает в качестве альтернативы неолиберальному варианту глобализации, неотъемлемой частью которого является насаждение на всей планете западных идеологических принципов, что крайне негативно воспринимается в рамках исламского мира [Мавляутдинов 2018, с. 34].

Другие исследователи, наоборот, указывают на противостояние ислама и глобализации, объясняя это различиями в их природе и направленности. Так, глобализация рассматривается как всемирное явление, охватывающее всю планету и объединяющее ее универсальными стандартами и требованиями. Ислам также предполагает планетарный масштаб его влияния но только в мусульманском мире. Если эти два проекта в их практическом измерении или теоретическом обосновании действительно являются несовместимыми, то постоянно обостряющийся конфликт между ними неизбежен [Сюкияйнен 2012, с. 49].

Однако в пользу исламизации как сценария глобализации говорит распространенность данной религии в современном мире. Более 2 млрд мирового населения (около 25%) исповедуют ислам, что делает его второй по популярности религией в мире после христианства¹. В рамках рейтинга стран мира по темпу роста населения в первую двадцатку входят сразу шесть стран, в которых доля мусульманского населения составляет 95% и более: Нигер, Майотта, Мали, Сомали, Судан и Сенегал. Кроме того, основываясь на статистических данных по 70 странам (включая США, Францию, Австралию и Новую Зеландию), в которых проживает 43% населения Земли, исследователи указывают на заметно большую устойчивость ислама (по сравнению с христианством) в контексте смены последователями религиозной веры или полного отказа от одной².

---

¹ Religion of the World. Countrymeters. URL: <https://countrymeters.info/en/World#religion> (дата обращения 6 октября 2023).

² The Changing Global Religious Landscape. Pew Research Center. 2017. 5 April. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/#fn-27661-2> (дата обращения 06 октября 2023).

Интернационализации ислама также способствует ее идеологическое наполнение – в частности, понятие «уммы» (религиозной общины). Оно содержит в себе наднациональное начало: высшую ценность имеет приверженность мусульманского сообщества установкам ислама. При этом национально-государственная принадлежность отодвигается на второй план. Более того, в исламской среде даже встречается осуждение самого феномена государственности как политической структуры. В данном случае оно рассматривается как в высшей степени репрессивная конструкция, проникающая во все области социального бытия человека. Среди теоретиков исламизма даже имело место стремление разоблачить концепцию государства-нации и националистические идеи посредством противопоставления поклонения Аллаху (как положительного феномена) и поклонения «идолу», в роли которого может выступать нация или народ (как сугубо негативного явления) [Альбеков и др. 2017, с. 331–334].

Таким образом, ислам обладает значительным глобализационным потенциалом и может выступить центральным объединяющим фактором для альтернативного направления глобализации. Разумеется, упор на наднациональную и религиозную составляющие открыто находит свое выражение в содержании исламского варианта глобализации. Некоторые исследователи считают одной из важнейших составляющих ядра мусульманского проекта глобализации концепцию консолидации мусульман вокруг единого наднационального государства, в котором будет проповедоваться ислам, а культурно-языковая, национальная или расовая принадлежность ощутимой роли играть не будет. Другие авторы отмечают, что суть современного проекта исламизации вообще никак не связана с идеей нации. Особый акцент в нем делается на важности формирования истинно мусульманского общества без строгой привязки к каким-либо территориям [Островская 2015]. Данная характеристика проекта повышает его привлекательность для мусульман всего мира, включая представителей европейских и североамериканских диаспор.

Пример последних демонстрирует то, как глобализация повлекла за собой возникновение изменений внутри ислама, сделав его еще менее зависимым от национально-культурного контекста и, как следствие, более пригодным для транснационального распространения, усиления его позиций на глобальном уровне. Интенсификация миграционных потоков, являющаяся частью глобализации, привела к тому, что множество мусульман сегодня живут в странах, где ислам исповедуется меньшинством населения, включая европейские и североамериканские государства. В дан-

ных условиях у проживающих там приверженцев ислама религиозная принадлежность стала по факту единственным объединяющим фактором, а их национальная или культурно-языковая принадлежность стала стремительно терять значение. Таким образом, произошла детерриториализация ислама – снижение степени привязанности данной религии к конкретному региону, территории [Ray 2017, p. 24]. Данный феномен перекликается с подпитываемым глобализацией стремлением фундаменталистов сформировать универсальную исламскую идентичность, свободную от влияния конкретных культур, ассоциаций с ними, существующую выше их [Рыжов и др. 2021, с. 51].

Важно отметить, что распространение неолиберальной глобализации на Ближнем Востоке и в Азии было встречено местным населением достаточно враждебно и вызывало резкое недовольство в массах, которые воспринимали данный процесс как насильственную вестернизацию [Ланда 2011, с. 24]. Столкновение западноевропейской и мусульманской систем ценностей породило острый конфликт. Хоть мусульманский мир и тесно вошел в мировое хозяйство, однако ему было отведено периферийное положение. Сырьевые интересы транснациональных компаний диктовали очаговое индустриальное развитие этих стран, когда деньги вкладывались только в ограниченные территории и отрасли экономики, которые могли дать высокую прибыль. Мусульманские государства стали источником дешевого доступного сырья и низкооплачиваемой рабочей силы [Краснова 2018, с. 40]. С другой стороны, неолиберальная глобализация приводила к ломке традиционных ценностей исламской общины. Глобализационные процессы способствовали повсеместному распространению в исламских странах компьютерной техники, увеличению роли западных СМИ, их влияния на содержание телепередач, журналов, кинофильмов, служащих в качестве развлечения для жителей мусульманских государств, вестернизации их образовательных учреждений, росту популярности там европейских языков [Adebaou 2014, p. 82-83].

Внедрение новых технологий, присоединение к глобальному информационному полю оказывало деструктивное влияние на вековые устои исламского социума [Сеидова 2014, с. 72]. Неолиберальная глобализация привела к преобразованию характерных для мусульман культурных установок, образа жизни, мировоззрения, заставила их иначе взглянуть на вопросы политики, экономики, религии, права и прочего, в том числе посредством провоцирования изменений в образовательных системах мусульманских стран, внедрения западного образа мысли. Крайне негативное отношение к ряду аспектов глобализации в мусульманских государствах отча-

сти объясняется еще и тем, что активное проникновение в исламские страны западных ценностей поставило под сомнение духовную монополию ислама в сфере организации общественной жизни [Ланда 2011, с. 26].

В данном контексте следует отметить, что многие последователи ислама ставят глобализации в вину дискредитацию ислама в публичном пространстве. Прежде всего, они акцентируют внимание на информации, распространяемой в Интернете и представляющей неотъемлемой частью мусульманства террористическую деятельность, а также открыто извращающей и осуждающей содержание исламской религии [Adebayo 2014, p. 83]. Наконец, многие мусульмане увидели в связанной с глобализацией вестернизации одну из причин возникновения целого ряда социально-экономических проблем, приведших к стремительному росту социальной напряженности в исламском социуме [Ланда 2011, с. 29]. Радикальные элементы внутри мусульманских обществ возлагают вину за все проблемы, с которыми сталкиваются последователи ислама, на проникновение с Запада чуждой идеологии, моральных норм, философских и политических принципов, а также на наличие у руководства исламских стран стремления ориентироваться в своей политике на коллективный Запад [Островская 2015, с. 142].

Одновременно распространение в мировом масштабе западных ценностей в рамках неолиберальной модели глобализации в каком-то смысле сыграло на руку процессам исламизации. В частности, именно в рамках борьбы с процессом вестернизации мир ислама преисполнен стремлением создать свой формат глобализации, который бы соответствовал его религиозным ценностям и принципам [Сеидова 2014, с. 70]. В свою очередь, после сентябрьских событий 2001 г. конфликт между исламом и глобализацией заметно обострился в связи с попытками США и НАТО заниматься государственным строительством в странах мусульманского мира [Рыжов и др. 2023, с. 421].

Вовлечение ведущих западных стран в переустройство Ближнего Востока спровоцировало рост влияния исламского фундаментализма – идеи «джихада», строгого соблюдения законов шариата и создания теократического государства (возрождения «Халифата»). Хотя джихадизм отрицает и не принимает глобализацию, навязываемую странами Запада, фактически он разделяет принципы глобализации [Рыжов и др. 2021, с. 50]. Тем самым, радикальный панисламизм можно считать одним из вариантов глобализации на основе мусульманской веры. Однако это ответвление имеет скорее маргинальный характер и не принимается большей частью исламского мира. Более того, подобный глобализационный проект изна-

чально обречен на провал из-за своей утопичности и обращенности в прошлое, а не в будущее. Деятельность экстремистов на Ближнем Востоке так и не вышла за рамки очаговых квазигосударственных образований. Несмотря на слабость центрального правительства в ряде стран исламисты не смогли заручиться широкой поддержкой населения и захватить власть хотя бы в одном ближневосточном государстве. Немалую роль сыграли контртеррористические операции НАТО, США и России, помешавшие местным фундаменталистам взять под контроль стратегически ценные территории, которые могли бы финансировать деятельность экстремистских структур [Рыжов и др. 2023, с. 422].

В то же время противоречивая ситуация складывается в Афганистане. С одной стороны, пришедшее в 2021 г. к власти движение талибов³ не скрывает своей приверженности радикальному исламу. Талибан уже приступил к преобразованиям в сферах общественной жизни в соответствии с предписаниями шариата. Вносятся изменения в уголовное законодательство, ограничиваются права женщин в образовании и трудовой сфере [Crews 2021, p. 52]. С другой стороны, новые власти Афганистана столкнулись с серьезной критикой со стороны исламского мира из-за унижения прав женщин, искажения истинного значения ислама и его дискредитации. Несомненно, это укрепляет позиции умеренных группировок внутри Талибана, готовых отказаться от излишнего радикализма [Crews 2021, p. 65]. Наконец, ради получения поддержки России, Ирана и Китая талибы объявили о готовности бороться с экстремистами в Афганистане и сотрудничать с соседями в вопросах контртеррористической борьбы [Crews 2021, p. 62]. Разумеется, ни о каком распространении ислама здесь не может идти и речи.

Означает ли это, что глобализация на базе ислама невозможна? Однозначно отрицать возможность такого сценария преждевременно. Несмотря на неприятие мусульманами глобализации по западноевропейскому варианту, она уже необратимо повлияла на жизнь исламской общины и отдельных ее представителей. Мусульманское сообщество перестало быть территориально изолированным. В результате глобализации диаспоры мусульман стали активнее перемещаться по всей планете. Живущие за пределами исламского мира мусульмане, как правило, имеют качественное образование и квалификацию, более открыты прогрессивным идеям и способны критически воспринимать исламские устои. Некоторые из них возвращаются на роди-

---

³ Террористическая организация, запрещена на территории России.

ну, чтобы применить свои знания на практике и помочь в модернизации исламских государств с бережным отношением к местной специфике [Гринин 2019, с. 36].

Кроме того, обогащение ряда государств с преимущественно мусульманским населением в результате открытия в них масштабных нефтяных месторождений предоставило им значительные возможности для увеличения привлекательности исламского глобализационного проекта и прямой поддержки процесса исламизации на мировой арене. Нефтедобывающие страны Ближнего Востока успешно воспользовались теми бонусами, которые принесла им глобализация в последней четверти прошлого столетия, для осуществления широкомасштабной модернизации внутри самих государств, а также значительного улучшения своих позиций в международном контексте [Гринин 2019, с. 30–31].

Ряд мусульманских стран предпринимают попытки воздействовать на страны, где проживает мусульманское население, посредством финансирования строительства мусульманских учреждений. Например, Саудовская Аравия профинансировала возведение сотен мечетей и исламских центров по всей Европе, выделила деньги на создание Оксфордского центра исламских исследований и возведение Большой мечети в Лионе. Данные учреждения способны служить инструментами продвижения в массы мусульманской религии, мировоззрения и ценностей.

На Западе этот процесс получил дополнительный импульс благодаря усилиям иммигрировавших туда с середины прошлого столетия интеллектуалов из исламских стран. Их деятельность в странах Европы и Северной Америки способствовала появлению там специальных исламских институтов и ассоциаций вроде Международного института исламской мысли или Ассоциации мусульманских ученых и инженеров, которые также вносят свой вклад в процессы исламизации на Западе [Adebayo 2014, p. 85].

Также следует отметить, что для распространения ценностей ислама в различных странах мира активно используются современные технологии. Используются не только печатные издания или аудиоматериалы проповедей, но и фильмы (в том числе документальные), мультипликации, телевизионные передачи на разнообразных темах, связанные с теми или иными традициями ислама, важными для мусульманских государств историческими или политическими событиями (например, Ближневосточным конфликтом). Параллельно с этим богатые ресурсами исламские страны (в первую очередь, Саудовская Аравия и Иран) активно оказывают экономическую поддержку развивающимся мусульманским государствам, в частности, посредством организации стипендиальных

программ, финансирования медресе, колледжей и университетов [Likens-Bull et al. 2012, p. 40-43].

Параллельно ислам, будучи наиболее быстро растущей религией мира, активно распространяется в самых разных регионах земного шара. Заметный вклад в данный процесс вносят миграционные потоки и образование. Их высокая интенсивность стали следствиями процесса глобализации [Альванус 2013, с. 128]. Одним из наиболее обсуждаемых в научной литературе и СМИ сюжетов, связанных с миграцией мусульманского населения в другие регионы, является переезд большого количества жителей Ближнего Востока и Северной Африки в Европу. Данный процесс способствует распространению ислама на территории европейских стран. Это такая же неотъемлемая часть феномена глобализации, как и проникновение западных ценностей на территорию мусульманских государств [Сахибгоряев 2018, с. 363]. Доля последователей ислама среди мигрантов, приезжающих в страны ЕС, весьма высока. Это приводит к постепенной исламизации Старого света, увеличению части, которую мусульмане составляют среди европейского населения [Альбеков и др. 2017, с. 166]. Быстрый рост числа приверженцев данной религии привел к тому, что ислам стал второй по популярности религией Европы, и доля мусульман в населении европейского континента продолжит увеличиваться [Альбеков и др. 2017, с. 166–167].

Некоторые исследователи допускают, что в долгосрочной перспективе западные страны сумеют изменить мировоззрение молодых мусульман, проживающих на территории Европы, прежде всего посредством использования европейских учебных заведений. Это можно рассматривать как потенциальное препятствие на пути исламизации Европы. Однако в данном контексте чрезвычайно важен тот факт, что многие европейские мусульмане негативно настроены по отношению к западным ценностям и образу мысли. Во многом это связано с отсутствием у них необходимого образования, языковых навыков, социального и профессионального статуса для полноценной интеграции в европейский социум. Значительное число мусульман проживают в компактных районах в окружении исключительно своих единомышленников, стремятся организовать жизнь на этих территориях в соответствии с их собственными представлениями, а не правилами европейской страны. Они формируют альтернативные общественные институты для регулирования общественной жизни и, таким образом, пытаются максимально дистанцироваться от коренного населения стран Европы [Альбеков и др. 2017, с. 167]. Все это серьезнейшим образом ограничивает возможность исламской молодежи приобщиться к западной культуре, делает ислам крайне устойчивым к конверсии.

Одновременно наличие во множестве стран мира мусульманских диаспор, которые в совокупности представляют собой обширную сеть, обладающую потенциалом для консолидации, способствует обретению исламом все более глобализированного и транснационального характера и провоцирует его дальнейшее распространение в мировом масштабе [Островская 2015, с. 140–141].

Однако важно осознавать, что проект «исламизации» мира имеет определенные ограничения, препятствующие его реализации в глобальном масштабе. Важнейшим препятствием выступает отсутствие идеологического и политического единства внутри самого ислама. Так, глубокие противоречия сложились между суннитами и шиитами. Долгие годы наиболее яркое выражение это противостояние имело в конфликте шиитского Ирана и его прокси с суннитским миром во главе с Саудовской Аравией. Кроме того, гражданская война в Йемене явилась следствием соперничества между двумя направлениями ислама, на которое уже накладываются различные политические, этнические и экономические разногласия. И хотя при посредничестве Китая, ИРИ и КСА подписали соглашение о возобновлении дипломатических отношений, шиито-суннитский конфликт по-прежнему является самым мощным дезорганизующим фактором в исламе [Рыжов, Бородин 2019, с. 626].

Вторым барьером выступают представления мусульманской веры о статусе и правах женщин. Существующие в исламе требования к внешнему виду и поведению женского населения, ограничение свободы их перемещений и контактов, а также доступа к высоким религиозным и общественным должностям не могут найти применение в рамках всей планеты. Даже в рамках мусульманских обществ возникает все большее неприятие ущемления прав женщин. В частности, массовые протесты в Иране в сентябре 2022 г., спровоцированные смертью молодой девушки (по некоторым сведениям, за несоблюдение правил ношения хиджаба), отражают остроту борьбы за расширение прав женщин⁴. В большей степени неравенство полов имеет социально-экономическую природу. Однако это не отменяет того факта, что ислам такое неравенство узаконивает и легитимизирует, придавая ему сакральный смысл. В этом отношении статус женщины в развитых странах как результат многолетней борьбы феминизма за равноправие более прогрессивен в сравнении с консервативными представлениями ислама.

---

⁴ Протесты в Иране охватили все провинции // Газета.uz. 2022. 28 октября. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/10/28/iran/> (дата обращения 3 октября 2023).

Неслучайно многие восточные женщины, оказавшись вне исламской среды, отказываются от многих предписаний шариата, предпочитают светский образ жизни религиозному [Charfi 2010, p. 301].

Выводы

Исламский сценарий глобализации обладает значительным потенциалом и выступает реальной альтернативой западноевропейской неолиберальной глобализации. Исламская теология переживает расцвет благодаря расширению ее географии, обогащению ее содержания за счет опыта других культур и финансированию деятельности исламских образовательных учреждений богатыми ближневосточными державами. Усиление исламского капитала позволяет ему проецировать свое влияние и распространять ценности ислама далеко за пределы территорий традиционного проживания мусульман. Отдельно стоит отметить высокую устойчивость ислама перед религиозным обращением. Как правило, мусульмане (мусульманки в меньшей степени) сохраняют приверженность исламским ценностям, даже покинув пределы своей родины. Тем самым обеспечивается их сохранение и передача молодым поколениям. На фоне стремительного упадка неолиберальной глобализации для многих исламизация выглядит привлекательным инструментом для переформатирования глобализации на новых началах. При этом стоит отметить, что исламский мир все еще крайне фрагментирован из-за многовековых религиозных споров, что приводит к расколу межнациональной мусульманской «уммы». Без консенсуса в рамках сообщества мусульман реализация исламского глобализационного проекта будет затруднительна. Наконец, определенная трансформация должна произойти и в консервативной идеологии ислама. Устои ислама многие столетия оставались неизменны и сегодня уже не отвечают запросам современного общества. Попытки модернизировать исламские общества приводят к конфликту с традиционными нормами. Однако отказ от модернизации всех сфер общественной жизни исламского мира только углубит отставание от передовых стран мира. Без обновления исламской религии ее подлинная интернационализация будет невозможна.

Литература

Альбеков и др. 2017 – Альбеков А.У., Матишов Г.Г., Старостин А.М. [и др.]. Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2017. 400 с.

- Альванус 2013 – *Альванус А.* Мусульманский глобализационный проект как альтернатива западному проекту // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 5 (23). С. 128–135.
- Бабурин и др. 2011 – *Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д.* Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. 496 с.
- Гринин 2019 – *Гринин Л.Е.* Исламизм и глобализация // Век глобализации. 2019. № 1. С. 18–34.
- Краснова 2018 – *Краснова Н.В.* Иммиграционная политика в мусульманских странах: социально-экономический и демографический аспекты проблемы // Социология и право. 2018. № 2 (40). С. 37–47.
- Ланда 2011 – *Ланда Р.Г.* Глобализация и политический ислам // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 24–31.
- Мавляутдинов 2018 – *Мавляутдинов И.С.* Глобализация и ислам: противостояние и вовлечение // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 3. С. 33–39.
- Островская 2015 – *Островская Е.А.* Исламский проект глобализации и его ключевые составляющие // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 140–143.
- Руа 2017 – *Руа О.* Глобализированный ислам: в поисках новой уммы // Islamology. 2017. Т. 7. № 1. С. 11–40.
- Рыжов и др. 2023 – *Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Савичева Е.М.* Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в меняющемся мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 418–435.
- Рыжов и др. 2021 – *Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Савичева Е.М.* Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. Т. 7. № 1. С. 48–55.
- Рыжов, Бородина 2021 – *Рыжов И.В., Бородина М.Ю.* Противостояние шиитов и суннитов на Ближнем Востоке: история вопроса и анализ современного состояния // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 611–629.
- Сахибгоряев 2018 – *Сахибгоряев В.Х.* Радикальный исламизм в глобальном мире // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 362–364.
- Сейдова 2014 – *Сейдова Г.Н.* Ислам и глобализация: за и против // Россия и мусульманский мир. 2014. № 2. С. 150–161.
- Сюкияйнен 2012 – *Сюкияйнен Л.* Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли. М.: Изд. дом Марджани, 2012. 88 с.
- Adebayo 2014 – *Adebayo R.I.* Islamization and the Challenge of Globalization in the 21st Century // Islamic Perspective. 2014. Vol. 12. P. 75–93. URL: <https://iranianstudies.org/2014/12/26/islamic-perspective-journal-volume-12-winter-2014-published-lais/> (дата обращения 21 февраля 2025).
- Charfi 2010 – *Charfi A.* Islam: the test of globalization // Philosophy & Social Criticism. 2010. № 36 (3-4). P. 295–307.

- Crews 2021 – *Crews R.D.* The Challenge of Taliban Ideology for International Politics: Religious Competition, Counter-terrorism, and the Search for Legitimacy // *Journal of International Analytics*. 2021. № 12 (4). P. 50–67. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/396/348> (дата обращения 2 апреля 2025).
- Lukens-Bull et al. 2012 – *Lukens-Bull R., Pandich A., Woods J.P.* Islamization as Part of Globalization: Some Southeast Asian Examples // *Journal of International and Global Studies*. 2012. Vol. 3. № 2. P. 32–46. URL: <https://digitalcommons.lindenwood.edu/jigs/vol3/iss2/2/> (дата обращения 16 апреля 2025).
- Muhammad 2021 – *Muhammad A.I.* Islam, globalism and globalisation // *The Journal of Islamic Governance*. 2021. № 12. P. 1–11.

References

- Adebayo, R.I. (2014), “Islamization and the Challenge of Globalization in the 21st Century”, *Islamic Perspective*, vol. 12, pp. 75-93, available at: <https://iranianstudies.org/2014/12/26/islamic-perspective-journal-volume-12-winter-2014-published-lais/> (Accessed 21 February 2025).
- Al’bekov, A.U., Matishov, G.G. and Starostin, A.M. (2017), *Al’ternativnye modeli globalizatsii i problemy sovremennoi global’noi dinamiki* [Alternative models of globalization and issues of modern global dynamics], Izd-vo RGEHU (RINKH), Rostov-on-Don, Russia.
- Al’vanus, A. (2013), “Muslim globalization project as an alternative to the Western project”, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*, no. 5 (23), pp. 128-135.
- Baburin, S.N., Muntyan, M.A. and Ursul, A.D. (2011), *Globalizatsiya v perspective ustoychivogo razvitiya* [Globalization in the perspective of sustainable development], Infra-M, Moscow, Russia.
- Charfi, A. (2010), “Islam: the test of globalization”, *Philosophy & Social Criticism*, no. 36 (3-4), pp. 295-307, DOI: 10.1177/019145370935856.
- Crews, R.D. (2021), “The Challenge of Taliban Ideology for International Politics: Religious Competition, Counter-terrorism, and the Search for Legitimacy”, *Journal of International Analytics*, no. 12 (4), pp. 50-67, DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-4-50-67 available at: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/396/348> (Accessed 2 April 2025).
- Grinin, L.E. (2019), “Islamism and globalization”, *Vek globalizatsii [AGE OF GLOBALIZATION]*, no. 1, pp. 18-34.
- Krasnova, N.V. (2018), “Immigration policy in the Muslim countries: social and economic and demographic aspects of the problem”, *Sociology and Law*. no. 2 (40), pp. 37-47.
- Landa, R.G. (2011), “Globalization and political Islam”, *Modern and Contemporary History*, no. 2, pp. 24-31.
- Lukens-Bull, R., Pandich, A. and Woods, J.P. (2012), “Islamization as Part of Globalization: Some Southeast Asian Examples”, *Journal of International and Global Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 32-46.
- Mavlyautdinov, I.S. (2018), “Globalization and Islam: confrontation and involvement”, *Herald of Vyatka State University*, no. 3, pp. 33-39, DOI: 10.25730/VSU.7606.18.021.

- Muhammad, A.I. (2021), "Islam, globalism and globalization", *The Journal of Islamic Governance*, no. 12, pp. 1-11.
- Ostrovskaya, E.A. (2015), "The Islamic project of globalization and its key components", *Theory and Practice of Social Development*, no. 17, pp. 140-143.
- Roy, I. (2017), "Globalized Islam: in search of a new ummah", *Islamology*, vol. 7, no. 1, pp. 11-40, DOI: 10.24848/ismlg.07.1.01.
- Ryzhov, I.V. and Borodina, M.Yu. (2021), "Confrontation between Shiites and Sunnis in the Middle East: history of the question and analysis of the contemporary state of affairs", *Proceedings of the Institute of Oriental studies of RAS*, no. 26, pp. 611-629.
- Ryzhov, I.V., Borodina M.Yu. and Savicheva, E.M. (2023) "The Middle East: seeking a new security architecture in a changing world", *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 418-435, DOI: 10.21638/spbu13.2023.213.
- Ryzhov, I.V., Borodina, M.Yu. and Savicheva, E.M. (2021), "The main problems of regional security in the Middle East", *Vestnik of the Mari State University. "History. Law" Series*, vol. 7, no. 1, pp. 48-55. DOI: 10.30914/2411-3522-2021-7-1-48-55.
- Sakhibgoryaev, V.Kh. (2018), "Radical Islamism in the global world", *Eurasian Law Journal*, no. 2 (117), pp. 362-364.
- Seidova, G.N. (2014), "Islam and globalization. Pros and cons", *Russia and the Moslem World*, 2014, no. 2, pp. 150-161.
- Sykiainen, L. (2012), *Globalizatsiya i musul'manskii mir: otsenka sovremennoi islamskoi pravovoi mysli* [Globalization and Muslim World: the Approach of the Modern Islamic Legal Thought], Izd. dom Mardjani, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Игорь В. Рыжов, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; ivr@fmo.unn.ru

Мария Ю. Бородина, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; borodina-m.u@yandex.ru

Information about the authors

Igor V. Ryzhov, Dr. of Sci. (History), professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN), Nizhny Novgorod, Russia; bld. 23, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, Russia, 603022; ivr@fmo.unn.ru

Maria Yu. Borodina, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN), Nizhny Novgorod, Russia; bld. 23, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, Russia, 603022; borodina-m.u@yandex.ru

УДК 32(612)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-96-113

Прокси-война в Ливии:
институциональная трансформация Бенгази
в условиях внешнего вмешательства

Евгения Н. Фурсова

Научно-аналитический портал «Восточная трибуна»

Москва, Россия, masr@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация роли восточной части Ливии с центром в Бенгази в современных политических и экономических процессах в условиях активного внешнего вмешательства в ситуацию в стране. Особое внимание уделяется влиянию ливийского кризиса на безопасность и экономические интересы глобальных и региональных держав. На основе последних данных рассматриваются ключевые тенденции и потенциальные риски для региона.

Ключевые слова: параллельные государственные институты на востоке Ливии, альтернативная государственность восточной Ливии, Ливийская национальная армия (ЛНА), политика Халифы Хафтара, международное вмешательство в ливийский кризис, прокси-война в Ливии

Для цитирования: Фурсова Е.Н. Прокси-война в Ливии: институциональная трансформация Бенгази в условиях внешнего вмешательства // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 96–113. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-96-113

Proxy war in Libya. Institutional transformation of Benghazi
in the context of external intervention

Evgenia N. Fursova

Scientific and analytical portal “The Oriental Tribune”

Moscow, Russia, masr@mail.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of the role of the eastern part of Libya, with its center in Benghazi, in modern political and economic processes in the context of active external meddling in the country's situation. Particular attention is paid to the impact of the Libyan crisis on the security and economic interests of global and regional powers. Based on the latest data, it looks into key trends and potential risks for the region.

© Фурсова Е.Н., 2025

Keywords: parallel state institutions in eastern Libya, alternative statehood in eastern Libya, Libyan National Army (LNA), Khalifa Haftar's policies, international intervention in the Libyan crisis, proxy war in Libya

For citation: Fursova, E.N. (2025), "Proxy war in Libya. Institutional transformation of Benghazi in the context of external intervention", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 6, pp. 96-113, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-96-113

Введение

С 2011 г. Ливия остается ареной многоуровневого конфликта, где пересекаются интересы внутренних и внешних акторов. Особую значимость в этом контексте приобретает Бенгази – второй по величине город страны, исторически сложившийся как ключевой экономический и политический центр восточной Ливии¹. В результате внешнего вмешательства в ливийский конфликт Бенгази подвергся глубокой институциональной перестройке, приведшей к возникновению дублирующих органов власти на востоке страны.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа механизмов влияния внешнего вмешательства на процессы государственного строительства на локальном уровне. Особый научный интерес представляют институциональные модели, формирующиеся в условиях гибридного конфликта, и их воздействие на стабильность региона.

Научная новизна работы определяется недостаточной изученностью влияния прокси-войны на институциональные изменения в восточной Ливии. В частности, отсутствуют системные исследования, рассматривающие Бенгази через призму динамики институциональных трансформаций под воздействием внешних факторов – от политико-экономического давления до военного вмешательства.

Целью статьи является многоаспектный анализ ситуации в восточной Ливии, включая причины трансформации ее статуса, влияния международных игроков и геополитики на кризис после 2011 г., а также рисков для региона.

Методология основана на сравнительном анализе открытых источников: научно-аналитических публикаций, данных СМИ, статистики и экспертных оценок международных организаций.

---

¹ Бенгази считается де-факто столицей восточной Ливии, так как здесь базируются ключевые институты и штаб Ливийской национальной армии. При этом официальные органы власти – Правительство национальной стабильности и Палата представителей – расположены в эль-Байде и Тобруке.

Стратегические интересы третьих стран в Ливии

После свержения Муаммара Каддафи в 2011 г. Ливия стала зоной геополитического соперничества. Интерес иностранных держав к стране обусловлен несколькими ключевыми факторами.

Геополитический фактор

Ливия занимает стратегическое положение на пересечении торговых путей между Европой, Ближним Востоком и Африкой. Также она служит основным транзитным коридором для нелегальной миграции в Европу, что делает ее объектом пристального внимания ЕС.

Стратегическое положение Ливии у южного фланга НАТО усиливает ее значение в глобальной конкуренции великих держав и обеспечивает контроль над ключевыми позициями в Средиземноморье.

Энергетический фактор

Ливия обладает крупнейшими в Африке запасами нефти (48 млрд барр.², 41% от континентальных запасов³) и значительными месторождениями газа (1,6 трлн куб. м, 3-е место в Африке и 10-е в мире⁴). Эти ресурсы делают ее важным игроком на мировом энергетическом рынке.

Внешние акторы в ливийском конфликте

Ливийский кризис с момента своего возникновения характеризовался активным вмешательством внешних сил, включая страны НАТО, государства Персидского залива и США. Их участие привело к свержению Каддафи и длительной дестабилизации, породив систему «управляемого хаоса», которая определяет динамику конфликта.

---

² Ливия доведет добычу нефти до 1,6 млн б/с к концу 2025 года. 21.01.2025 // Информационно-аналитический Центр «Инфо ТЭК». URL: <https://itek.ru/news> (дата обращения 27 июня 2025).

³ Информационный бюллетень Института мира США (USIP) от 10.02.2025 г. URL: <https://www.usip.org/publications/2025/02/current-situation-libya> (дата обращения 24 июня 2025); Данные по Ливии Управления энергетической информации США за 2024 г. URL: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/LBY> (дата обращения 28 июня 2025).

⁴ Нефть и газ Ливии. URL: https://www.africana.ru/source/oil/Libia_pol.htm (дата обращения 25 июня 2025).

Страны НАТО и США

Одним из ключевых акторов ливийского кризиса является Франция. Стремясь укрепить влияние в стратегически важных для нее регионах юго-востока страны (Фецан, Киренаика), она поддерживает Ливийскую национальную армию (ЛНА) Халифы Хафтара. Это объясняется как историческими интересами в приграничном Сахеле⁵, так и экономическими мотивами: французский энергетический гигант TotalEnergies активно инвестирует в ливийский нефтегазовый сектор, включая крупные месторождения, находящиеся под контролем восточной администрации.

Италия, бывшая метрополия Ливии, делает ставку на Правительство национального единства (ПНЕ) в Триполи. Рим заинтересован в энергетических ресурсах: через компанию ENI Италия контролирует значительную часть добычи нефти и газа (включая 80% внутреннего газового рынка Ливии⁶) и зависит от ливийского экспорта (на Ливию приходится 17,5% итальянского импорта нефти⁷).

США, сыгравшие ключевую роль в интервенции 2011 г., продолжают влиять на конфликт, поддерживая прозападные силы и противодействуя усилению России в регионе.

Государства Персидского залива

ОАЭ и Саудовская Аравия поддерживают ЛНА, видя в Хафтаре противовес исламистам. Катар традиционно финансирует исламистские группировки, выступая оппонентом Эр-Рияда и Абу-Даби.

Их вмешательство часто мотивировано как геополитическими интересами и стремлением усилить свое влияние в регионе, так и поддержкой интересов других стран.

Региональные игроки

Египет оказывает военную и дипломатическую поддержку ЛНА, опасаясь распространения радикальных группировок у своих границ.

Турция, действуя в рамках собственных имперских амбиций, изначально поддержала исламистов на западе Ливии, но в послед-

⁵ См. подробнее: [Наджаров 2023].

⁶ ENI и NOC подписали соглашения на 8 млрд долл. США о добыче газа в Средиземном море // Агентство ТАСС от 28.01.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16909791> (дата обращения 27 июля 2025).

⁷ Данные онлайн-платформы международной торговли «Обсерватория экономической сложности» (The Observatory of Economic Complexity, OEC). URL: <https://oec.world/en/profile/country/ly> (дата обращения 27 июня 2025).

ние годы стремится диверсифицировать влияние, заключая экономические сделки с ЛНА⁸. Анкара использует Ливию для расширения доступа к энергоресурсам и укрепления позиций в Средиземноморье.

Вместе с тем, несмотря на декларируемую самостоятельность, политика Турции в Ливии во многом коррелирует с интересами США/НАТО, включая противодействие России и контроль над ключевыми транспортными узлами (порты, авиабаза аль-Ватия).

Место России в ливийском кризисе

Российское участие в ливийском кризисе развивалось по иному сценарию. В отличие от США и их союзников, принявших непосредственное участие в свержении М. Каддафи в 2011 г., Москва оставалась в стороне от ливийских событий вплоть до 2019 г., когда возникла возможность перелома в конфликте.

Характерной особенностью российской стратегии в Ливии стало сочетание официального признания властей в Триполи с фактической поддержкой ЛНА Халифы Хафтара, что позволяет Москве сохранять диалог со всеми сторонами и получать конкретные преимущества через сотрудничество с силами на востоке страны.

Военно-стратегическое направление взаимодействия развивается через планы создания пунктов МТО ВМФ в Тобруке и Бенгази, что способно изменить баланс сил в Средиземноморье, обеспечив России постоянные опорные пункты у южных границ НАТО. Параллельно оказывается консультативная поддержка ливийским вооруженным формированиям⁹.

Экономические интересы России в Ливии сконцентрированы в нефтегазовом секторе. Участие российских компаний в разработке месторождений и восстановлении инфраструктуры открывает для Москвы новые рычаги влияния на энергозависимые страны Европы через долгосрочные контракты.

Дипломатическая активность России в ливийском урегулировании проявляется в организации переговорных площадок (Московские встречи 2020, 2023 гг.) и успешном посредничестве в заключении перемирия 2020 г., что укрепило авторитет России как арбитра в региональных конфликтах.

Реакция Запада носит настороженный характер, поскольку действия Москвы воспринимаются как создание плацдарма для

---

⁸ Хафтар делит Средиземноморье с Эрдоганом // Независимая газета. 2025. 5 июня. URL: https://www.ng.ru/world/2025-06-05/1_9268_mediterranean.html (дата обращения 13 июля 2025).

⁹ Libya: Transition and U.S. Policy // CRS Report. 2022.

контроля над стратегическими энергетическими активами и транспортными маршрутами, обостряя геополитическое соперничество в регионе.

Политика США на ливийском треке

На протяжении десятилетий Соединенные Штаты сохраняют статус ключевого внешнего игрока в Ливии. Их политика эволюционировала от единичных акций (бомбардировки 1986 г., экономические санкции) до комплексной стратегии контроля над конфликтом.

Решающий поворот произошел в 2011 г., когда США инициировали международную интервенцию под эгидой ООН, обеспечив подавление ливийской ПВО и введя нефтяное эмбарго. В последующие годы военное присутствие США трансформировалось в поддержку Правительства национального согласия¹⁰, включавшего радикальные исламистские группировки. Эта двойственная позиция ярко проявилась в 2015–2019 гг., когда американские удары формально наносились по боевикам ИГИЛ, но фактически укрепляли позиции связанных с террористами структур¹¹.

Современный этап характеризуется многовекторной стратегией, направленной на сохранение контроля над развитием конфликта. Так, Вашингтон поддерживает диалог с европейскими союзниками, региональными игроками и противоборствующими ливийскими группировками. Особую актуальность эта политика приобрела в контексте противодействия растущему российскому влиянию, что проявляется в расширении контактов с восточноливийскими структурами и точечном вмешательстве в критические моменты конфликта.

Прокси-война и управляемый хаос

Конфликт породил множество вооруженных формирований, существующих за счет иностранной поддержки. Возникший вакуум власти привел к расцвету нелегальных экономических потоков – от контрабанды оружия до торговли людьми, – дестабилизируя весь регион Магриба и Сахеля.

---

¹⁰ Правительство национального согласия (ПНС) – временное правительство Ливии (в Триполи, на западе страны) с декабря 2015 по март 2021 гг., сформированное при поддержке СБ ООН.

¹¹ Одну из влиятельных сил в ПНС представляли исламисты, а военную поддержку ему оказывали в том числе группировки, связанные с Аль-Каидой.

Парадоксальным образом, несмотря на разрушение государственных институтов и продолжающийся конфликт, ключевая статья ливийского экспорта – нефть – продолжает поступать на международные рынки. Особенно показательна ситуация с итальянскими поставками: после кратковременного спада в 2011, 2014 и 2015 гг., вызванного активными боевыми действиями, объемы ливийского экспорта стабилизировались на уровне 18–22% от общего объема импорта нефти в Италию (по сравнению с 25% в докризисный период). В денежном выражении это составляет 6–8 млрд долл. США ежегодно против прежних 9–11 млрд¹².

Контроль основных нефтяных месторождений вооруженными группировками, заинтересованными в сохранении экспортных доходов, объясняет устойчивость нефтяной экономики Ливии даже в условиях институционального коллапса. Внешние игроки способствуют относительной стабильности поставок, поскольку их экономические интересы часто преобладают над декларируемыми целями политического урегулирования. В конечном счете современная Ливия представляет собой модель «управляемого хаоса», где внешние силы через местных акторов борются за контроль над энергоресурсами¹³.

Внешнее вмешательство усугубило внутренние противоречия Ливии, отдалив перспективу национального примирения. Участие иностранных игроков привело к созданию дублирующих органов власти в Триполи и Бенгази¹⁴, институционализируя разделение страны на сферы влияния.

---

¹² Данные онлайн-платформы международной торговли «Обсерватория экономической сложности» (The Observatory of Economic Complexity, ОЕС). URL: <https://oec.world/en/profile/country/ly> (дата обращения 27 июня 2025).

¹³ International Crisis Group. Libya: Navigating the Foreign Proxy War // Middle East Report – 2022. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/libya-united-states-iran/libyas-proxy-war> (дата обращения 15 ноября 2025).

¹⁴ Двоевластие в Ливии, оформившееся после 2014 г., уходит корнями в раскол между западом и востоком страны, вызванный гражданской войной 2011 г. К 2016 г. завершилась его институционализация: в Триполи было создано признанное ООН Правительство национального единства (ПНЕ), а на востоке укрепились власть Палаты представителей в союзе с Ливийской национальной армией (ЛНА) Х. Хафтара. В настоящее время в Триполи действует ПНЕ, обладающее международной легитимностью. В восточной Ливии (Тобрук) заседает избранный в 2014 г. Парламент, который в 2022 г. сформировал собственное Правительство национальной стабильности (ПНС) в Бенгази. Х. Хафтар, назначенный командующим ЛНА в 2015 г., укрепил свои позиции благодаря военным успехам, включая контроль над ключевыми нефтяными терминалами (2016 г.). С 2020 г. он де-факто является руководителем востока страны, обладая полномочиями представлять регион на переговорах.

Нелегальный экспорт нефти: масштабы и участники

Гражданская война в Ливии¹⁵ создала благоприятные условия для формирования теневого рынка нефти, объемы которого сопоставимы с официальными поставками¹⁶. Совет Безопасности ООН еще в 2014 г. запретил экспорт нефти, осуществляемый не через признанное правительство в Триполи, однако этот запрет регулярно нарушается.

Основным бенефициаром нелегальной торговли называются восточные группировки, контролируемые Халифой Хафтаром, которые доминируют на ключевых нефтяных месторождениях¹⁷. Санкционный режим, формально направленный против параллельного экспорта, фактически стал инструментом давления на восточную Ливию в рамках противостояния с Триполи.

Тем не менее особую выгоду из сложившейся ситуации извлекают и внешние игроки. Европейские компании, формально соблюдая санкции, получают доступ к дешевой ливийской нефти через сложные схемы реэкспорта. При этом США, сохраняя риторику о необходимости стабилизации, объективно заинтересованы в ограничении ливийского экспорта, который конкурирует с американскими поставками в Европу. Как показал 2020 год, любые перебои в ливийских поставках немедленно компенсируются наращиванием американского экспорта¹⁸.

¹⁵ Гражданская война в Ливии формально делится на два основных этапа (2011 и 2014–2020 гг.). В настоящее время действует соглашение о прекращении огня, подписанное участниками конфликта 23 октября 2020 г. в Женеве под эгидой ООН.

¹⁶ Точные данные об объемах отсутствуют, поскольку отслеживание судов затруднено. Среди причин – различные схемы и методы обхода санкций, в т. ч. перевалок с судна на судно в международных водах, дозагрузка иностранных судов в ливийских портах по пути следования, использование поддельных экспортных сертификатов и др. (см., например, статью в британской *Lloyd's List* «Прибыльная деятельность Ливии по контрабанде топлива поддерживается небольшой сетью танкеров». URL: <https://www.lloydslist.com/LL1151054/Libya%e2%80%99s-lucrative-fuel-smuggling-operations-sustained-by-small-tanker-network> (дата обращения 28 июня 2025).

¹⁷ ЛНА контролирует большинство наземных месторождений (в т. ч. нефтяное месторождение эль-Шарара на юго-западе Ливии, где добывается 350 тыс. барр./день, что составляет четверть всего нефтяного экспорта Ливии), крупных нефтяных терминалов и портов, таких как эс-Сидр, Рас-Лануф, Марса-эль-Харига (Тобрук) и эз-Зуэтина.

¹⁸ UN Security Council Report. Final Report of the Panel of Experts on Libya (S/2023/79). New York: UN, 2023. 120 p. Ссылка на PDF file: S/2024/914 Security Council – UN Digital Library.

Парадоксально, но текущий уровень добычи нефти (около 1,3 млн баррелей в сутки¹⁹) устраивает всех ключевых игроков, поскольку он позволяет поддерживать минимальную стабильность ливийской экономики, сохраняя контроль над нефтяными потоками, ограничивать конкурентный потенциал Ливии на энергетическом рынке и продолжать теневые операции с ресурсами.

Таким образом, нефтяной фактор остается ключевым элементом «управляемого хаоса» в Ливии, где формальные санкции и неформальные схемы сосуществуют в хрупком равновесии, выгодном основным внешним акторам²⁰.

Бенгази как узел прокси-конфликта: институциональная трансформация в условиях «управляемого хаоса»

На фоне ливийского кризиса Бенгази и восточные регионы страны стали пространством формирования альтернативного центра власти, бросившего вызов логике «управляемого хаоса». Важно подчеркнуть, что существенную роль в разделении политических элит на два лагеря сыграла также неспособность властей в Триполи воссоздать вертикаль управления, разрушенную событиями 2011 г., и побороть хроническую анархию, что сделало их заложниками системного кризиса и конфликтов [Зинин 2016, с. 3]. В свете этого фигура Халифы Хафтара, возглавившего процесс институционализации нового полюса управления, представляет собой уникальный феномен в современной ливийской политике.

Хафтар, начавший свой путь как командир повстанческих формирований в 2011 г., к 2014 г. становится ключевой политической фигурой восточной Ливии. Его альянс с избранным Парламентом (Палатой представителей) и последующее назначение главнокомандующим ЛНА в 2015 г. создали институциональную альтернативу триполийским властям. Этот процесс сопровождался постепенной консолидацией властных структур на востоке страны, где ЛНА смогла обеспечить относительную безопасность и порядок, создать элементы государственного управления и взять под контроль ключевую нефтяную инфраструктуру.

---

¹⁹ IEA (2025). World Energy Outlook 2025. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025> (дата обращения 2 ноября 2025).

²⁰ На Европу приходится до 84% ливийского нефтяного экспорта (Италия (22,5%), Германия (14,6%), Испания (8,7%), Франция (7,4%), Греция (6,2%) (База данных мировой торговли ОЕС World). URL: <https://oec.world/en/profile/country/lby> (дата обращения 27 июня 2025).

Особое значение имел захват в 2016 г. четырех стратегических нефтяных терминалов (Рас-Лануф, эс-Сидр, Марса-эль-Брега и эз-Зуэтина), а в 2019 г. – месторождения эш-Шарара. Эти успехи позволили восточной администрации установить контроль над порядка 60–70% нефтедобычи страны, превратив энергетический фактор в важный инструмент политического влияния.

Парадокс ситуации заключается в том, что Хафтар, позиционирующий себя как сила, противостоящая хаосу и внешнему давлению, сам стал продуктом условий управляемого конфликта. Его успехи в стабилизации восточных регионов стали возможны благодаря поддержке местных племенных структур [Махмутова 2022, с. 376], военной помощи внешних игроков (Россия, ОАЭ, Египет) и контролю над нефтяными ресурсами.

Таким образом, институциональная трансформация в Бенгази и Восточной Ливии представляет собой сложный компромисс между попыткой создания устойчивой системы управления и зависимостью от внешней поддержки и нефтяных доходов. Этот баланс продолжает определять динамику развития восточных регионов, оставаясь важным фактором в общей системе ливийского кризиса.

Проблема легитимации ПНЕ и ПНСт

В Ливии после 2020 г. сложилась уникальная ситуация «двойственности власти», где два центра управления страной существуют в хрупком равновесии. На западе, в Триполи, продолжает функционировать ПНЕ, формально признанное международным сообществом, но фактически утратившее легитимность после истечения своего мандата в декабре 2021 г. Его власть ограничена столичным регионом, а реальное влияние зависит от поддержки разрозненных вооруженных формирований и внешних покровителей.

Параллельно на востоке страны, в Бенгази, действует альтернативное ПНСт, созданное по решению Палаты представителей в Тобруке. Его позиции укрепляет контроль ЛНА под командованием Хафтара над ключевыми нефтяными месторождениями и инфраструктурой. Хотя это правительство не получило международного признания, его фактическое влияние растет благодаря способности обеспечивать относительную стабильность на подконтрольных территориях.

Международное сообщество, формально поддерживая триполийское правительство, вынуждено учитывать реалии усиливающегося восточного центра власти. Особенно показателен эволюционирующий подход США, которые постепенно пере-

ходят от безусловной поддержки ПНЕ к более гибкой позиции, признающей существование двух властных структур²¹. Этот сдвиг отражает изменение баланса сил на земле, где восточная администрация демонстрирует все большую способность контролировать ситуацию.

Особую роль в этом противостоянии играет контроль над нефтяными ресурсами [Поняев 2020, с. 69]. Триполи сохраняет формальные рычаги управления через Центральный банк и Национальную нефтяную корпорацию, тогда как восточные власти обладают физическим контролем над месторождениями. Это создает сложную систему взаимозависимости, где ни одна из сторон не может полностью монополизировать доходы от нефти.

Сложившаяся в Ливии ситуация представляет собой классический институциональный тупик: формальная легитимность западного правительства противостоит фактической эффективности восточной администрации. Перспективы преодоления этого тупика остаются неясными, поскольку многократно переносимые выборы не позволяют легитимно определить единый центр власти для всей страны.

Институциональная трансформация Бенгази

На фоне ливийского конфликта на востоке формировалась параллельная система управления. Контроль над нефтяной инфраструктурой лег в основу создания альтернативных финансовых институтов, органов экономического регулирования и силовых структур. Восточная Ливия, используя нефтяные ресурсы и адаптируясь к санкциям, целенаправленно формировала альтернативную государственность, демонстрируя уникальную институциональную устойчивость в условиях конфликта.

Создание параллельных государственных институтов

С 2016 г. в Бенгази началось выстраивание дублирующих структур, призванных обеспечить экономическую независимость от Триполи: финансовой системы и нефтяной инфраструктуры.

Эти меры позволили восточной администрации преодолеть экономическую блокаду и создать устойчивую систему финансирования, независимую от официальных институтов в Триполи.

---

²¹ Libya: Transition and U.S. Policy // CRS Report. 2025.

Становление восточного Центробанка как ответ на экономическую блокаду

После финансовой изоляции 2014 г., когда триполийский Центробанк (под контролем ООН и МВФ) прекратил финансирование восточных регионов, местные власти были вынуждены создать альтернативную финансовую систему. Переломным моментом стало установление контроля ЛНА над «Нефтяным полумесяцем» – ключевым нефтеносным регионом, обеспечивающим порядка 60% экспорта страны.

В 2016 г. был учрежден восточный Центробанк, разработавший уникальные механизмы обхода санкций. Он начал работать через альтернативные каналы, в т. ч. банки дружественных стран (например, ОАЭ, Египта), осуществлять нефтяные сделки посредством теневых трейдеров и систему *хавала*²². Создание своего ЦБ позволило восточному правительству начать печатать деньги (восточнолибийский динар) и поддерживать локальную экономику. Эти меры обеспечили финансирование силовых структур и госучреждений, социальные выплаты населению, позволив восточной администрации создать независимую экономическую базу. Данная финансовая система, несмотря на отсутствие международного признания, продемонстрировала удивительную жизнеспособность, превратившись в ключевой элемент альтернативной государственности восточной Ливии.

Нефтяная корпорация востока

Вместе с тем параллельный ЦБ мог лишь формально претендовать на нефтяные доходы, поскольку реальные деньги шли через Национальную нефтяную корпорацию в Триполи, которая контролировала экспорт (основные нефтяные доходы далее аккумулировались в ЦБЛ в Триполи). Поэтому в 2016 г. восточное правительство также учредило свою нефтяную корпорацию – НК Бенгази (по аналогии с признанной НК Триполи). Конкурирующая контора, подчиняющаяся восточным властям, была призвана оспаривать право управления нефтяными объектами и распределения доходов от экспорта углеводородов. ЛНА уже контролиро-

---

²² Хавала (араб. «вексель», «расписка») – неформальная система денежных переводов, распространенная в странах Ближнего Востока, Южной Азии и Африки. Она работает вне традиционной банковской системы. В силу того, что все финансовые транзакции осуществляются методом взаимозачета (клиринга) или при личных встречах, эти потоки не могут быть отслежены.

вала ключевые месторождения и порты, но нуждалась в легитимном инструменте для продажи нефти. Попытки легализации этой структуры (объявить ННК Бенгази единственной законной корпорацией (2018 г.) или переподчинить ННК Триполи восточному правительству (2020 г.)), однако, не увенчались успехом по причине мощного противодействия со стороны международного сообщества, в т. ч. США, ЕС, ООН и МВФ. В результате параллельная ННК продолжила функционировать как теневой орган, а власти на востоке Ливии были вынуждены задуматься над альтернативными механизмами управления нефтяными ресурсами. Ключевую роль в этом сыграл контроль над основными терминалами на востоке страны, что позволяло перенаправлять танкеры в дружественные страны, продавая нефть через свои каналы, а также получать платежи в обход Триполи (например, через офшоры или арабские банки)²³. Несмотря на санкции, восточному правительству удавалось заключать контракты с иностранными компаниями (например, из Египта и ОАЭ) в обход ННК в Триполи, направляя средства от экспорта сырья в свой восточный банк, а также проводить бартерные сделки²⁴. Таким образом, несмотря на то, что основной экспорт нефти продолжал идти через официальную ННК в Триполи, часть средств оставалась в восточном регионе через альтернативные схемы, в дополнение к доходам от судоходной деятельности и таможенных операций. Согласно отчету экспертов ООН по Ливии, старая гавань Бенгази, закрытая для сторонних наблюдателей, играет ключевую роль в деятельности параллельной ННК. Через этот порт за последнее десятилетие были расширены схемы санкционного экспорта топлива в страны Африки к югу от Ливии²⁵.

Помимо использования различных механизмов управления нефтяными ресурсами в обход санкций, восточная администрация применяла также и эффективные рычаги давления на своих оппонентов в виде периодических блокад нефтяных терминалов. Останавливая добычу на контролируемых месторождениях с суточной производительностью до 450 тыс. барр.²⁶, восточные власти вынуждали триполийское правительство идти на переговоры о более справедливом, по их мнению, распределении доходов.

---

²³ 20 June – 26 June: Haftar hands over liberated oil facilities to eastern NOC // Libya Security Monitor. 2018. Jun 26, URL: <https://libyasecuritymonitor.com/20-june-26-june-haftar-hands-over-liberated-oil-facilities-to-eastern-noc/> (дата обращения 30 июля 2025).

²⁴ Final Report of the UN Panel of Experts on Libya dated 13.12.2024. Ссылка на PDF file: S/2024/914 Security Council - UN Digital Library.

²⁵ Ibid. P. 249-264.

²⁶ Ibid.

В 2023 г. появился новый «компромиссный» инструмент — частная нефтяная компания Arkenu Oil Company²⁷, которая заключила ряд соглашений с триполийской НКК и к началу 2025 г. обеспечила экспорт 7,6 млн барр. нефти на сумму около 600 млн долларов²⁸. Эта схема создала прецедент легального перераспределения нефтяных доходов в пользу восточной администрации²⁹.

В целом, благодаря деятельности параллельной НКК, использовавшей преимущественно теневые механизмы, восточные регионы аккумулировали 15–22% общенациональных нефтяных доходов (3–5 млрд долл. США)³⁰. Эти средства обеспечивали функционирование конкурирующих государственных институтов в Бенгази и поддерживали экономическую самостоятельность восточных регионов.

Объединение западных и восточных институтов: формальный прогресс и реальные противоречия

После соглашения о прекращении огня (2020) начался сложный процесс интеграции параллельных государственных структур. Официальное объединение в сентябре 2024 г. двух Центробанков включало технические меры: унификацию платежных систем, создание совместного валютного комитета и согласованные назначения в руководящие органы. Однако эти изменения не устранили глубинных разногласий. Более того — восточная администрация добилась для себя значительных преференций: особые условия распределения нефтяных доходов, право вето на ключевые кадро-

²⁷ См., например, Arkenu Oil central to Abdelhamid Dabaiba and Khalifa Haftar pact // AfricaIntelligence. 19.03.2025 г. URL: <https://www.africaintelligence.com/north-africa/2025/03/19/arkenu-oil-central-to-abdelhamid-dabaiba-and-khalifa-haftar-pact,110389390-eve> (дата обращения 9 мая 2025); Arkenu Oil: PM Dabaiba snarled in oil deal scandal // Africa Intelligence. 08.05.2025 г. URL: <https://www.africaintelligence.com/north-africa/2025/05/08/arkenu-oil-pm-dabaiba-snarled-in-oil-deal-scandal,110445642-eve> (дата обращения 9 мая 2025).

²⁸ Libya's first private oil firm grows in eastern commander's shadows // Reuters, 17/02/2025. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/libyas-first-private-oil-firm-grows-eastern-commanders-shadows-2025-02-17/#:~:text=Haftar's%20forces%2C%20which%20control%20most,to%20two%20of%20the%20sources> (дата обращения 30 июля 2025).

²⁹ Ibid. P. 39.

³⁰ Данные отчета МВФ по Ливии за 2024 г. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2024/07/11/Libya-2024-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-551681> (дата обращения 12 мая 2025).

вые назначения и фактический контроль над бюджетными выплатами в своем регионе. Не была решена и ключевая проблема раздельных бюджетов, усугубляющая общий дефицит³¹.

Ситуация с Национальной нефтяной корпорацией оказалась еще сложнее. Несмотря на формальное создание временного совместного руководства, реальное управление восточными месторождениями осталось у военных структур, лояльных Хафтару. Старая гавань Бенгази также продолжает функционировать как центр альтернативного нефтяного экспорта.

Как мы можем наблюдать, параллельные институты восточной Ливии продемонстрировали функциональность, создав устойчивую финансовую базу для содержания административного аппарата, силовых структур и обеспечения лояльности племенных групп.

Между тем сложившийся в стране гибридный статус-кво закрепляет взаимозависимость сторон: при формальном признании Триполи международным сообществом Бенгази сохраняет реальные экономические рычаги, что обуславливает необходимость частичных компромиссов с обеих сторон.

Институциональный статус Ливийской национальной армии: между формальностью и реальностью

Создание собственных силовых структур стало важным компонентом институционального преобразования восточной Ливии. В обстановке распада государственных институтов после 2011 г. ЛНА превратилась в «несущую конструкцию» власти на востоке страны. Формально признанная Парламентом в Тобруке как регулярные вооруженные силы, ЛНА фактически выполняет более широкий спектр функций, выходящих за рамки традиционных армейских задач.

При этом становление ЛНА как многофункционального института прошло несколько этапов – от силовой консолидации (2014–2017) к административной экспансии (2015–2022) и экономической интеграции (2016–2023).

Особенностью ЛНА стала ее способность сочетать военные функции с гражданским управлением. В городах под ее контролем действуют муниципальные советы и судебные органы, при этом ар-

---

³¹ UNSMIL calls for work to start on a unified Libyan budget – without delay // LibyaHerald., 05.02.2025. URL: <https://libyaherald.com/2025/02/unsmil-calls-for-work-to-start-on-a-unified-libyan-budget-without-delay/> (дата обращения 30 июля 2025).

мия обеспечивает их безопасность и функционирование. На международной арене представители ЛНА фактически выполняют дипломатические функции, участвуя в переговорах и заключая соглашения от имени восточной Ливии.

Уникальный симбиоз военной и гражданской власти обеспечил устойчивое управление в условиях кризиса, превратив ЛНА в институциональное ядро политической системы региона и определив современную расстановку сил в государстве.

Потенциальные риски для региона

Бенгази за последние 15 лет пережил глубокую трансформацию: от центра протестного движения 2011 г., переросшего в события Арабской весны, до ключевого игрока в новой системе «двух Ливий». Укрепление институтов власти в Бенгази, несмотря на отсутствие полного международного признания, формирует новую реальность, затрагивающую интересы Европы в сфере энергоресурсов, миграционных потоков и баланса сил в Средиземноморье.

Контроль над энергоресурсами: угроза дестабилизации поставок

Контроль над основными нефтяными месторождениями Ливии сосредоточен на востоке страны, тогда как экспортная инфраструктура и финансовые потоки управляются через Триполи. Это вынуждает стороны к компромиссу, однако усиление Бенгази повышает риски односторонних действий – таких как несанкционированные поставки или блокировка добычи. Подобные шаги способны вызвать скачки цен на нефть и напрямую угрожать энергетической безопасности ЕС и других энергозависимых экономик Евразии.

Миграционные потоки: рост нелегальной транзитной активности

Бенгази сохраняет роль ключевого узла нерегулируемой миграции из Африки в Европу. В отличие от Триполи, сотрудничающего с ЕС в сфере ограничения миграционных потоков, власти восточной Ливии не связаны соответствующими договоренностями. Это создает условия для активности нелегальных сетей, а также позволяет использовать миграционные потоки в качестве инструмента политического давления. В частности, ослабление пограничного контроля может применяться как ответная мера на международные санкции или поддержку конкурирующей администрации.

Баланс сил в Средиземноморье: усиление России и ослабление НАТО

Устойчивость восточноливийского режима меняет и геополитическую динамику в регионе. Это, в частности, заметно на росте российского военного присутствия: поддержка ЛНА со стороны РФ позволяет Москве закрепиться в стратегически важном порту Тобрук и на авиабазе аль-Джуфра, угрожая южному флангу НАТО.

Кроме того, Ливия остается ключевым игроком в конкуренции за морские ресурсы, в частности, спорах о морских границах и газовых месторождениях Восточного Средиземноморья. Выход Бенгази из-под влияния Запада может усилить позиции России и Турции в регионе в ущерб интересам ЕС и таких стран-членов, как Греция и Кипр.

Заключение

Создание в восточной Ливии автономных институтов власти было обусловлено стремлением снизить зависимость региона от Триполи, чье правительство воспринималось как проводник внешних интересов. Данный процесс детерминирован двумя ключевыми факторами: прагматической необходимостью обеспечения экономического выживания восточных территорий и идеологическим противоречием, вызванным дефицитом доверия к сформированной при поддержке Запада центральной власти.

При этом автономизация постепенно приобрела черты устойчивой альтернативной системы управления. Важный тезис заключается в том, что институциональная трансформация Бенгази произошла под влиянием внешних акторов, которые, усилив политико-санкционное давление на одну из сторон внутреннего конфликта и поддерживая формально легитимное правительство в Триполи, фактически вынудили локальные элиты на востоке создать параллельные органы управления.

Это, с одной стороны, привело к расколу Ливии на два политико-экономических образования, с другой – именно институциональное укрепление восточноливийского центра власти в Бенгази позволило региону не скатиться в экономическую и политическую маргинализацию и, несмотря на отсутствие полного международного признания, во многом обеспечило ему место полноценного участника политико-экономических процессов как на внутривийском, так и на международном уровне.

Вместе с тем такое положение дел превращает вопрос объединения государства в длительный и противоречивый процесс, где каждая из сторон стремится сохранить максимально возможный контроль над ресурсами и властными рычагами.

Подобное развитие событий создает серьезную угрозу долгосрочной фрагментации страны, так как экономические и политические интересы востока и запада все больше расходятся. По нашей оценке, при любом развитии ситуации решающее значение будет иметь способность все тех же международных акторов к выработке инклюзивного переговорного формата, учитывающего интересы всех ливийских сторон и их внешних партнеров. В противном случае эскалация конфликта в Ливии, равно как и дальнейшая дезинтеграция государственности, может иметь далеко идущие негативные последствия для региональной и международной безопасности.

Литература

- Зинин 2016 – *Зинин Ю.Н.* Основные участники внутривосточного конфликта в Ливии // *Международная аналитика*. 2016. Т. 1. № 15. С. 86–97.
- Наджаров 2023 – *Наджаров А.М.* Значение региона Феццан в политике Франции в Ливии и Сахеле // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14. № 2. С. 166–182.
- Махмутова 2022 – *Махмутова М.И.* Политические позиции ливийских племен в ходе гражданской войны (2019–2020 гг.) // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6. № 2. С. 361–406.
- Поняев 2020 – *Поняев И.М.* Конфликт двоевластия в Ливии как процесс социально-политической трансформации // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020. Т. 14. № 1. С. 67–74.

References

- Makhmutova, M.I. (2022), “Political stance of Libyan tribes during the Civil War (2019–2020)”, *Historia provinciae – Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2, pp. 361–406.
- Nadzharov, A.M. (2023), “Significance of the Fezzan region in French policy in Libya and the Sahel”, *Journal of International Analytics*, vol. 14, no. 2, pp. 166–182.
- Ponyayev, I.M. (2020), “Dual power conflict in Libya as a socio-political transformation process”, *Bulletin of Perm University. Political science*, vol. 14, no. 1, pp. 67–74.
- Zinin, Yu.N. (2016), “The main actors of interior political conflict in Libya”, *Journal of International Analytics*, vol. 1, no. 15, pp. 86–97.

Информация об авторе

Евгения Н. Фурсова, кандидат исторических наук, Научно-аналитический портал «Восточная трибуна», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, Гусятников пер., д. 4, стр. 3, оф. 1; masr@mail.ru

Information about the author

Evgenia N. Fursova, Cand. of Sci. (History), Scientific and Analytical Portal “The Oriental Tribune”, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 4, Gussyatnikov Alleyway, Moscow, Russia, 101000; masr@mail.ru

Общество, политика, история и религия: развитие и взаимодействие

УДК 392.8(517.3)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-114-129

За столом у Великого хана: блюда из лапши в системе питания монгольской династии Юань (по материалам «Иньшань чжэньяо»)

Мария С. Круглова

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия, mashakruglova999@gmail.com*

Алиса С. Солдатова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, alisa.soldatova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу блюд из лапши в системе питания монгольского двора периода династии Юань (1271–1368 гг.) на основе трактата Ху Сыхуэя «Иньшань чжэньяо» («Все, что надо знать о еде и питье»). Исследование выявляет гибридный характер придворной кухни, сочетающей китайские, монгольские и центральноазиатские традиции. Автор подробно рассматривает рецепты из двух разделов трактата: «Цзючжэньичжуань» (повседневный рацион) и «Шиляочжубин» (диетологические предписания). В первом разделе блюда из лапши демонстрируют синтез китайских ингредиентов (мука, специи) и монгольских кулинарных практик (доминирование баранины, формат супов), а также тюркские заимствования в номенклатуре. Во втором разделе лапша представлена скудно, что подчеркивает ее восприятие прежде всего как пищи, а не лекарства, хотя и здесь заметна адаптация рецептов к монгольским вкусам. Делается вывод о значительной роли лапши как кулинарного конструкта, отражающего культурный синкретизм и имперские амбиции монгольской элиты.

Ключевые слова: Лапша, династия Юань, придворная кухня, китайская кухня, система питания, культурный синкретизм

Для цитирования: Круглова М.С., Солдатова А.С. За столом у Великого хана: блюда из лапши в системе питания монгольской династии Юань (по материалам «Иньшань чжэньяо») // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 114–129. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-114-129

© Круглова М.С., Солдатова А.С., 2025

At the table of the Great Khan.
Noodle dishes in the dietary system
of the Mongol Yuan Dynasty
(Based on the “Yinshan Zhengyao”)

Maria S. Kruglova

*State Academic University of the Humanities
Moscow, Russia, mashakruglova999@gmail.com*

Alisa S. Soldatova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, alisa.soldatova@gmail.com*

Abstract. The article analyzes noodle dishes in the dietary system of the Mongol court during the Yuan Dynasty (1271–1368) based on Hu Sihui’s treatise “Yinshan Zhengyao” (“All You Need to Know About Food and Drink”). The study reveals the hybrid nature of the court cuisine, which combines Chinese, Mongol, and Central Asian traditions. The author considers in detail recipes from two sections of the treatise: “Jiu Zhen Yi Zhuan” (daily diet) and “Shi Liao Zhu Bing” (dietary prescriptions). In the first section, noodle dishes demonstrate a synthesis of Chinese ingredients (flour, spices) and Mongol culinary practices (dominance of lamb, soup format), as well as Turkic borrowings in nomenclature. In the second section, noodles are scarcely represented, underscoring their perception primarily as food rather than medicine, although adaptation of recipes to Mongol tastes is still evident. A conclusion is drawn about the significant role of noodles as a culinary construct reflecting cultural syncretism and the imperial ambitions of the Mongol elite.

Keywords: noodle dishes, Yuan Dynasty, court cuisine, Chinese cuisine, dietary system, cultural syncretism

For citation: Kruglova M.S., Soldatova A. S. (2025), “At the table of the Great Khan. Noodle dishes in the dietary system of the Mongol Yuan Dynasty (Based on the ‘Yinshan Zhengyao’)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 6, pp. 114-129, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-114-129

Введение

Период монгольского правления в Китае (династия Юань, 1271–1368 гг.) характеризовался интенсивным культурным взаимодействием, в рамках которого придворная кухня стала уникальным полем для взаимодействия кулинарных традиций покоренных народов и имперских амбиций монгольской элиты. Ключевым источником для изучения гастрономических практик этого времени является трактат «Иньшань чжэньяо» (饮膳正要, «Все, что надо знать о еде и питье»), составленный придворным диетологом

Ху Сыхуэем в XIV в. по императорскому заказу [Ху 2017], который является уникальным свидетельством гастрономического и медицинского синтеза, характеризующего эпоху монгольского правления в Китае. Данный памятник не только фиксирует богатый ассортимент блюд императорского стола, но и содержит информацию о диетологических практиках придворных врачей, основанные на принципах китайской медицины. Это обуславливает проблему исследования, которая заключается в необходимости дифференцированного анализа продуктов питания, в частности блюд из лапши, в рамках этих двух дискурсов – статусного-имперского и медико-диетического. Таким образом, анализ блюд из лапши в системе питания монгольского двора периода Юань, проводимый на основе трактата Ху Сыхуэя «Иньшань чжэньяо» («Важные принципы питания и питья»), помещается в междисциплинарное поле исследований, находящееся на стыке истории кулинарии, диетологии и культурологии.

Культура питания в Китае периода Юань изучалась в работах Фредерика У. Моте [Mote 1977] и Юджина Н. Андерсона [Anderson 1990]. Придворная кухня этой эпохи также является самостоятельным объектом исследований, как, например, в работе Андерсона и Паула Бьюэлла, посвященной трактату «Иньшань чжэньяо» [Buell, Anderson 2010], и в труде Франсуазы Саббан [Sabban 1985]. Ключевой аспект этих исследований – анализ кулинарного синкретизма юаньской придворной кухни, который рассматривается как инструмент политической и культурной интеграции, отражающий многоукладность государства [Buell, Anderson 2010, pp. 146, 154]. При этом придворная кухня была неотделима от китайской диетологии, и монголы перенимали эти традиции, не внося в них значительных изменений [Anderson 1994, p. 32].

«Иньшань чжэньяо» является ключевым источником о придворной кухне Юань. Однако в научной литературе пока отсутствуют работы, посвященные конкретным продуктам и блюдам из этого трактата. Поэтому важно исследовать место в нем блюд из лапши, которые к периоду Юань уже укрепились в китайской культуре и диетологии [У 2004, с. 194], а также имели аналоги в тюркской кухне.

Для понимания роли лапши в питании двора важно рассмотреть как ее связь с концепцией многонациональной кухни, так и ее место в диетологии. Это можно сделать, обратившись к разделам «Иньшань чжэньяо», содержащим рецепты дворцовых кухонь. Всего в данном памятнике упомянуто более ста пятидесяти блюд. Их рецепты сконцентрированы в двух секциях, расположенных в первом и втором цзюанях: в одной секции первого цзюаня, обозна-

ченной как «Цзючжэньичжуань» (聚珍异馔, то есть «Собрание драгоценных и редких кушаний»), и в одной секции второго цзюаня, названной «Шиляочжубин» (食疗诸病, а именно «Блюда для лечения всех болезней»). Как возможно заметить по названиям данных секций, первая из них посвящена обычным рецептам, в то время как вторая – лечебной пище; ранее уже упоминалось, что, по мнению исследователей, блюда из первой должны иметь признаки более широких заимствований, чем блюда из второй [Anderson 1994, p. 26].

Таким образом, представляется верным рассмотреть, какие позиции занимают блюда из лапши в каждой из выделенных секций, отдельно. В данной статье сначала будут рассмотрены блюда из секции «Цзючжэньичжуань», которые предлагается воспринимать как результат сознательного смешивания концепций питания и конкретных рецептов блюд из различных регионов; затем будут рассмотрены блюда из «Шиляочжубин», которые сами по себе являются более «китайскими». В каждой части исследования мы обратимся к таким аспектам отображения блюд из лапши в источнике, как частота их упоминания, их названия, а также их ингредиенты и форма конечного блюда.

Блюда из лапши в «Цзючжэньичжуань»

Блюда из лапши достаточно специфично представлены в данной секции. В первую очередь стоит сказать, что их не очень много: из 95 рецептов всего в 15 из них лапша является основой блюда [Ху 2017]. То есть блюда из лапши в период Юань составляли около одной пятой всего их рациона; также присутствовали и блюда, где лапша использовалась в качестве вспомогательного ингредиента, однако из-за ее низкой роли в создании вкуса и общего облика данных блюд в данном случае они не рассматриваются. Данное количество блюд на основе лапши превышает стандартную их долю в китайских памятниках периода: так, самая высокая доля блюд из лапши составляет одну десятую и присутствует в другой энциклопедии периода Юань «Шилянь гуанцзи»¹ [Чэнь 2011].

Если обращаться к рассмотрению названий блюд, то стоит отметить большое количество слов и терминов, которые нехарактерны для блюд, рецепты которых приводятся в китайских памятниках

---

¹ 事林广记 («Разнообразные заметки»); первая половина XIV в., автор – Чэнь Юаньцзин (陈元靓, годы жизни неизвестны).

периода. Так, китайским источникам свойственно составление названия для блюда из лапши из двух частей: первая часть обозначает какую-либо характеристику блюда (это может быть важный ингредиент, внешний вид, даже ассоциируемое абстрактное выражение), а вторая относится к виду лапши. В период Юань данная схема была крайне распространена. Так, в сохранившейся домашней энциклопедии периода «Цзюйцзя биюн шилэй цюаньцзи» (居家必用事类全集, «Полное собрание знаний о необходимых в быту вещах», XIV в., автор неизвестен), все названия кроме одного являются двухчастными, причем первая часть содержит в себе отсылку на какой-либо ингредиент блюда, а вторая чаще всего представлена наименованием «мянь» (面, «лапша»), хотя другие наименования также встречаются (см. примеры блюд в [Цзюйцзя 1986, с. 113–118]).

Названия блюд в «Иньшань...» преимущественно следуют той же двухчастной структуре, но их отдельные элементы не совпадают с распространенными в китайской литературе. Так, в данных 15 блюдах «мянь» все еще является наиболее частым видом лапши, но всего три раза оно используется само по себе; еще два раза к нему прикрепляются заимствованные названия, а именно «чуньпань» (春盘)², вероятно, являющийся транскрипцией тюркского «чоп-пун», супа с лапшой, и «цзюэ» (擸), которое совместно с «мянь» отсылает к названию «цзюзма» [Buell, Anderson 2010, p. 110]. Следующим по частоте использования (упоминается 3 раза) является тюркское название «чоп», записанное на китайском как «чоуфэнь» (擗粉, «крахмальная лапша чоу»), затем (2 раза) – китайское наименование «цицзы» (棋子, «шахматные фигурки», то есть клёчки). Один раз упоминается китайское слово «фэнь» (粉, «крахмальная лапша»).

В четырех случаях первая часть в названии полностью опускается; в трех из них название вероятно является заимствованным. В качестве единственного китайского названия присутствует выражение «хунсы» (红丝, «красные нити»), которое также представлено и в китайских источниках периода (например: [Цзюйцзя 1986, с. 115]). Есть два заимствования из тюркских языков: «тутумаш» (秃秃麻食, является транскрипцией тюркского слова для лапши [Perry 2010, p. 579]), а также «маци» (马乞, вероятно, тюркский

² Важно отметить, что название «чуньпань» относится к определенному китайскому блюду, которое употреблялось уже в период Сун. Тем не менее то блюдо являлось традиционной пищей для сезона «личунь» (立春) и состояло из овощей [Чжан 2011, с. 105], что не соответствует приведенному в тексте рецепту.

«умач» [Buell, Anderson 2010, p. 113]). Отдельно стоит вынести название «шуйхуа» (水滑), которое, возможно, коррелирует с тюркским «салма» [Buell, Anderson 2010, p. 92]).

Таким образом, китайские выражения присутствуют в семи блюдах, то есть примерно в половине от всех. Это свидетельствует как о достаточно заметном влиянии китайской традиции на дворцовую кухню, так и об инкорпорации в нее определенного количества блюд, состав которых не просто включает определенные иностранные ингредиенты, но является основанным на каком-либо иностранном рецепте.

Рассматривая сами рецепты блюд на основе лапши, стоит отметить, что все они являются достаточно крупными. Во всех из них, кроме одного, содержатся и инструкции по приготовлению собственно лапши, а именно по созданию теста из конкретных ингредиентов, и инструкции по приготовлению остального блюда, то есть бульона или соуса, мяса, овощей и т. п. Обратимся сначала к специфике приготовления лапши самой по себе.

Среди четырнадцати рецептов, в которых упоминаются ингредиенты для теста, менее чем в половине, а именно в шести рецептах, основой является пшеничная мука (для китайских книг того времени, например, для «Цзюйцзя», это число составляет три четверти [Цзюйцзя 1986]). Причем в одном рецепте она смешивается с бараньей кровью. Во всех остальных случаях преимущественно используются смеси пшеничной муки с разнообразными типами крахмала: чаще всего используется мука эвриалы, но также упоминается бобовый крахмал, ячменная мука, мука из клейкого риса. В одном случае лапша готовится с использованием не только муки и крахмала, но также ямса, имбиря и яичных желтков.

Возможно отметить, что большую часть данных ингредиентов возможно назвать характерно китайскими. Так, эвриала – родное для Китая растение [Chen 2022, p. 61], которое употребляется на юге страны со времен неолита [Jaffe 2023, p. 26]. Ячмень также выращивался в Китае с древности, хотя возможно отметить, что он одновременно был и важным зерновым продуктом Центральной Азии [Anderson 2014, pp. 150, 169], в то время как в китайских источниках он употребляется крайне редко. Мука из клейкого риса также использовалась в китайской кухне еще в пятом веке [Knechtges 1986, p. 55]. Использование же яиц представляет определенный интерес, не только потому, что они были сравнительно дорогостоящим продуктом [Simoons 1991, p. 362], но также и потому, что ни один из рецептов того времени и предшествующего периода не использует их в тесте, пусть в со-

временной китайской кухне яичная лапша и существует³. Единственным явно монгольским элементом, используемым в тесте для создания теста для лапши, является баранья кровь, однако в данном случае стоит отметить, что она употребляется для создания блюда, похожего на китайское: она создает красный цвет в лапше «хунсы», что коррелирует с рецептом подобного блюда в энциклопедии «Цзюйцзя...», где красный цвет достигается за счет добавления креветок.

В каждом из пятнадцати проанализированных блюд присутствуют какие-либо дополнительные ингредиенты, аккомпанирующие лапшу. Из них в четырнадцати используется мясо, в двенадцати – овощи, грибы или бобовые, три раза из которых к ним добавляются яйца; все рецепты без исключения содержат специи. Рассмотрим все упомянутые категории ингредиентов отдельно.

Стоит в первую очередь отметить, что мясо в тот период было достаточно дорогостоящим продуктом, и далеко не все жители страны могли его себе позволить [Simoons 1991, pp. 293, 295], что дает основание воспринимать подобный процент блюд с его использованием как сознательное подчеркивание статуса монгольского двора. Используемое мясо достаточно однообразно: в каждом из «мясных» рецептов используется баранина, но иногда она дополняется другими ингредиентами. Используются бараньи органы: легкие, кишки, грудная клетка, а также соус из бараньей печени. По одному разу упоминаются курица, а также «трехцветные котлеты» (三色弹儿, «саньсэ даньэр»), которые состоят из неопределенного мяса и курицы. Подобное использование баранины, в том числе вареной и с потрохами, безусловно является выражением монгольского влияния на кухню [Anderson 2014, p. 232]; китайцы баранину употребляли редко, а варили – еще реже, даже с учетом повышения ее доступности в тот период [Mote 1977, p. 208]. О том же говорит практически полное отсутствие других видов мяса, например, свинины, и рыбы, которые, наоборот, чаще всего использовались в китайских блюдах.

Помимо этого, в рецептах часто используется бараний бульон – он встречается в девяти рецепта. В данном случае важно, что его приготовление является важной частью приготовления всего блюда, поскольку в китайских рецептах он подготавливается заранее и добавляется на последней стадии приготовления, напрямую перед сервировкой (см., например, два рецепта в трактате «Юньлинь тан

---

³ Xu R. Cultural Significance of Chinese Noodles // scholarblogs.emory.edu. 10.08.2019. URL: <https://scholarblogs.emory.edu/noodlenarratives/2019/08/10/cultural-significance-of-chinese-noodles/> (дата обращения 17 сентября 2025).

чжиду цзи»⁴, который описывает кухню китайских интеллектуалов периода [Ни 1984, с. 1, 7]). Подобный способ готовки был свойственен именно монголам, в кухне которых крайне часто пища употреблялась в форме супов [Buell 2007, р. 23].

Другие из используемых ингредиентов не очень разнообразны: чаще всего (шесть раз) упоминается лук, затем четыре раза – нут, затем грибы и яйца, а также маринованная дыня; по одному разу используются редька, ямс, душистый лук и морковь. Из них некитайским ингредиентом является только нут, который, вероятнее всего, был привнесен в дворцовую кухню под влиянием ближневосточных традиций [Buell, Anderson 2010, р. 122]; все остальные продукты часто использовались в блюдах китайской кухни периода.

В то же время в рецептах используется сравнительно большое количество разных специй. Так, чаще всего – более десяти раз упоминаются уксус и соль, наиболее базовые китайские специи. Все остальные используются несколько реже: 7 раз упоминается черный перец, 6 раз – соус или бульон «чжи», по четыре раза используются кардамон «цаоко» и имбирь, по два – галангал, маринованный имбирь и специя «сянцай» (香菜, буквально «ароматный овощ», переводы данного слова могут различаться). В единичных случаях используются такие специи, как чеснок, кинза, сафлор красильный, ростки гороца и винный камень.

Большая часть из специй относится к китайским, причем использовавшимся в период Юань в китайских блюдах из лапши: имбирь, в том числе маринованный [Simoons 1991, pp. 370–371], «сянцай», который в данном случае, вероятно, обозначающий базилик⁵ (часто используется в китайской кухне с VI в. [Li 1969, р. 258]), чеснок [Rivlin 2001, р. 952], кинза [Diederichsen 1996, р. 20], гороц, который использовался в качестве острой специи с древности [Anderson 2009, р. 532], так же, как и галангал [Huang 1990, р. 145]. Винный камень также был достаточно характерным ингредиентом [Buell, Anderson 2010, р. 288].

Тем не менее среди специй встречаются также и продукты, практически не встречающиеся в китайской кухне периода Юань. Так, кардамон «цаоко» в данном случае занимает несколько пере-

---

⁴ 云林堂饮食制度集, «Собрание правил еды и питья из зала Юньлинь». Написан китайским художником Ни Цзаном (倪瓚, 1301–1374).

⁵ В данном случае имеется в виду рецепт лапши «хунсы», который проявляет признаки влияния китайской кухни. «Сянцай» также упоминается один раз в рецепте «гутумаша», и П. Бьюэлл и Е.Н. Андерсон предполагают, что в данном случае он обозначает скорее мяту, чем базилик, ввиду того, что мята традиционно используется в соответствующем ближневосточном рецепте. В данном случае такой перевод представляется логичным.

ходную позицию: он использовался в китайской медицине еще в период Сун [He et al. 2023, p. 2], но, как и обычный кардамон «ша-жэнь», мало употреблялся в традиционной китайской кухне; сейчас он характерен скорее кухням народностей, проживающих на юго-западе страны (провинции Юньнань, Сычуань) [Ravindran 2017, p. 1004]. На подобной позиции стоит и сафлор, поскольку, хотя он и использовался в Китае в качестве красителя и источника масла, его мало употребляли в пищу [Simoons 1991, p. 287].

Интерес представляет такой продукт, как черный перец, который используется в рецептах вместо привычного китайской кухне сычуаньского [Sabban 1985, p. 168]. Он является импортным продуктом, и, хотя его доступность возросла в период Сун [Prange 2011, p. 224], предпочтение данной специи все равно вполне может отражать стремление дворцовой кухни к достижению определенной транснациональности.

То есть блюда из лапши, подававшиеся в качестве обычной пищи при монгольском дворе, обладали определенной спецификой. Они употреблялись сравнительно часто; их наименования большую часть времени использовали принятую в китайском языке схему со вкраплениями заимствований. Их ингредиенты сочетали в себе китайские и иностранные черты: большая часть ингредиентов для теста, а также специи, являлись характерно китайскими, в то время как мясо соответствовало монгольской традиции. Форма большинства блюд также была монгольской, а именно – супом.

Блюда из лапши в «Шиляочжубин»

Данная секция посвящена разнообразным лекарственным рецептам; всего в ней перечислено 61 блюдо. Из них только два являются блюдами на основе лапши, что ставит их на крайне низкие позиции по сравнению с другими типами блюд. Оба рецепта включают в себя исключительно описание приготовления самой лапши как продукта и не включают указания на какие-либо дополнительные ингредиенты (бульон, мясо и т. п.). Данная практика была сравнительно распространена в китайских источниках того времени, хотя и не превалировала (например, четыре из шестнадцати блюд на основе лапши с «Цзюйцзя...» описаны именно так [Цзюйцзя 1986, с. 115]). Таким же образом обычно воспринимали лапшу интеллектуалы периода Сун, которые большое внимание уделяли именно лекарственным свойствам употребляемой ими пищи; в данном случае возможно привести в пример ра-

боту «Шаньцзя цингун»⁶ Линь Хуна, в которой из шести упомянутых блюд пять содержат исключительно инструкции по приготовлению самой лапши (см., например, [Линь 2013, с. 32, 34, 40]). Таким образом, в данном решении Ху Сыхуэя возможно увидеть желание перенять традиционную для диетологии практику. Тем не менее оба данных блюда обладают характеристиками, которые отличают их от блюд, описываемых в китайских памятниках периода.

Так, названия этих блюд не следуют общим тенденциям, поскольку к ним обоим добавляется третья часть. После упоминания ингредиентов для лапши и вида лапши, как принято было в тот период, в обоих названиях стоит иероглиф «гэн» (羹), который может обозначать в китайском языке суп или рагу. Вероятнее всего, это указывает на то, что готовую лапшу предполагается использовать в составе супа. Тем не менее важно отметить, что все слова в данных названиях не являются заимствованными: так, одно блюдо называется «цзяомяньгэн» (椒面羹, «перечная пшеничная лапша в супе»), а второе – «гэфэньгэн» (葛粉羹, «суп с лапшой из корней пуэрарии»). Сам факт использования лапши в супах типа «гэн» также является проявлением монгольского влияния на кухню, так как несмотря на то, что «гэн» исторически был традиционной китайской пищей, лапша в его рецептах в китайских книгах периода не упоминается.

Однако помимо этого, при рассмотрении данных рецептов возможно отметить, что они в общем похожи на современные им китайские. В первом случае тесто готовится на основе пшеничной муки; к ней добавляется сычуаньский (в данном случае обозначенный как «цветочный») перец, соль, а также ферментированные бобы. Из этих ингредиентов ранее не упоминались только ферментированные бобы (豆豉, «доучи»), однако известно, что они в то время являлись важным продуктом китайской кухни [Huang 2000, p. 341]. Второе блюдо схоже по составу: в нем также присутствуют ферментированные бобы, а основой теста является крахмал из корней пуэрарии, растения, одомашненного в Китае для употребления в пищу еще в древности [Simoons 1991, p. 118]. В тесто также добавляется корень схизонепеты⁷, являющийся лекарством традиционной китайской медицины [Fung, Lau 2002, p. 30].

То есть блюда из лапши в данной секции представлены рецептами, которые используют древние, традиционно китайские ingredi-

---

⁶ 山家清供, «Чистые подношения горных семей» XIII в., автор – Линь Хун.

⁷ Род растений *Schizonepeta*; название может относиться к кошачьей мяте или другим родственным ей растениям.

енты, а также лекарства традиционной медицины, что крайне сильно напоминает блюда, описанные, например, в «Шаньцзя цингун» (см. рецепты [Линь 2013, с. 32, 127]). Тем не менее форма блюд, а именно суп, указывает на определенное влияние монгольских вкусов на придворную диетологию периода.

Заключение

Проведенный анализ трактата «Иньшань чжэнъяо» позволяет сделать ряд существенных выводов о роли и специфике блюд из лапши в питании монгольского двора периода Юань. Исследование демонстрирует, что лапша занимала аномально важное место в дворцовой кухне по сравнению с рационом обычных китайцев того времени, выступая ярким индикатором культурного синкретизма, характерного для империи.

В секции «Цзючжэньичжуань», представляющей повседневный рацион двора, блюда из лапши были не только многочисленны, но и обладали сложной гибридной природой. С одной стороны, их ядро составляли характерно китайские элементы, имевшие глубокие корни в китайской кулинарной традиции. С другой стороны, иностранное, в первую очередь монгольское, влияние проявлялось на структурном уровне: формат подачи блюд и их основные белковые составляющие все соответствовали кочевым вкусам и кулинарным практикам. Номенклатура блюд, насыщенная тюркскими заимствованиями, но сохраняющая китайскую структуру наименований, также служила вербальным выражением космополитичного характера имперской кухни.

Напротив, в диетологической секции «Шиляочжубин» лапша была представлена крайне скудно, что подтверждает ее восприятие в тот период прежде всего как пищи, а не лекарства. Присутствующие рецепты демонстрируют парадоксальную смесь: их ингредиентный состав архаичен и вероятно восходит к сунским традициям, однако предлагаемая форма подачи выглядит как уступка монгольским вкусовым предпочтениям.

Таким образом, лапша в кухне юаньского двора выполняла двоякую функцию. В своем «светском» варианте она была инструментом кулинарной репрезентации имперской мощи и многоэтничности, сочетая китайскую основу с монгольскими и центральноазиатскими формами и акцентами. В своем «медицинском» варианте она оставалась консервативным носителем китайской диетологической мысли, лишь поверхностно адаптированным к новым потребителям. Это позволяет заключить, что лапша была не просто

популярным блюдом, а своего рода кулинарным конструктом, через который наиболее ярко выражалась сложная культурная динамика монгольского правления в Китае, где интеграция и адаптация сосуществовали с четким разделением функций между «своей» (китайской) наукой и «имперской» (гибридной) гастрономией.

Благодарности

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0003 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Acknowledgements

The article is prepared at the State Academic University of the Humanities within the framework of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2023-0003 “Historical and cultural traditions and values in the context of global history”).

Литература

- Линь 2013 – *Линь Хун*. 山家清供 [Чистые подношения горных семей] / Гл. ред. Чжан Юань. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 2013. 200 с.
- Ни 1984 – *Ни Цзан*. 云林堂饮食制度集 [Собрание правил питания из зала Юнь-линь] / Гл. ред. Цю Пантун. Пекин: Чжунго шанъе чубаньшэ, 1984. 45 с.
- У 2004 – *У Вэйсинь*. Энциклопедия китайской медицины: целительные силы природы. 2-е изд. СПб.: Нева, 2004. 448 с.
- Ху 2017 – *Ху Сыхуэй*. 饮膳正要 [Все, что надо знать о еде и питье] / Гл. ред. Чжуан Чжаньсинь. Нанкин: Цзянсу фэнхуан кэсюэ цзишу чубаньшэ, 2017. 459 с.
- Цзюйцзя 1986 – 居家必用事类全集 (饮食类) [Полное собрание знаний о необходимых в быту вещах (еда и напитки)] / Гл. ред. Цю Пантун. Пекин: Чжунго шанъе чубаньшэ, 1986. 140 с.
- Чжан 2011 – *Чжан Сяохун*. 蓼茸蒿笋试春盘——以宋代为中心[Чуньпань с почками горца и молодой польнью – исследование традиции периода Сун] // Вэньши чжиши. 2011. № 2. С. 105–108.
- Чэнь 2011 – *Чэнь Юаньцзин*. 事林广记 [Разнообразные заметки] / Пер. Гэн Цзипэн; Гл. ред. Ван Нань. Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2011. 479 с.
- Anderson 2009 – *Anderson E.N.* Cuisines // Berkshire Encyclopedia of China. Berkshire Publishing Group LLC, 2009. P. 529–535.

- Anderson 2014 – *Anderson E.N.* Food and Environment in Early and Medieval China. University of Pennsylvania Press, 2014. 338 p.
- Anderson 1994 – *Anderson E.N.* Food and Health at the Mongol Court // *Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz.* Bellingham: Western Washington University / Ed. by Ed.H. Kaplan, D.W. Whisenhunt. Bellingham, 1994. P. 17–43.
- Anderson 1990 – *Anderson E.N.* The Food of China. New Haven: Yale University Press, 1990. 330 p.
- Buell, Anderson 2010 – *Buell P., Anderson E.N.* A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era As Seen in Hu Sihui's Yinshan Zhengyao. Brill, 2010. 661 p.
- Buell 2007 – *Buell P.* Food, medicine and the Silk Road: the Mongol-era exchanges // *Silk Road.* 2007. Vol. 5. 1. P. 22–35.
- Chen 2022 – *Chen C.* Chinese Plants in the Persian Agricultural Manual *Āsār va Ahyā'*, and a Discussion of Rashīd al-Dīn's Chinese Knowledge and Agricultural Practice // *Chinese Annals of History of Science and Technology.* 2022. № 6 (1). P. 55–88.
- Diederichsen 1996 – *Diederichsen A.* Promoting the Conservation and Use of Underutilized and Neglected Crops: Coriander (*Coriandrum sativum* L.). Rome: International Plant Genetic Resources Institute (IPGRI), 1996. 83 p.
- Fung, Lau 2002 – *Fung D., Lau C.B.S.* Schizonepeta tenuifolia: Chemistry, Pharmacology, and Clinical Applications // *The Journal of Clinical Pharmacology.* 2002. № 42 (1). P. 30–36.
- He et al. 2023 – *He G., Yang S., Wang Y.* The potential of Amomum tsao-ko as a traditional Chinese medicine: Traditional clinical applications, phytochemistry and pharmacological properties // *Arabian Journal of Chemistry.* 2023. № 16. P. 1–31.
- Huang 1990 – *Huang H.T.* Han Gastronomy – Chinese Cuisine in statu nascendi // *Interdisciplinary Science Reviews.* 1990. № 15 (2). P. 139–152.
- Huang 2000 – *Huang H.T.* Fermentation and Food Science // *Science and Civilisation in China.* 2000. Vol. 6: Biology and Biological Technology. Part 5 / Ed. by Needham Joseph. Cambridge University Press, 2000. 741 p.
- Jaffe 2023 – *Jaffe Y.* Food In Ancient China. Cambridge University Press, 2023. 92 p.
- Knechtges 1986 – *Knechtges, D.R.* A Literary Feast: Food in Early Chinese Literature // *Journal of the American Oriental Society.* 1986. № 106 (1). P. 49–63.
- Li 1969 – *Li H.* The Vegetables of Ancient China // *Economic Botany.* 1969. № 23 (3). P. 253–260
- Mote 1977 – *Mote F.W.* Yuan and Ming // *Food in Chinese culture. Anthropological and historical perspectives* / Ed. by K.C. Chang. New Haven: Yale University Press, 1977. P. 193–258.
- Perry 2010 – *Perry C.* Appendix Two. Grain Foods of the Early Turks // *A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era As Seen in Hu Sihui's Yinshan Zhengyao* / P. Buell, E.N. Anderson. Brill, 2010. P. 571–592.
- Prange 2011 – *Prange S.R.* 'Measuring by the bushel': reweighing the Indian Ocean pepper trade // *Historical Research.* 2011. Vol. 84. Iss. 224. P. 212–235.

- Ravindran 2017 – *Ravindran P.N.* The Encyclopedia of Herbs and Spices. CABI, 2017. 1176 p.
- Rivlin 2011 – *Rivlin R.S.* Historical Perspective on the Use of Garlic // The Journal on Nutrition. 2011. Vol. 131. № 3. P. 951–954.
- Sabban 1985 – *Sabban F.* Court cuisine in fourteenth-century imperial China: Some culinary aspects of hu sihui's Yinshan Zhengyao // Food and Foodways. 1985. Vol. 1. № 1–2. P. 161–196.
- Simoons 1991 – *Simoons F.J.* Food in China. A cultural and historical inquiry. Boca Raton: CRC Press. Taylor & Francis Group, 1991. 596 p.

References

- Anderson, E.N. (2009), “Cuisines”, *Berkshire Encyclopedia of China*, Berkshire Publishing Group LLC, Berkshire, USA, pp. 529–535.
- Anderson, E.N. (2014), *Food and Environment in Early and Medieval China*, University of Pennsylvania Press, USA.
- Anderson, E.N. (1994), “Food and Health at the Mongol Court”, Kaplan, E.H. and Whisenhunt, D.W. (eds.), *Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz*, Western Washington University, Bellingham, USA, pp. 17–43.
- Anderson, E.N. (1990), “The Food of China”, Yale University Press, New Haven, USA.
- Buell, P. and Anderson, E.N. (2010), *A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era As Seen in Hu Sihui's Yinshan Zhengyao*, Brill.
- Buell, P. (2007), “Food, medicine and the silk road: the Mongol-era exchanges”, *Silk Road*, vol. 5, no. 1, pp. 22–35.
- Chen, C. (2022), “Chinese Plants in the Persian Agricultural Manual *Āsār va Aḥyā'*, and a Discussion of Rashīd al-Dīn's Chinese Knowledge and Agricultural Practice”, *Chinese Annals of History of Science and Technology*, no. 6 (1), pp. 55–88.
- Chen Yuanjing (2011), *Shilin Guangji* [Various Notes], Wang Nan (ed.), Jiangsu renmin chubanshe, Nanjing, China.
- Chzhan Syaokhun (2011), 蓼茸蒿笋试春盘——以宋代为中心 [Chunpan with knotweed buds and young wormwood – a study of Song dynasty traditions], *Ven'shi chzhishi*, no. 2, pp. 105–108.
- Diederichsen, A. (1996), *Promoting the Conservation and Use of Underutilized and Neglected Crops: Coriander (Coriandrum sativum L.)*, International Plant Genetic Resources Institute (IPGRI), Rome, Italy.
- Fung, D. and Lau, C.B.S. (2002), “Schizonepeta tenuifolia: Chemistry, Pharmacology, and Clinical Applications”, *The Journal of Clinical Pharmacology*, no. 42 (1), pp. 30–36.
- He, G., Yang, S. and Wang, Y. (2023), “The potential of Amomum tsao-ko as a traditional Chinese medicine: Traditional clinical applications, phytochemistry and pharmacological properties”, *Arabian Journal of Chemistry*, no. 16, pp. 1–31.
- Hu Sihui (2017), *Yinshan Zhengyao* [All You Need to Know About Food and Drink], Zhuang Zhanxin (ed.), Jiangsu fenghuan kexue jishu chubanshe, Nanjing, China.

- Huang, H.T. (1990), “Han Gastronomy – Chinese Cuisine in statu nascendi”, *Interdisciplinary Science Reviews*, no. 15 (2), pp. 139–152.
- Huang, H.T. (2000), “Fermentation and Food Science”, *Science and Civilisation in China*, vol. 6: Biology and Biological Technology, part 5. Needham, J. (ed.), Cambridge University Press, UK.
- Jaffe, Y. (2023), *Food in Ancient China*, Cambridge University Press, UK.
- Jujia Biyong Shilei (1986), Quanji (Yinshi Lei) [Full Collection of Necessary Knowledge About Everyday Necessities (Food and Drink)], Qiu Pangtong (ed.), Zhongguo shangye chubanshe, Beijing, China.
- Knechtges, D.R. (1986), “A Literary Feast: Food in Early Chinese Literature”, *Journal of the American Oriental Society*, vol. 106, no. 1, pp. 49–63.
- Li, H. (1969), “The Vegetables of Ancient China”, *Economic Botany*, vol. 23, no. 3, pp. 253–260.
- Lin Hong (2013), *Shanjia Qinggong* [Pure Offerings of the Mountain Folks], Zhan Yuan (ed.), Zhonghua shuju, Beijing, China.
- Mote, F.W. (1977), “Yuan and Ming”, Chang, K.C. (ed.), *Yale Food in Chinese culture: Anthropological and historical perspectives*, University Press, New Haven, USA, pp. 193–258.
- Ni Zang (1984). *Yunlintang Zhidu Ji* [Cloud Forest Hall Collection of Laws for Drinking and Eating], Qiu Pangtong (ed.), Zhongguo shangye chubanshe, Beijing, China.
- Perry, C. (2010), “Appendix Two. Grain Foods of the Early Turks”, Buell, P. and Anderson, E.N., *A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era As Seen in Hu Sihui’s Yinshan Zhengyao*, Brill, pp. 571–592.
- Prange, S.R. (2011), “‘Measuring by the bushel’: reweighing the Indian Ocean pepper trade”, *Historical Research*, vol. 84, iss. 224, pp. 212–235.
- Ravindran, P.N. (2017), *The Encyclopedia of Herbs and Spices*, CAB, UK.
- Rivlin, R.S. (2011), “Historical Perspective on the Use of Garlic”, *The Journal on Nutrition*, 131 (3), pp. 951–954.
- Sabban, F. (1985), “Court cuisine in fourteenth-century imperial China: Some culinary aspects of Hu Sihui’s Yinshan Zhengyao”, *Food and Foodways*, vol. 1, no. 1-2, pp. 161–196.
- Simoons, F.J. (1991), *Food in China. A cultural and historical inquiry*, CRC Press. Taylor & Francis Group, Boca Raton, USA.
- Wu Weixin (2004), *Ehntsiklopediya kitaiskoi meditsiny: tselitel’nye sily prirody* [Encyclopedia of Chinese Medicine. The Healing Powers of Nature], 2nd edn., Neva, Saint Petersburg, Russia.
- Zhang Xiaohong (2011), *Liaorong haosun shi chunpan – yi Songdai wei zhongxin* [Chunpan with knotweed buds and young wormwood – a study of Song dynasty traditions], *Wenshi zhishi*, no. 2, pp. 105–108.

Информация об авторах

Мария С. Круглова, кандидат исторических наук, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия; 119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, д. 26; mashakruglova999@gmail.com

Алиса С. Солдатова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; alisa.soldatova@gmail.com

Information about the authors

Maria S. Kruglova, Cand. of Sci. (History), State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 26, Maronovsky Lane, Moscow, Russia, 119049; mashakruglova999@gmail.com

Alisa S. Soldatova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; alisa.soldatova@gmail.com

УДК 323.3-053.6(510)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-130-140

Анализ современной молодежной политики КНР

Арсений С. Аврач

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия, arsenicum.a@mail.ru*

Валерия Бушева

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия, busheva26@gmail.com*

Аннотация. В 20-е гг. XXI в. Китайская Народная Республика продолжает сталкиваться с рядом социальных проблем, связанных с молодежью. В современном мире и в современном обществе молодые люди обретают все больше возможностей для самореализации и поиска себя. Тем не менее с новыми возможностями приходят и новые проблемы. В результате китайская молодежь вынуждена мириться с рядом трудностей, возникающих в сфере образования и при трудоустройстве. В связи с этим правительство было вынуждено частично пересмотреть и реформировать свою политику в отношении молодых людей, стремясь обеспечить для них перспективы и возможности построения светлого будущего. Выпущенная в 2022 г. Белая книга о «Молодежи Китая в новую эпоху» дает четкое понимание основных методов и направлений деятельности правительства по урегулированию проблем школьников, студентов и молодых специалистов. Несомненно, забота о благополучии молодого поколения остается одной из приоритетных задач правительства КНР, так как молодежь является важнейшей частью китайского общества в контексте проблемы массового старения населения и превалирования пожилого населения.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежь, Белая книга, трудоустройство, образование, пропаганда, КНР

Для цитирования: Аврач А.С., Бушева В. Анализ современной молодежной политики КНР // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 130–140. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-130-140

Analysis of China's modern youth policy

Arseniy S. Avrach

*State Academic University for the Humanities
Moscow, Russia, arsenicum.a@mail.ru*

Valeriya Busheva

*State Academic University for the Humanities
Moscow, Russia, busheva26@gmail.com*

Abstract. In the 20s of the 21st century, the People's Republic of China continues to face a number of social challenges related to youth. In the modern world and in modern society, young people are acquiring more and more opportunities for self-realization and searching for themselves. Nevertheless, with new opportunities come new challenges. As a result, Chinese youth is forced to endure a number of difficulties arising in the sphere of education and during employment. To that end the government was forced to partially revise and supplement its policy regarding young people, trying to provide for them prospects and opportunities for building a bright future. The White Paper on "Chinese Youth in the New Era" released in 2022 gives a clear understanding of the main methods and directions of the government's activity for regulating the concerns of young pupils, students, and various specialists. Undoubtedly, care for the well-being of the young generation remains one of the priority tasks for the government of the People's Republic of China, as youth is an important part of the future Chinese society, especially considering the issue of mass aging of the population and the prevalence of the elderly population.

Keywords: youth policy, youth, White Paper, employment, education, propaganda, PRC

For citation: Avrach, A.S. and Busheva, V. (2025), "Analysis of China's modern youth policy", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 6, pp. 130-140, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-130-140

Методы исследования

В данной работе был проведен анализ официальной позиции правительства КНР в отношении проблем современной китайской молодежи, а также изучены данные различных китайских и зарубежных СМИ по данному вопросу. Благодаря сопоставлению полученных в ходе анализа данных была предпринята попытка определить основные особенности вышеуказанных проблем, а также ключевые меры для решения этих проблем со стороны правительства. Также данный метод позволил сделать ряд выводов касательно результатов правительственной политики в отношении молодежи в исследуемый период.

Историография

По данной теме уже имеется ряд научных работ. Стэнли Розен в своей работе “Contemporary Chinese Youth and the State” рассматривает непосредственно отношение современной молодежи к государственной власти [Rosen 2009]. В исследовании “‘Keep the Party Assured and the Youth [Not] Satisfied’: The Communist Youth League and Chinese University Students”, автор Константинос Цимонис затрагивает тему Коммунистического союза молодежи Китая в жизни студентов. По его словам, полному взаимодействию государства и молодых людей препятствует множество проблем, как например, бюрократия, строгая иерархия и полный контроль Коммунистического союза молодежи Центральным комитетом КПК [Tsionis 2017].

Из смежных тем, которые связаны с изучаемой темой, можно отметить работу Чжана Чжэнчи «Особенности формирования занятости молодежи в России и Китае». Автор сравнивал проблемы трудоустройства молодого населения Российской Федерации и Китайской Народной Республики, приводя различные статистические данные и некоторые аспекты законодательства двух государств [Чжан 2023].

О жизни китайской молодежи описывали в статье “Introduction to Chinese Youth (with a Commentary)” [Jieying, Yan 2006]. В данном исследовании описывается поддержка молодежи правительством КНР, а также различные трудности, с которыми сталкивается новое поколение китайцев. В статье “Toward a propaganda/commercial model of journalism in China? The case of the Beijing Youth News” автор изучил уровень влияния государственной политической повестки на молодежные средства массовой информации [Yuezhi 1997].

Раксана Зуляр в статье «Обзор деятельности институтов государственной молодежной политики Китая на современном этапе» рассматривала молодежную политику КНР в области работы государственных и партийных институтов, а также провела сравнительный анализ с подобными институтами в других странах [Зуляр 2023].

Белая книга: Молодежь Китая в новую эпоху

В 2022 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу о «Молодежи Китая в новую эпоху»¹. Она состоит из четырех частей.

---

¹ Full Text: Youth of China in the New Era. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202204/21/content_WS6260cdc3c6d02e5335329bb1.html (дата обращения 21 декабря 2025).

В первом разделе под названием «Новая эра: великие времена с широкими возможностями» оцениваются уже достигнутые цели КНР как в области экономики, так и в сфере молодежной политики. Например, в 2021 г. Китай находится на втором месте в списке стран с наивысшим экономическим развитием². Молодежь имеет доступ к правильному сбалансированному питанию, к образованию и досугу, что, как ожидается, приведет к долголетию будущей нации.

Упомянется и трудоустройство, ведь в эпоху Интернета молодежь имеет доступ не только к большому количеству информации, но и к новейшим профессиям.

Отмечается, что и за последние десятилетия достигнуты успехи в области защиты молодых людей. Реформируется конституция и гражданский кодекс. Правовые возможности улучшаются, и современная молодежь защищена законодательно.

Государство осуществляет помощь в сфере жилья, трудоустройства и заботы о пенсионерах. КНР – страна со стареющей нацией. Молодежи приходится думать о своих пожилых родственниках и оказывать финансовую поддержку.

Во втором разделе под названием «Всестороннее развитие в новую эпоху» говорится об идеологическом аспекте молодежной политики. Указывается на непосредственный успех Си Цзиньпина в области пропаганды молодежи. Такие концепции, как китайская мечта, социализм с китайской спецификой новой эпохи, согласно содержанию Белой книги, активно поддерживаются новым поколением.

Касательно физического и ментального здоровья, государство увеличивает количество часов по физической культуре в учебных заведениях. Как следствие реформ, китайская молодежь завоевывает все больше призовых мест на олимпийских играх. В сфере ментального здоровья подчеркивается, что, несмотря на оказанное давление на молодежь, они справляются со всеми трудностями благодаря КПК.

Достижения в сфере образования молодежи так же имеются. Все больше студентов получают высшее образование, то есть поступление в университет становится более доступным для граждан. Коммунистический союз молодежи Китая до сих пор открывают двери для новых участников. К концу 2021 г. число членов союза достигло 74 млн человек³. Далее, многие молодые люди идут

---

² GDP Ranked by Country 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/by-gdp> (дата обращения 25 декабря 2024).

³ 共青团中央: 截至2023年12月底全国共有共青团员7416.7万名 (рус. Центральный комитет Коммунистической лиги молодежи: По состоянию на конец декабря 2023 г. по всей стране насчитывается 74,167 млн членов Коммунистической лиги молодежи). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1798000119432526456&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 25 декабря 2024).

по партийной карьерной лестнице. Они участвуют в НПКСК, внося новые идеи для политического будущего государства. Под руководством КСМК проводятся различные благотворительные мероприятия, с целью оказания помощи пожилым и людям с особыми потребностями.

Третий раздел под названием «Выполнение тяжелых задач и ответственность» посвящен прогрессу страны с помощью молодежи.

Правительство делает акцент на обычных рабочих, рабочих строительных площадок, курьеров, мигрантов, чтобы показать, что, несмотря на доступность оплаты первостепенных потребностей, молодежь по-прежнему трудится изо всех сил на благо страны и их жителей. Ярko оценивается помощь молодых людей во время пандемии Covid-19. Молодые люди активно участвуют в сельской отрасли и оказывают поддержку нуждающимся. Все это выражает единство китайской молодежи перед проявившимися проблемами.

Четвертый раздел «Обладание глобальным видением и сильным чувством ответственности» подразумевает собой развитие государства на международной арене при содействии китайской молодежи.

Отмечается, что страна за последние десятилетия стала более открытой, и множество студентов ежено уезжают учиться за границей. Осуществляется международное сотрудничество с такими странами, как Россия, Соединенные Штаты Америки, Европа, Япония и др. Происходят не только учебные обмены, но и культурные, научные, спортивные. Также, молодежь КНР активно принимает участие в мероприятиях ООН, ЮНЕСКО и др. Волонтерские движения проявляются не только в пределах Китая, но и в других странах, где существуют нуждающиеся в таких сферах, как медицина, сельскохозяйственное дело, строительство и др.

Исходя из всего вышеперечисленного, правительство КНР высоко оценивает свои заслуги в области развития китайской молодежи. За последние годы усилилось внимание, направленное на благосостояние и единство молодых граждан Китая.

Выделяется ряд аспектов молодежной политики Китая, на которые делается акцент правительством.

Трудоустройство

Трудоустройство в КНР является часто обсуждаемой темой в СМИ. По причине того, что в Китае у выпускников вузов достаточно высокая конкуренция, молодые люди испытывают трудности с поиском работы. Согласно данным Bloomberg, около 22 млн

человек в возрасте с 16 до 24 лет являются безработными⁴. Однако официальные данные несколько ниже. В 2023 г. Национальное бюро статистики Китая приняло решение приостановить публикацию статистики безработицы среди молодежи⁵. СМИ это связывают с крайне высоким процентом нетрудоустроенных молодых людей. Тем не менее, если обратиться к официальному сайту Национального бюро статистики Китая, то можно обнаружить статью, дающую разъяснения по совершенствованию статистики⁶. Была установлена необходимость расширения субъективности данных, так как многие школьники и студенты не нуждаются в работе, тем более на полный рабочий день. К тому же от подростков в первую очередь требуется учиться, а не работать, поскольку это является их основным родом деятельности. Насчет выпускников вузов и колледжей указано, что, вероятно, и они не нуждаются в зарплате, потому что находятся в поиске себя и желаемой профессии. Поэтому отныне статистика будет публиковаться лишь о нетрудоустроенных людях в возрасте от 25 до 29 лет, которые действительно нуждаются в зарплате. Также вся статистика будет делиться по возрасту, полу и нерабочему времени⁷.

Стоит отметить, что безработица не единственная проблема. Трудоустроенная молодежь КНР испытывает дискомфорт от переработок. Появилось такое понятие, как «996», что означает работу по графику с 9 часов утра до девяти часов вечера шесть дней в неделю. Более того, многие компании хотят ввести понятие «715», что подразумевает собой 15 рабочих часов ежедневно без выходных⁸. Как известно, нормированный график представляет собой

---

⁴ How Bad Is China's Youth Unemployment, Really? URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-07-23/china-s-actual-youth-unemployment-is-a-lot-higher> (дата обращения 28 декабря 2024).

⁵ Китай решил отказаться от публикации данных о безработице среди молодежи. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/494612-kitaj-resil-otkazat-sa-otpublikacii-dannyh-o-bezrabotice-sredi-molodezi> (дата обращения 02 февраля 2025).

⁶ 关于完善分年龄组调查失业率有关情况的说明 (рус. Разъяснение по улучшению ситуации, связанной с обследованием уровня безработицы по возрастным группам). URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202401/t20240117_1946641.html (дата обращения 2 февраля 2025).

⁷ 全国分年龄、性别、未工作时间的失业人口 (рус. Безработное население в разбивке по возрасту, полу и нерабочему времени по всей стране). URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/6rp/html/B0418a.htm> (дата обращения 4 февраля 2025).

⁸ 百度首页 登录 消失的8小时工作制背后：996已无法喂饱资本的贪欲，现又提出715 (рус. За исчезновением 8-часовой системы работы: система 996 больше не в состоянии утолить жадность капитала, и теперь предлагается 715). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1796492444080656478&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 4 февраля 2025).

8 рабочих часов в день и два выходных дня в неделю, однако многие работники вынуждены согласиться со системой «715» из-за высокой конкуренции и страха потери рабочего места. Все это приводит к стрессу и недосыпу. Государство предпринимает меры по искоренению переработок в компаниях, однако было ограничено лишь штрафами и многочисленными проверками⁹.

Из этого вытекают особые последствия, например, некоторые граждане потеряли желание работать вовсе. Молодые люди более не желают стремиться к карьерному или семейному успеху, им стало ближе по душе лежать и ничего не делать.

Можно сделать вывод, что государство действительно имеет проблемы в области трудоустройства молодежи. Далее необходимо проанализировать реакцию государства и пути борьбы со сложившимися обстоятельствами.

Во-первых, переработки на рабочих местах можно отнести к частным компаниям. Государство предлагает нормированный рабочий график и дает гарантии для соискателей. Впрочем, молодые люди начали более внимательно относиться к поиску работы, и обращают свой взор на вакансии в госсекторе¹⁰.

Однако стоит отметить, что и на государственную службу устроиться достаточно сложно. Так как работа в госсекторе является престижной, конкуренция так же высока¹¹. Подобные вакансии даже называют в Китае «золотой чашей». На 2023 г. на каждую государственную вакансию претендует 77 человек, что создает трудности для молодых людей, которые находятся в поиске работы.

Во-вторых, правительство выдвинуло план по новой стратегии занятости¹². Указывается, что необходимо увеличить субсидии и

---

⁹ Как Китай решает проблему переработок. URL: <https://rg.ru/2022/08/03/kak-kitaj-reshaet-problemu-pererabotok.html> (дата обращения 6 февраля 2025).

¹⁰ Почему китайские зумеры и миллениалы хотят работать на государство, а не на Джека Ма. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/475309-pocemu-kitajskie-zumery-i-millennialy-hotat-rabotat-na-gosudarstvo-a-ne-na-dzeka-ma> (дата обращения 2 марта 2025).

¹¹ China's beleaguered economy pushing young people towards public service. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/05/02/chinas-beleaguered-economy-pushing-young-people-towards-public-service/> (дата обращения 14 мая 2025).

¹² 国务院办公厅关于优化调整稳就业政策措施 全力促发展惠民生的通知 (рус. Главное управление Государственного совета по оптимизации и корректировке политики и мер по стабилизации занятости: обратите внимание, чтобы в полной мере способствовать развитию и приносить пользу людям. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2023-04/26/content_5753299.htm (дата обращения 2 марта 2025).

государственную поддержку для работников промышленных предприятий. Это может простимулировать молодых людей идти работать на заводы. Предлагается также увеличить поддержку финансовых предприятий, с целью оказать помощь некоторым секторам экономики и тем самым сохраняя рабочие места в сфере бизнеса. Они также считают необходимым выражать поддержку молодым предпринимателям и обеспечить финансами сферы страхования по безработице и повышения квалификации.

14 мая 2024 г. вице-премьер Госсовета КНР Дин Сюэсян высказался касательно поддержки трудоустройства молодежи¹³. По его словам, необходимо обеспечить новыми рабочими местами все государственные структуры, а также мотивировать молодых людей работать на низовых должностях. Также Дин Сюэсян отметил важность предоставления всех необходимых условий для молодых предпринимателей, которые только выпустились из учебных заведений.

Исходя из вышеперечисленного, можно утверждать, что государство стремится улучшить ситуацию в области трудоустройства.

Образование и наука

Повышение уровня образования и его доступности является одним из приоритетов у правительства КНР.

В 2021 г. был пересмотрен закон об образовании, принятый в 1995 г.¹⁴ В первую очередь, в нем указана важность осуществления пропаганды марксизма-ленинизма, а также прочих идейных ценностей партии. Любой гражданин вне зависимости от обстоятельств имеет право на образование и обязан получить базовое девятилетнее образование. Государство предоставляет двуязычное образование для национальных меньшинств.

Также существуют национальные выпускные экзамены. Подобный вид тестирования помогает оценить выпускника и открывает перед ним честную дорогу в то учебное заведение, которое ему подходит по уровню. Однако из-за высокой конкуренции для подростка выпускной экзамен является стрессовым событием, ведь это решает его дальнейшую судьбу. Поэтому многие китайцы, сдавшие этот экзамен не на самый высокий уровень, уезжают за границу, ведь это единственный для них способ занять свое место в обще-

---

¹³ Вице-премьер Госсовета КНР призвал содействовать занятости выпускников вузов. URL: <https://russian.news.cn/20240514/f9964a3a5e444a298cf0013058aafb24/c.html> (дата обращения 16 мая 2025).

¹⁴ 中华人民共和国教育法 (рус. Закон Китайской Народной Республики об образовании). URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3YWlyMmI4YTAXN2FiZDc3N2NkYzA1ZDg%3D> (дата обращения 4 мая 2025).

стве¹⁵. Некоторые школьники, напротив, отказываются от подобных стремлений и становятся «Танпинами». Хелен Гао, учившаяся в Китае, рассказала о своем опыте¹⁶. По ее словам, в знак протеста, необязательно осознанно, ее одноклассники переставали готовиться к выпускным экзаменам. Несмотря на то, что они никому не приносили дискомфорта, они в любом случае становились объектом насмешек и позора. Это является последствием пропаганды старания и конкуренции среди учащихся, не только со стороны государства, но и напрямую в семьях, так как отличный результат на экзаменах приравнивается к успешному и состоятельному будущему.

Многие китайские студенты не желают оставаться учиться в Китае. Можно выделить несколько причин¹⁷. Во-первых, как было указано выше, студенты и их родители желают избежать выпускного экзамена и конкуренции, так как за границей имеется множество возможностей поступить в высшее учебное заведения, включая бесплатное образование. Во-вторых, у выпускников иностранных университетов больше возможностей получить высокооплачиваемую работу. Тем самым они сразу решают проблемы конкуренции и в образовании, и на рабочем месте.

В 2021 г. китайское правительство запретило репетиторство¹⁸. Теперь все частные подготовительные школы должны объявить себя некоммерческими. Это сделано с целью облегчить нагрузку у детей и родителей. Также, по их мнению, это уменьшает разрыв между богатыми и бедными семьями, потому что репетиторов в силах оплатить не все семьи, соответственно, более обеспеченные ученики обладают большими шансами поступить в престижные учебные заведения.

Таким образом, проблемы данного характера являются трудно решаемыми в сложившихся условиях, однако государство анализирует способы предотвращения стрессов у студентов и обеспечения равных возможностей для семей с разными финансовыми возможностями.

---

¹⁵ Три дня экзаменационного ада: как устроен ЕГЭ в Китае. URL: <https://mel.fm/zhizn/istorii/5861092-trekhhdnevny-ekzamenatsionny-ad-kak-ustroyen-yege-v-kitaye> (дата обращения 4 мая 2024).

¹⁶ How China's Education System Trapped a Generation. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/06/22/china-education-system-lying-flat-state-control-xi-jinping/> (дата обращения 4 мая 2024).

¹⁷ Nine reasons why Chinese students choose to study abroad. URL: <https://www.timeshighereducation.com/student/advice/nine-reasons-why-chinese-students-choose-study-abroad> (дата обращения 15 мая 2025).

¹⁸ В КНР объявили войну репетиторам и ночным зубрежкам. URL: https://www.ng.ru/columnist/2021-07-27/8_8209_china.html (дата обращения 4 мая 2025).

Вывод

Белая книга о «Молодежи Китая в новую эпоху», опубликованная в 2022 г., достаточно подробно описывает работу правительства над процветанием молодежи КНР. Белая книга дает понимание определения «молодежная политика», присущее лишь КНР. Молодежная политика для КНР – это комплексная работа многих ведомств, т. е. не существует определенных законодательных или правовых норм, которые можно отнести к конкретной группе под названием «молодежь».

Проблемы с трудоустройством наблюдаются среди молодежи в КНР. Из-за высокого процента безработицы государство решило пересмотреть подход к составлению выборки респондентов, что, безусловно, налаживает ситуацию на бумаге. Однако молодым людям и предприятиям предлагаются субсидии с целью увеличить как рабочие места, так и их заполненность. Также государственная служба имеет множественные преимущества перед частными компаниями, что решает проблему переработок. В сфере образования заметна ярко выраженная конкуренция, вызывающая у школьников и абитуриентов стресс, приводящий к выгоранию.

Литература

- Зуляр 2023 – Зуляр Р.Ю. Обзор деятельности институтов государственной молодежной политики Китая на современном этапе // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7. № 4. С. 397–405.
- Чжан 2023 – Чжан Чжэнчи Особенности регулирования социально-трудовых отношений молодежи в КНР // Экономика труда. 2023. Том 10. № 5. С. 685–694.
- Jieying, Yan 2006 – Jieying Xi, Yan Xia. Introduction to Chinese Youth (with a Commentary) // Chinese Youth in Transition / Ed. by Jieying Xi, Yunxiao Sun, Jing Jian Xiao, Ashgate Publishing, Ltd., 2006. Ch. 5
- Rosen 2009 – Rosen S. Contemporary Chinese Youth and the State // The Journal of Asian Studies. 2009. № 2. P. 359–369.
- Tsimonis 2017 – Tsimonis K. “Keep the Party Assured and the Youth [Not] Satisfied”: The Communist Youth League and Chinese University Students // Modern China. 2017. № 2. P. 170–207.
- Yuezhi 1997 – Yuezhi Zhao. Toward a propaganda/commercial model of journalism in China? The case of the Beijing Youth News // International Communication Gazette. 1997. № 3. P. 143–157.

References

- Jieying Xi, Yan Xia (2006), "Introduction to Chinese Youth (with a Commentary)", Jieying Xi, Yunxiao Sun, Jing Jian Xiao (eds.) *Chinese Youth in Transition*, Ashgate Publishing, Ltd., ch. 5, pp. 79-105.
- Rosen, S (2009), "Contemporary Chinese Youth and the State", *The Journal of Asian Studies*, vol. 68, no. 2, pp. 35.
- Tsimonis, K (2017) "'Keep the Party Assured and the Youth [Not] Satisfied': The Communist Youth League and Chinese University Students", *Modern China*, vol. 44, no. 2, pp. 170-207.
- Yuezhi, Zhao (1997) "Toward a propaganda/commercial model of journalism in China? The case of the Beijing Youth News", *International Communication Gazette*, vol. 58, no. 3, pp. 143-157.
- Zhang, Zhengchi (2023), "Features of regulating social and labor relations of young people in PRC", *Russian Journal of Labor Economics*, vol. 10, no. 5, pp. 685-694.
- Zulyar, R.Yu. (2023), "Review of state youth policy of China at the present stage", *Russian and Chinese Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 397-405.

Информация об авторах

Арсений С. Аврач, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия; 119049, Москва, Мароновский пер., д. 26; arsenicum.a@mail.ru

Валерия Бушева, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия; 119049, Москва, Мароновский пер., д. 26; busheva26@mail.com

Information about the authors

Arseniy S. Avrach, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 26, Maronovsky Lane, Moscow, Russia, 119049; rsenicum.a@mail.ru

Valeriya Busheva, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 26, Maronovsky Lane, Moscow, Russia, 119049; busheva26@mail.com

УДК 070(510)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-141-155

Становление китайской прессы в эпоху поздней Цин: от «Цзинбао» к коммерческим изданиям

Анна В. Лепницкая

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
Россия, Пермь, ann.lepnitskaya@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется процесс становления и развития китайской прессы в эпоху поздней династии Цин (XIX – начало XX в.). Автор анализирует трансформацию от традиционных официальных вестников («Цзинбао») к коммерческим периодическим изданиям, выделяя ключевые факторы этого перехода. Особое внимание уделяется роли иностранных миссионеров в импорте западных моделей прессы, адаптации формата и содержания газет к китайским культурным и социальным реалиям, а также формированию новой читательской аудитории из числа компрадоров, чиновников и городской интеллигенции. На основе широкого круга источников и научной литературы делается вывод о том, что китайская пресса стала результатом не пассивного заимствования, а активного синтеза западных технологий и китайских культурных традиций, сыграв ключевую роль в модернизации общественной дискуссии и трансформации медиапространства Китая.

Ключевые слова: Китай, династия Цин, поздняя Цин, газеты, печать, периодическая печать, журналы

Для цитирования: Лепницкая А.В. Становление китайской прессы в эпоху поздней Цин: от «Цзинбао» к коммерческим изданиям // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6. С. 141–155. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-141-155

The formation of the Chinese press in the late Qing era: from “Jingbao” to commercial publications

Anna V. Lepnitskaya

*Perm State National Research University
Perm, Russia, ann.lepnitskaya@mail.ru*

Abstract. The article studies the formation and development of the Chinese press during the late Qing dynasty (19th to early 20th century). The author analyzes the transformation from traditional official gazettes (“Jingbao”) to commercial periodicals, highlighting the key factors driving the transition. Particular attention

---

© Лепницкая А.В., 2025

Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 6

is paid to the role of foreign missionaries in importing Western press models, the adaptation of newspaper formats and content to Chinese cultural and social realities, and the formation of a new readership among compradors, officials, and urban intelligentsia. Based on a wide range of sources and scientific literature, the conclusion is drawn that the Chinese press was not a product of passive borrowing but rather an active synthesis of Western technologies and Chinese cultural traditions, which played a key role in modernizing public discourse and transforming China's media landscape.

Keywords: China, Qing dynasty, late Qing, newspapers, print, periodicals, magazines

For citation: Lepnitskaya, A.V. (2025), "The formation of the Chinese press in the late Qing era: from 'Jingbao' to commercial publications", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 6, pp. 141-155, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-6-141-155

Развитие прессы в Китае представляет собой уникальный феномен, сформировавшийся на стыке глубоких национальных традиций информационного обмена и мощного влияния западных технологий и идей. К моменту поздней династии Цин (1644–1912) империя переживала глубокий внутренний кризис, совпавший с усилением внешнего давления со стороны западных держав. В этих условиях пресса появилась не просто как новый медиум, а как ключевой инструмент модернизации, общественной дискуссии и трансформации самого китайского общества. Изучение ее истоков и раннего этапа становления позволяет понять, каким образом чужеземный институт был адаптирован, трансформирован и в итоге усвоен китайской культурой, став неотъемлемой частью ее публичной сферы.

Проблема исследования заключается в сложном и неоднозначном процессе адаптации западной модели периодической печати к принципиально иной социокультурной и политической реальности Китая, которая обладала собственной, глубоко укорененной традицией официального и неофициального информационного обмена.

Целью исследования является комплексный анализ процесса становления и развития китайской прессы в период поздней Цин, выявление ключевых факторов, этапов и акторов, определивших ее специфику.

Изучение китайской прессы периода модернизации, несмотря на недостаточную разработанность в отечественной науке, получила комплексное освещение в зарубежной и китайской историографии, пройдя в своем развитии три четких этапа.

Пионерами исследования выступили в 1930–1940-е гг. Линь Юйтан [Lin 1936] и Росвелл Бриттон [Britton 1933]. Линь Юйтан проанализировал роль прессы как катализатора реформаторских идей, в то время как Бриттон предложил первую системную классификацию газет. Несмотря на определенную предвзятость, их работы заложили методологическую основу, представив прессу как значимый фактор модернизации и введя два ключевых подхода: анализ социокультурной роли медиа и их типологизацию.

Послевоенный период (1950–1980-е гг.) ознаменовался разделением научной мысли по политико-региональному принципу, что привело к формированию трех основных школ. Марксистская школа в КНР, представленная Фан Ханьци и Ли Лунму, основывалась на классовой борьбе. Фан Ханьци предложил периодизацию истории прессы, введя концепцию «двух линий борьбы» (两条路线斗争) [Fang 1981; Fang 1992], а Ли Лунму развил теорию «трех революционных волн» (三大革命浪潮). Тайваньская школа, напротив, делала акцент на национальном единстве и культурной преемственности. Ее ключевые фигуры, Ли Сяньвэнь и Ван Эрминь, ввели концепции «культурного национализма» [Li 1967] и «просвещенного традиционализма» (开明传统主义) [Wang 1969], закрепив представление о прессе как инструменте сохранения идентичности. Западная школа, представленная Мэри Райт, Альбертом Фейерверкером и Джоном Фэрбенком, стремилась к более отстраненному анализу. Они выдвинули такие важные концепции, как «консервативная модернизация» [Wright 1957] и «вестернизация без модернизации» [Feuerwerker 1958], а Фэрбенк детально показал, как китайские издания адаптировали западный формат под местные потребности [Fairbank 1953; Fairbank 1978; Fairbank, Liu 1980; Fairbank, Twitchett 1983], предложив сбалансированный взгляд на процесс китайской адаптации.

Современный этап исследований, начавшийся с 1990-х гг., характеризуется отходом от идеологизированных подходов в сторону анализа культурного обмена как комплексного феномена. Вклад в это направление внесли Рудольф Вагнер [Wagner 2007], разработавший концепцию двустороннего культурного влияния, Джоан Джадж [Judge 1996; Judge 2015], исследовавшая трансформацию гендерных представлений, и Барбара Миттлер [Mittler 2004], предложившая целостный анализ газеты как культурного текста. Значительную роль также сыграли Кристофер Рид [Reed 2004], Мэй Чжоу [Zhou 2011] и Чэнь Пинъюань [Chen 2008]. Таким образом, современная историография демонстрирует, как пресса стала ключевым инструментом культурного трансфера, подчеркивая активную роль местных акторов в процессе адаптации и создания гибридных культурных форм.

Историческое происхождение китайской прессы

Китай как одна из первых стран, освоивших технологию печати, обладает глубокими традициями письменной коммуникации. Однако поиск функциональных аналогов газет в китайской истории осложняется фундаментальными различиями между китайской и западной культурными парадигмами, сохранявшимися вплоть до XX в. Это породило множество научных точек зрения на истоки китайской периодики.

Одну из ранних версий выдвинул реформатор Лян Цичао, который в 1896 г. в газете «Шиубао» (時務報) утверждал, что прообразом газет были народные песни, собиравшиеся для информирования правителя о настроениях в народе [Лян Цичао 1986]. Хотя эти сборники действительно выполняли коммуникативную функцию, связывая низы и верхи, они не были самостоятельным медиумом, так как народ в них не выступал активным субъектом, непосредственно выражавшим свою позицию.

Линь Юйтан в «Истории прессы и публичного мнения в Китае» (1937) в качестве другой предтечи прессы рассматривал исторические летописи, в частности «Чуньцю». Он отмечал, что систематический сбор чиновниками новостей по всей стране и их фиксация в доступных для образованной публики хрониках сближают эту практику с журналистикой [Zhang 2007, p. 13]. Этот способ распространения информации был более прогрессивным, чем песни, так как охватывал более широкую аудиторию.

Наиболее распространенной точкой зрения является признание императорской газеты «Дибao» (邸報), известной также как «Цзинбао» (京報), первым настоящим прототипом газеты. Возникнув при династии Хань и оформившись при Тан, она достигла расцвета при Сун, когда ее выпуск и рассылка стали ежедневными. Первоначально «Цзинбао», составлявшаяся в Канцелярии по приему докладов (進奏院) [Люй 1997, с. 1], функционировала на основе двустороннего обмена: чиновники направляли в столицу отчеты, а император спускал указы. Однако со временем газета деградировала, утратив двусторонний характер и превратившись в сугубо правительственный инструмент для нисходящей коммуникации, каковым и оставалась вплоть до появления частных коммерческих газет в эпоху поздней Цин.

Роль иностранных миссионеров в создании прессы

Перейдем к непосредственному анализу появления периодической печати в Китае. Возникновение прессы в Китае стало результатом сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов, среди которых ключевую роль сыграли культурные, религиозные и политические аспекты. Наибольшее влияние на этот процесс оказала деятельность западных миссионеров, которые принесли с собой не только религиозные учения, но и передовые для того времени полиграфические технологии, а также саму концепцию регулярного периодического издания. Их деятельность, растянувшаяся на несколько столетий, прошла значительную эволюцию от сугубо религиозных публикаций к созданию полноценной светской прессы.

Хотя первые католические миссии иезуитов появились в Китае еще в конце XV в. и сохраняли свое присутствие вплоть до XVIII в., они не принесли с собой традиции периодической печати. Объясняется это тем, что в тот период сама институция публичных газет еще не сформировалась в Европе. Несмотря на изобретение Гутенбергом печатного станка в 1450 г., массовая периодическая печать как социальный институт находилась в стадии формирования. Поэтому иезуиты во главе с выдающимся миссионером Матео Риччи избрали стратегию культурной адаптации: они создали первую для Китая карту мира с китайскими топонимами, познакомили с достижениями западных наук – картографией, астрономией, алгеброй и другими дисциплинами. Эта тактика, условно именуемая «мирным введением христианства через культурную адаптацию», доказала свою эффективность: согласно историческим данным, к 1651 г. около 150 тыс. китайцев приняли христианство [Hsu 1990, p. 103]. Однако в начале XVIII в. в результате конфликта между Папой Римским и императором Канси деятельность иезуитов была сначала ограничена, а затем полностью запрещена, что прервало начавшийся культурный диалог.

Возрождение христианской миссии в Китае связано с прибытием протестантов в XIX в. Этот период характеризовался значительными изменениями в отношениях между Западом и Востоком. Китай, ранее воспринимавшийся как «великая неизвестная империя», теперь все чаще воспринимался западными державами как «застарелая и враждебная страна». Во многом такая трансформация была обусловлена промышленной революцией на Западе, которая обеспечила ему технологическое превосходство над Китаем. Первая протестантская миссия прибыла в Кантон в 1807 г., но лишь после

поражения Китая в Опиумной войне 1840 г. и создания иностранных селтльментов условия для миссионерской деятельности стали достаточно благоприятными [Zhang 2007, p. 34].

Как свою главную задачу протестанты рассматривали распространение Евангелия. С этой целью они активно использовали печатные технологии. Важно отметить, что традиция протестантской печати имела глубокие исторические корни, восходящие еще к XVI в. и распространению «95 тезисов» Мартина Лютера. К XIX в. печать стала естественным и неотъемлемым инструментом протестантизма.

Особую роль в становлении китайской прессы сыграл Роберт Моррисон, возглавлявший первую протестантскую миссию. Его личность заслуживает особого внимания. Это был настолько значительный деятель, что даже основатель Китайской республики Сунь Ятсен отмечал: «Республиканское движение началось тогда, когда Роберт Моррисон ступил на земли Китая» [Zhang 2007, p. 35]. Лондонское миссионерское общество поставило перед Моррисоном три основные задачи: выучить китайский язык, создать англо-китайский словарь и перевести Библию на китайский язык. Как мы видим, две из трех поставленных задач были напрямую связаны с печатным делом. Поскольку открытое проповедование христианства в Китае начала XIX в. было запрещено, Моррисон принял стратегическое решение переместиться в Малакку, где основал протестантскую базу. Одним из ключевых проектов, задуманных им в Малакке, стал «Китайский ежемесячник» (察世俗每月统记传, Cha shisu mei yue tong jichuan), который вышел в свет в 1815 г. под редакцией Уильяма Мильна.

Принципиально важно, что даже по первоначальному замыслу содержание журнала не ограничивалось религиозной тематикой. В него планировалось включить статьи о традициях, культуре, астрономии, географии и других областях знания [Zhang 2007, p. 36]. Редакторская политика Мильна отличалась глубоким пониманием китайской культурной специфики. Он сознательно выбирал форматы, которые были бы понятны и привлекательны для местной аудитории. Ярким примером такого подхода стала тепло встреченная читателями серия статей «Диалоги двух друзей Чжана и Юаня», выполненная в форме беседы. Но наиболее значимым с точки зрения истории журналистики было то, что в «Китайском ежемесячнике» публиковались материалы о текущих событиях – например, о британском импорте азиатских товаров и политической ситуации в Европе после Наполеоновских войн [Su 2000, p. 168]. Журнал распространялся бесплатно тиражом около 500 экземпляров, что делало прессу доступной для широкой аудитории.

Следующим важным этапом стало появление в 1833 г. «Восточно-Западного ежемесячника» (东西洋考每月统记传, Dong xi yang kao mei yue tong jichuan), основанного Карлом Гутцлафом в Кантоне. Несмотря на то, что Гутцлаф, как и Моррисон, был миссионером, его издание представляло собой качественно новую модель. Основной акцент сместился с религиозной проповеди на повышение престижа Европы в глазах китайцев. Гутцлаф стремился развенчать укоренившееся представление о европейцах как о «варварах» [Britton 1933, p. 23]. При этом в его подходе сочетались просветительские цели и ощущение культурного превосходства Запада. В журнале публиковались не только материалы о европейской науке и культуре, но и впечатления китайских путешественников о Европе, что добавляло публикациям достоверности.

После поражения Китая в Первой опиумной войне и основания Гонконга в 1843 г. в развитии прессы наступил период относительного застоя [Britton 1933, p. 34]. Миссионеры сосредоточились на непосредственной проповеднической деятельности, строительстве школ и больниц. Однако уже в 1853 г. началось возрождение миссионерской печати с появлением «Китайского вестника» (遐迩贯珍, Xia'er guan zhen). Это издание стало подлинно новаторским – оно было почти светским по содержанию, освещало широкий круг новостей и впервые стало использовать иллюстрации и коммерческую рекламу [Zhang 2007, p. 42].

В 1860-е гг. центр активности журналистики переместился в Шанхай, чему способствовало выгодное экономико-географическое положение города и приток иностранных инвестиций. Здесь особой популярностью пользовался «Шанхайский вестник» (六合丛谈, Liuhe songtan) Александра Уайли, который не только распространялся в Китае, но и перепечатывался в Японии. Знаковым явлением стало активное участие китайских ученых, таких как Ван Тао, в создании контента для издания [Zhang 2007, p. 44]. Это свидетельствовало о растущем принятии прессы китайским обществом.

Вершиной развития миссионерской прессы стало основание в 1876 г. «Китайского научного журнала» (格致汇编, Gezhi huibian) Джоном Фрайером. Это издание было полностью посвящено научной тематике и отличалось не только энциклопедической широтой охвата, но и инновационным форматом – в нем появилась рубрика «вопросов и ответов», создававшая новую модель взаимодействия с читателем. Тираж журнала достигал 6 тыс. экземпляров [Zhang 2007, p. 44], что демонстрирует огромный прогресс по сравнению с первыми миссионерскими изданиями.

Таким образом, миссионерская пресса в Китае прошла сложный путь эволюции – от сугубо религиозных изданий к светским и на-

учным, от проповеди к просвещению, от монолога к диалогу культур. Этот процесс не только заложил основы современной китайской журналистики, но и стал важным фактором в сложном процессе модернизации китайского общества и его интеграции в мировое культурное пространство.

Особенности содержания китайских газет

Для привлечения китайской аудитории требовалась глубокая адаптация как формы, так и содержания периодических изданий. Китайский читатель того времени был глубоко привержен многовековой национальной письменной традиции, принципиально отличавшейся от европейской. Кроме того, европейцы традиционно воспринимались в Китае как «варвары», что вызывало естественное недоверие ко всем западным новшествам. В этих условиях простое копирование европейской газетной модели, даже на китайском языке, было обречено на провал. Ярким примером стала судьба «Шанхайской новой газеты» (上海新报, *Shanghai xin bao*), которая закрылась в 1872 г., не выдержав конкуренции с более адаптированными изданиями [Mittler 2004, p. 47]. Это закономерно приводит к вопросу: каким же образом иностранным газетам (уже с участием китайских сотрудников) удалось найти путь к своему читателю?

Для привлечения широкой аудитории издатели использовали разнообразные стратегии, ключевой из которых стала смена формата. Европейский стандарт – широкие листы с двусторонней печатью – был неприемлем для китайского читателя. Вместо этого был выбран формат небольших складывающихся буклетов с печатью на одной стороне листа. Этот дизайн напоминал традиционные китайские книги и потому воспринимался как более привычный и уважаемый. Успех этой стратегии наглядно демонстрирует неудачный эксперимент Аллена Янга: в 1879 г. он перевел «Ванго гунбао» (万国公报, *Wànguó Gōngbào*) на большой листовой формат, но столкнулся с такой волной критики, что после всего двух выпусков был вынужден вернуться к прежнему, «китаизированному» формату [Mittler 2004, p. 47]. С этой целью осведомленным о китайской культуре предпринимателям пришлось ввести ряд нововведений, которые, по факту, привели к созданию уникального гибрида, синтезировавшего европейские и китайские черты.

Рассмотрим ряд таких практик, примененных или позднее естественным образом возникших из усилий ведущих печатников на территории Китая.

Интересной особенностью практики было то, что в газетах – по примеру государственной «Цзинбао» – стали выделять специальные места перед упоминаниями императора и храмов предков и т. д., которые отводились специально для того, чтобы прописывать в них восхваления и почитания императора и императорского рода. Верстка также копировала китайские стандарты: текст шел сплошной полосой без знаков препинания, а статьи отделялись друг от друга большими кружками или отступом после заголовка. Более того, распространенной практикой стала прямая перепечатка материалов из «Цзинбао», что, с одной стороны, придавало легитимность, а с другой – было удобно читателям, поскольку европейские шрифты зачастую были качественнее и разборчивее официальных [Mittler 2004, pp. 48-49].

Однако методы адаптации не исчерпывались одним лишь визуальным подражанием «Цзинбао». Например, некоторые газеты использовали более привычный для китайцев интервал печати: вместо европейской недели использовались декады, соответствующие типичному китайскому разделению месяца на три промежутка в десять дней [Mittler 2004, p. 50].

Подобные практики оказались весьма устойчивыми – вплоть до начала XX в. эта максимально адаптированная к китайским реалиям модель продолжала сохранять свои позиции. Хотя и предпринимались отдельные попытки отойти от нее, они не увенчались значительным успехом. Параллельно с визуальной адаптацией шло активное преобразование содержания. Помимо сугубо коммерческой информации (биржевых сводок, курсов валют), которая была важна для деловых кругов, издания стали предлагать контент для другой ключевой аудитории – чиновников. Подлинным новшеством стали редакторские комментарии к материалам, перепечатанным из «Цзинбао». Если сама официальная газета давала лишь сухое изложение указов, то коммерческие издания добавляли к ним анализ, разъяснения и информацию о практических последствиях этих решений в той или иной провинции [Mittler 2004, p. 87]. Так на страницах газет впервые возникло пространство для публичной политической дискуссии, ранее недоступной низшему чиновничеству и провинциальной элите. Эта трансформация идеально совпала с запросом общества конца XIX в.: углубляющийся политический кризис порождал спрос на модернизацию и открытое обсуждение государственной политики.

Еще одной отличительной чертой стала «поэтизация» новостей. Вот пример:

27 числа прошлого месяца в третью стражу красный свет внезапно озарил небо за воротами Чжанцзяна в Нанчане. Увидевшие это были удивлены и предположили, что это, должно быть, пожар. Все они вытянули шеи и посмотрели вверх. Спустя некоторое время снова все стало тихо и нельзя было больше ничего увидеть. Узреть можно было только мерцание звезд и легкую поволоку облаков... [Mittler 2004, p. 89].

Подобный стиль был гораздо ближе и привычнее образованному китайцу, не вызывая существенного диссонанса и соответствуя его ожиданиям. Особенное «качество» газет означало содержание аллюзий, часто оформленных в форму «чэньюев» – не только в статьях, но и в заголовках: «Уставший в жизни, но счастливый в смерти» (厌生乐死, yan sheng le si) (Шэньбао, 19.2.1.1873), «Ради большого потерять малое» (为大失小, wei da shi xiao) (Шэньбао, 19.2.1873). Тем не менее заголовки и новости могли быть и сухими выжимками: «Нехватка риса в Токио» (东京米少, dongjing mi shao) (Шэньбао, 27.4.1877), «Крайне тяжелая большая черепаха» (极重大龟, ji zhong da gui) (Шэньбао, 24.11.1907). На первый взгляд может показаться, что на контрасте с «поэтизированными» новостями подобные заголовки связаны именно с западным влиянием, но это не совсем так. На самом деле, такой феномен скорее связан все так же с государственной «Цзинбао», поскольку новости в ней были краткими, передающими исключительно суть дела. Это смешение стилей демонстрирует, что китайская пресса находилась в активном поиске собственного формата.

Логично, что одной из ключевых групп целевой аудитории подобных изданий были чиновники – образованная элита, многие представители которой сами работали в редакциях. Это предопределило насыщение газетных полос не только новостями, но и интеллектуально-развлекательным контентом: литературными эссе, поэзией, театральными обзорами и т. д. Такой материал служил как для досуга, так и для культурной рефлексии и обсуждения [Wagner 2007, p. 55].

Диверсификация прессы к 1870-м гг. позволила ей стать коммерчески успешной и востребованной среди различных слоев образованного городского населения. В конечном счете ее возвышение было обусловлено не только успешными стратегиями продвижения, но и своевременным появлением в эпоху системного кризиса империи. Периодические издания предложили готовую платформу для обсуждения насущных проблем, заполнив идеологический вакуум и удовлетворив общественный запрос на новое информационное пространство в период упадка традиционных институтов.

Становление китайской прессы было сложным процессом взаимодействия и синтеза внешних и внутренних культурных традиций. Пройдя путь от инструмента религиозной пропаганды и государственного информирования до независимого медиа, пресса оказалась катализатором общественных дискуссий, создания новой идентичности и модернизации китайского общества в переломную для него эпоху угасания последней империи. Формирование периодической печати стало уникальным процессом, в ходе которого китайская культура не просто перенимала, но активно перерабатывала и адаптировала иностранные образцы, что явилось примером нового формата двустороннего взаимодействия китайской и западной культур.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о генезисе и развитии китайской прессы в эпоху поздней Цин. Анализ показал, что ее возникновение не было простым заимствованием западного института. Напротив, это был сложный, многогранный процесс адаптации, в ходе которого иностранная технология была творчески переработана и органично вписана в контекст китайской культуры и социальных нужд.

Во-первых, китайская пресса имела глубокие автохтонные корни, восходящие к традициям дворцовых хроник («Цзинбао») и сборникам народных песен. Это предопределило специфику восприятия информации китайским обществом и создало определенный культурный фундамент, на который впоследствии наложилась западная модель.

Во-вторых, решающую роль на начальном этапе сыграли иностранные протестантские миссионеры. Такие издания, как «Китайский ежемесячник» Моррисона и «Восточно-Западный ежемесячник» Гуцлаффа, выполнили роль катализатора, привнеся не только технологию, но и саму идею периодического печатного издания, сочетающего религиозный, научный и новостной контент. Их деятельность, первоначально локализованная в Малакке и Кантоне, постепенно сместилась в Гонконг и наконец в Шанхай, который к 1860-м гг. стал бесспорным интеллектуальным и медийным центром Китая.

Кроме того, ключевым фактором коммерческого успеха и широкого распространения прессы стало формирование новой читательской аудитории. Возникновение класса компрадоров, низшего чиновничества и образованной городской публики создало устой-

чивый спрос на актуальную информацию: рыночные сводки, политические новости, научные знания и интеллектуальные развлечения. Пресса перестала быть элитарным или сугубо миссионерским инструментом и превратилась в массовый медиум.

Наконец, успешная адаптация стала возможной благодаря гибкой китаизации как формы, так и содержания изданий. Издатели, в первую очередь коммерческие, проявили заметную гибкость: они отказались от европейского формата в пользу привычных китайских книжных буклетов, переняли стилистические особенности официальной «Цзинбао» (включая восхваляющие подписи и отсутствие пунктуации), а наполнение изданий обогатили поэтизированными описаниями, литературными аллюзиями, комментариями к указам и материалами о культуре. Это превратило газеты в синтез западной функциональности и китайской культурной формы.

Таким образом, становление прессы в позднецинском Китае было не пассивным заимствованием, а активным процессом селекции и адаптации. Оно стало возможным благодаря сочетанию трех факторов: внешнего импульса, заданного миссионерами, внутреннего социально-экономического запроса со стороны новой городской аудитории и уникальной способности китайских культурных паттернов к трансформации и усвоению иностранных новаций. К концу 1870-х гг. пресса окончательно оформилась как коммерчески успешный, влиятельный и адаптированный институт, готовый играть ключевую роль в грядущих общественных и политических потрясениях Китая.

Литература

- Люй 1997 – Люй Яньцзе. Тандай цзиньцзоуюань сяокао [Краткое исследование института цзиньцзоуюань эпохи Тан] // Сямэнь дасюэ сюэбао (чжэ-шэ бань) [Журнал Сямэньского университета (философия и общественные науки)]. 2017. № 4.
- Лян Цичао 2025 – Лян Цичао (梁启超) О пользе газет для государственных дел (论报馆有益于国事) // Го сюэ. URL: <http://www.guoxue.com/master/liangqichao/w-a06.htm> (дата обращения 5 июня 2025).
- Britton 1933 – Britton R.S. The Chinese Periodical Press, 1800–1912. Shanghai: Kelly & Walsh, 1933. 252 p.
- Chen 2008 – Chen P. (陈平原) Touxing zhuanzhi: wan Qing xinmeiti yu qi zhi-shi fenzi (触摸转型: 晚清新媒体与知识人). Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2008. 320 p.
- Fairbank 1953 – Fairbank J.K. Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports, 1842–1854. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1953. 489 p.

- Fairbank 1978 – *Fairbank J.K.* (ed.) *The Cambridge History of China. Vol. 10: Late Ch'ing, 1800–1911, Part 1.* Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 713 p.
- Fairbank, Liu 1980 – *Fairbank J.K., Liu K.-C.* (eds.) *The Cambridge History of China. Vol. 11: Late Ch'ing, 1800–1911, Part 2.* Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 754 p.
- Fairbank, Twitchett 1983 – *Fairbank J.K., Twitchett D.* (eds.) *The Cambridge History of China. Vol. 12: Republican China, 1912–1949, Part 1.* Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 505 p.
- Fang 1981 – *Fang Hanqi* (方汉奇) *Zhongguo jindai baokan shi* (中国近代报刊史). Taiyuan: Shanxi renmin chubanshe, 1981. 685 p.
- Fang 1992 – *Fang Hanqi* (方汉奇) *Zhongguo xinwen shiye tongshi* (中国新闻事业通史). Beijing: Renmin chubanshe, 1992. 3 vol.
- Feuerwerker 1958 – *Feuerwerker A.* *China's Early Industrialization: Sheng Hsuan-huai (1844–1916) and Mandarin Enterprise.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. 311 p.
- Hsu 1990 – *Hsu I.C.Y.* *The Rise of Modern China.* 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 1990. 954 p.
- Judge 1996 – *Judge J.* *Print and Politics: “Shibao” and the Culture of Reform in Late Qing China.* Stanford: Stanford University Press, 1996. 288 p.
- Judge 2015 – *Judge J.* *Republican Lens: Gender, Visuality, and Experience in the Early Chinese Periodical Press.* Oakland, CA: University of California Press, 2015. 360 p.
- Li 1967 – *Li Xianwen* (李贤文) *Zhongguo jindai baoye fazhan shi* (中国近代报业发展史). Taipei: Taiwan shangwu yinshuguan, 1967. 328 p.
- Lin 1936 – *Lin Y.* *History of the Press and Public Opinion in China.* Shanghai: Commercial Press, 1936. 179 p.
- Mittler 2004 – *Mittler B.* *A Newspaper for China? Power, Identity, and Change in Shanghai's News Media, 1872–1912.* Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2004. 516 p.
- Reed 2004 – *Reed C.A.* *Gutenberg in Shanghai: Chinese Print Capitalism, 1876–1937.* Vancouver: UBC Press, 2004. 391 p.
- Su 2000 – *Su J.* *Protestant Missionary Press in 19th Century China // Journal of Modern Chinese History.* 2000. Vol. 14. No. 2. P. 165–180.
- Wagner 2007 – *Wagner R.* *The Role of the Foreign Press in Late Qing China // Joining the Global Public: Word, Image, and City in Early Chinese Newspapers, 1870–1910 / ed. by R. Wagner.* Albany, NY: SUNY Press, 2007. Pp. 47–72.
- Wang 1969 – *Wang Ermin* (王尔敏) *Wan Qing zhengzhi sixiang shi lun* (晚清政治思想史论). Taipei: Xuesheng shuju, 1969. 278 p.
- Wright 1957 – *Wright M.C.* *The Last Stand of Chinese Conservatism: The T'ung-chih Restoration, 1862–1974.* Stanford: Stanford University Press, 1957. 426 p.
- Zhang 2007 – *Zhang X.* *The Origins of the Modern Chinese Press: The Influence of the Protestant Missionary Press in Late Qing China.* London: Routledge, 2007. 224 p.
- Zhou 2011 – *Zhou M.* (梅周) *Jindai Shanghai baoye chuanmei yu dushi wenhua* (近代上海报业传媒与都市文化). Shanghai: Shanghai wenyi chubanshe, 2011. 298 p.

References

- Britton, R.S. (1933), *The Chinese Periodical Press, 1800–1912*, Kelly & Walsh, Shanghai, China.
- Chen, P. (2008), *Touxiang zhuanzhi: wan Qing xinmeiti yu qi zhishi fenzi* [Touching Transformation: Late Qing New Media and Intellectuals], Beijing daxue chubanshe, Beijing, China.
- Fairbank, J.K. (1953), *Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports, 1842–1854*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Fairbank, J.K. (ed.) (1978), *The Cambridge History of China*, vol. 10: Late Ch'ing, 1800–1911, part 1, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Fairbank, J.K. and Liu, K.-C. (eds.) (1980), *The Cambridge History of China*. Vol. 11: Late Ch'ing, 1800–1911, part 2, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Fairbank, J.K. and Twitchett, D. (eds.) (1983), *The Cambridge History of China*. Vol. 12: Republican China, 1912–1949, Part 1, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Fang, Hanqi (1981), *Zhongguo jindai baokan shi* [History of Modern Chinese Press], Shanxi renmin chubanshe, Taiyuan, China.
- Fang, Hanqi (1992), *Zhongguo xinwen shiye tongshi* [General History of Chinese Journalism], 3 vol, Renmin chubanshe, Beijing, China.
- Feuerwerker, A. (1958), *China's Early Industrialization: Sheng Hsuan-huai (1844–1916) and Mandarin Enterprise*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Hsu, I.C.Y. (1990), *The Rise of Modern China*, 5th ed., Oxford University Press, Oxford, UK.
- Judge, J. (1996), *Print and Politics: «Shibao» and the Culture of Reform in Late Qing China*, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Judge, J. (2015), *Republican Lens: Gender, Visuality, and Experience in the Early Chinese Periodical Press*, University of California Press, Oakland, CA, USA.
- Li, Xianwen (1967), *Zhongguo jindai baoye fazhan shi* [History of the Development of Modern Chinese Journalism], Taiwan shangwu yinshuguan, Taipei, China.
- Lin, Y. (1936), *History of the Press and Public Opinion in China*, Commercial Press, Shanghai, China.
- Liu, Y. (1997), “Tangdai jinzouyuan xiaokao” [A Brief Study of the Tang Dynasty Jinzouyuan Institution], *Xiamen Daxue Xuebao (Zheshe Ban)* [Journal of Xiamen University (Philosophy and Social Sciences Edition)], No. 4.
- Mittler, B.A. (2004), *Newspaper for China? Power, Identity, and Change in Shanghai's News Media, 1872–1912*, Harvard University Asia Center, Cambridge, MA, USA.
- Reed, C.A. (2004), *Gutenberg in Shanghai: Chinese Print Capitalism, 1876–1937*, UBC Press, Vancouver, Canada.
- Su, J. (2000), “Protestant Missionary Press in 19th Century China”, *Journal of Modern Chinese History*, vol. 14, no. 2, pp. 165–180.
- Wagner, R. (2007), “The Role of the Foreign Press in Late Qing China”, in Wagner, R. (ed.), *Joining the Global Public: Word, Image, and City in Early Chinese Newspapers, 1870–1910*, SUNY Press, Albany, NY, USA, pp. 47–72.

- Wang, Ermin (1969), *Wan Qing zhengzhi sixiang shi lun* [On the History of Late Qing Political Thought], Xuesheng shuju, Taipei, China.
- Wright, M.C. (1957), *The Last Stand of Chinese Conservatism: The T'ung-Chih Restoration, 1862–1974*, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Zhang, X. (2007), *The Origins of the Modern Chinese Press: The Influence of the Protestant Missionary Press in Late Qing China*, Routledge, London, UK.
- Zhou, M. (2011), *Jindai Shanghai baoye chuanmei yu dushi wenhua* [Modern Shanghai Press Media and Urban Culture], Shanghai wenyi chubanshe, Shanghai, China.
- Liang, Qichao (2025), *On the Benefit of Newspapers for State Affairs* [论报馆有益于国事], available at: <http://www.guoxue.com/master/liangqichao/w-a06.htm> (Accessed 5 June 2025).

Информация об авторе

Анна В. Лепницкая, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; 614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15, ann.lepnitskaya@mail.ru

Information about the author

Anna V. Lepnitskaya, Perm State National Research University, Perm, Russia; bld. 15, Bukireva Street, Perm, Russia, 614068; ann.lepnitskaya@mail.ru

Научный журнал

Вестник РГГУ

Серия «Евразийские исследования. История.
Политология. Международные отношения»

№ 6

2025

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

Е.Б. Рагузина

Учредитель и издатель
Российский государственный
гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 13.02.2026

Выход в свет 20.02.2026

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 9,1. Усл. печ. л. 9,8.

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2313

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru